

СТИВЕН КЛИНГ

ИНСТИТУТ

Темная башня (АСТ)

Стивен Кинг

Институт

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-313.2(73)

ББК 84 (7Сое)-44

Кинг С.

Институт / С. Кинг — «Издательство АСТ», 2019 — (Темная башня (АСТ))

ISBN 978-5-17-120968-1

Еще недавно у двенадцатилетнего Люка Эллиса была вполне привычная жизнь: школа, обеды с родителями в любимой пиццерии, вечера в компании лучшего друга... Пока одним июньским утром он не просыпается в собственной комнате, вот только в ней нет окон и находится она в тщательно укрытом от всего мира месте под названием «Институт». Здесь над похищенными из разных городов детьми, обладающими даром телепатии или телекинеза, проводят жестокие эксперименты с целью максимально развить их паранормальные способности. Бежать невозможно. Будущее предопределено, и это будущее – загадочная Дальняя половина Института, откуда не возвращался еще никто... Однако Люк не намерен сдаваться. Он уверен: в любой системе есть слабое место и он дождется часа, когда сможет вновь оказаться на свободе...

УДК 821.111-313.2(73)

ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-5-17-120968-1

© Кинг С., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Ночной обходчик	7
Умный мальчик	28
Приколись – уколись!	48
Морин и Авери	73
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Стивен Кинг Институт

Stephen King
THE INSTITUTE

Фото автора на обложке: *Shane Leonard*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

© Stephen King, 2019

© Jacket Design by Will Staehle / Unusual Corporation

© Jacket Artwork: Train by Ayrat A / Shutterstock; Boy by Kosmos111 / Shutterstock; Room by Koksharov Dmitry / Shutterstock; Tracks by Karin Claus / Shutterstock

Школа перевода В. Баканова, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

Стивен Кинг – один из самых популярных писателей нашего времени.

Его читают подростки и взрослые, женщины и мужчины, – все, кто стремится лучше познать себя и других, а также изменчивый и несправедливый мир, в котором мы живем.

Стивену Кингу подвластны все жанры: он – автор великолепных романов, потрясающих повестей и блистательных рассказов.

Среди шедевров Мастера – полное мистики и саспенса «Сияние», приоткрывающая тайны человеческого сознания «Мертвая зона», удивительно трогательная и в то же время невероятно жесткая «Зеленая миля», леденящая кровь «Кэрри», «жемчужина» фэнтези «Темная башня» и многое-многое другое...

* * *

Посвящаю внукам: Итану, Эйдану и Райану

И воззвал Самсон к Господу и сказал: Господи Боже! вспомни меня и укрепи меня только теперь, о Боже! чтобы мне в один раз отомстить Филистимлянам за два глаза мои...

И сдвинул Самсон с места два средних столба, на которых утверждён был дом, упершись в них, в один правую рукою своею, а в другой левою.

И сказал Самсон: умри, душа моя, с Филистимлянами! И уперся [всею] силою, и обрушился дом на владельцев и на весь народ, бывший в нем. И было умерших, которых умертвил [Самсон] при смерти своей, более, нежели сколько умертвил он в жизни своей.

Книга Судей, глава 16

...а кто соблазнит одного из малых сих... тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской.

От Матфея, глава 18

***

Согласно данным Национального центра по проблемам пропавших без вести и подвергающихся эксплуатации детей, ежегодно в США пропадает 800 000 детей. Большинство находятся. Тысячи – нет.

Ночной обходчик

1

Самолет, на котором Тим Джемисон должен был полчаса назад вылететь навстречу ярким огням и небоскрегам Нью-Йорка, все еще стоял у гейта. Когда в забитый салон эконом-класса вошли сотрудник авиакомпании «Дельта» и блондинка с бейджиком службы безопасности на шее, среди пассажиров поднялся недовольный ропот.

– Прошу минутку вашего внимания! – обратился к ним сотрудник авиакомпании.

– Надолго рейс задержат? – спросил кто-то. – Только говорите как есть, без прикрас.

– Ненадолго. Капитан самолета просил вас заверить, что мы прибудем практически вовремя. Но кому-то придется освободить одно место для сотрудника правоохранительных органов, который должен срочно вылететь в Нью-Йорк.

Все дружно застонали, и Тим увидел, как несколько человек вооружились мобильниками – мало ли какие неприятности возникнут.

– Авиакомпания «Дельта» предлагает добровольцу бесплатный билет до Нью-Йорка на рейс в шесть сорок пять утра...

Пассажиры снова застонали. Кто-то сказал:

– Да лучше сразу пристрелите...

Сотрудник авиакомпании как ни в чем не бывало продолжал:

– Также мы предоставляем бесплатный отель и денежную компенсацию в размере четырехсот долларов. Очень выгодное предложение! Желающие есть?

Желающих не было. Блондинка молча осмотрела многолюдный эконом-класс внимательным, но безжизненным взглядом.

– Восемьсот долларов, – сказал сотрудник «Дельты». – Плюс отель и бесплатный билет.

– Прямо телевикторина какая-то, – проворчал сидевший перед Тимом мужчина.

Желающих все равно не нашлось.

– Тысяча четыреста?..

По-прежнему никого. Интересно, но в целом неудивительно. Дело было даже не в том, что на рейс в 6:45 утра вставать пришлось бы в несусветную рань. Просто в салоне с Тимом оказались главным образом семьи, летевшие домой после посещения флоридских достопримечательностей, обгоревшие на солнце парочки – любители пляжного отдыха – да мясистые, недовольные дядьки с багровыми физиономиями, которые точно не стали бы жертвовать своими делами в Нью-Йорке ради тысячи баксов.

В самом хвосте самолета кто-то крикнул:

– За «мустанг» с откидным верхом и два билета на Арубубу хоть оба наших места заберите!

В салоне засмеялись – не слишком дружелюбно.

Сотрудник авиакомпании поглядел на блондинку с бейджиком, но ждать от нее помощи не приходилось. Женщина продолжала молча скользить взглядом по салону. Он вздохнул и выкрикнул:

– Тысяча шестьсот долларов!

Тим Джемисон вдруг подумал: сойти бы с этого самолета да двинуть на север автостопом. И хоть такая мысль пришла ему на ум впервые, он почему-то сразу представил себе это путешествие, причем в подробностях. Вот он стоит на шоссе 301 где-нибудь в округе Эрнандо, подняв большой палец. На улице жара, кругом роятся мухи, за спиной здоровенный щит с

рекламой частного адвоката-разводилы, а из бумбокса на ступеньке ближайшего трейлера орет «Беги со всех ног» группы «REO Speedwagon». Рано или поздно Тима подберет фермер Джон на грузовике с дощатым кузовом, полным дынь, и фигуркой Иисуса на приборной панели. Самое приятное во всей этой ситуации – даже не наличка в кармане; самое приятное – стоять в одиночестве на дороге, за много миль от этой летающей консервной банки, пропахшей духами, потом и лаком для волос.

К тому же всегда приятно срубить денюжку с государства.

Тим встал во весь свой средний рост (около пяти футов десяти дюймов), поправил очки на переносице и поднял руку.

– Две тысячи плюс наличные за билет, сэр, – и место ваше.

2

Бесплатный отель оказался клоповником в конце самой загруженной взлетно-посадочной полосы международного аэропорта Тампы. Тим заснул под рев самолетов и проснулся под него же. Спустился в столовую, позавтракал вареным яйцом и двумя резиновыми оладьями – не бог весть что, но ел с аппетитом. Затем вернулся в комнату и там просидел до девяти утра, дожидаясь открытия банков.

Обналичить чек не составило труда: в банке уже знали о его приходе и заранее одобрили операцию. Спрятав в левый передний карман две тысячи, выданные купюрами по двадцать и пятьдесят долларов, Тим получил на посту охраны свою сумку, вызвал «убер» и отправился в Эллентон. Там он расплатился с водителем, дошел до ближайшего указателя на трассу 301-N и начал «голосовать». Спустя пятнадцать минут его подобрал дедок на пикапе – правда, без дынь и дощатого кузова, но в общем и целом вчерашнее видение было весьма точным.

– Куда путь держишь, друг? – спросил старикан.

– Да вот, в Нью-Йорк собрался, – ответил Тим.

Дед харкнул в окно черной табачной слюной.

– Кто ж в своем уме туда едет, а?

– Не знаю, – ответил Тим, хотя сам-то, конечно, знал: бывший коллега ему рассказал, что в Большом Яблоке всегда есть спрос на частную охрану. Тима там с руками оторвут – многие компании по достоинству оценят его огромный опыт и не станут придавать большого значения той заварушке в духе Руба Голдберга¹, что загубила карьеру Тима во флоридской полиции. – Сегодня мне бы хоть до Джорджии доехать. Может, там и останусь.

– Вот это я понимаю! Джорджия – другое дело, особо для тех, кто любит персики. Я-то персики не очень, понос у меня от них. Ничего, что я музыку включу?

– Ничего, конечно.

– Только сразу предупреждаю: я на всю громкость слушаю. Туговат на ухо, знаешь ли.

– Да мне лишь бы ехать.

Вместо «REO Speedwagon» из колонок зазвучал Уэй-лон Дженнингс, но Тим не возражал. После Уэйлона пели Шутер Дженнингс и Марти Стюарт. Двое в заляпанном грязью «додж-рэме» молча слушали музыку и смотрели на шоссе. Через семьдесят миль старикан съехал на обочину, высадил Тима и козырнул: «Ну, бывай!»

В тот вечер Тим так и не добрался до Джорджии. Ночь он провел в очередном клоповнике рядом с придорожным ларьком, где торговали апельсиновым соком. А вот на следующий день Тима занесло в Брансуик (там изобрели какое-то особое, очень вкусное мясное рагу), и

---

¹ Руб Голдберг (1883–1970) – американский карикатурист, инженер и изобретатель. Прославился серией карикатур, в которых фигурируют затейливые и громоздкие устройства, действующие главным образом по принципу «домино» и выполняющие элементарные функции. Такие устройства получили название «машин Руба Голдберга». – *Здесь и далее примеч. пер.*

он на две недели устроился рабочим на завод по переработке мусора – так же запросто, как сошел с самолета в Тампе. Деньги ему были без надобности, а вот время не помешало бы: перемены ведь не случаются в одночасье. К тому же прямо рядом с закуской «Денниз» оказался неплохой боулинг. Ну как устоишь перед таким соблазном?

3

Добавив к своему нежданному богатству двухнедельную зарплату, Тим вышел на брансуикскую обочину трассы I-95 с чувством приятной уверенности в ближайшем будущем, какое нечасто посещает скитальцев. Он простоял на солнцепеке больше часа и уже думал вернуться в «Денниз» за стаканчиком холодного сладкого чая, когда рядом остановился универсал «вольво». Заднее сиденье и багажник машины были забиты картонными коробками. Пожилая дама за рулем опустила стекло и уставилась на Тима сквозь толстые стекла очков.

– Не здоровяк, но мышцы вроде крепкие, – сказала она. – Вы, часом, не маньяк? Не психбольной?

– Нет, мэ, – ответил Тим, а сам подумал: неужели я бы признался?

– Хотя, конечно, вы бы мне не признались. До Южной Каролины со мной доедете? Судя по размеру вашей сумки – да.

Другая машина, громко сигналив, обогнула «вольво» и помчалась дальше. Старушка не обратила на это никакого внимания и продолжила разглядывать Тима.

– Доеду, мэ. Хоть до самого Нью-Йорка.

– Я вас довезу до Южной Каролины – не вглубь, а до окраины сего дремучего штата, – но при условии, что вы мне немного подсобите. Услуга за услугу, если вы понимаете, о чем я.

– Рука руку моет, – ухмыльнулся Тим.

– Мыть мы ничего не будем, но залезайте.

Тим сел в машину. Старушку звали Марджори Келлерман, она заведовала библиотекой Брансуика и была членом некоего Юго-Восточного библиотечного общества – совершенно нищего, потому что «Трампа и его приспешники все заграбастали. В культуре они смыслят ровно столько же, сколько осел – в алгебре».

Через шестьдесят пять миль, еще в пределах Джорджии, она остановилась возле убогой хибары – местной библиотеки. Тим выгрузил коробки с книгами и на тележке отвез их внутрь, а оттуда привез еще дюжину коробок. Марджори Келлерман сказала, что их необходимо доставить в публичную библиотеку города Йемасси, Южная Каролина, до которого ехать миль сорок на север. Однако вскоре после Хардивилла они встали в пробке: обе полосы были забиты машинами.

– Ох, как я этого не люблю! – воскликнула Марджори. – И это вечно случается в Южной Каролине, где местные власти зажали денег на расширение шоссе. Где-то впереди авария, а на двух полосах машинам не разъехаться. Проторчу здесь полдня, это как пить дать. Мистер Джемисон, я освобождаю вас от обязанностей. На вашем месте я бы покинула эту машину, вернулась пешком до съезда на Хардивилл и попытала счастья на семнадцатом шоссе.

– А как же коробки?

– О, не беспокойтесь, я подыщу себе другого крепкого грузчика. – Она улыбнулась. – Буду с вами откровенна: увидев вас на обочине, под палящим солнцем, я решила, что пора немного поискать судьбу.

– Ну, раз вам точно не нужна помощь... – В пробке у Тима вдруг разыгралась клаустрофобия, прямо как в том самолете «Дельты». – А если все-таки нужна, я останусь. Мне спешить особо некуда.

– Ничего, я справлюсь, – ответила Марджори. – Приятно было познакомиться, мистер Джемисон.

– Взаимно, миссис Келлерман.

– Может, помочь вам деньгами? Уж долларов десять у меня найдется...

Тим был тронут и удивлен – причем не впервые – добротой и щедростью простых людей, особенно тех, у кого за душой почти ничего нет. Все-таки Америка – по-прежнему славная страна, что бы там ни говорили некоторые (а порой и он сам).

– Нет-нет, что вы! Но спасибо за щедрое предложение.

Тим пожал ей руку, вышел из машины и отправился пешком по обочине к съезду на Хардивилл. Там удача ему не улыбнулась, и он прошагал еще пару миль до перекрестка с внутриштатной магистралью 92, где стоял указатель на ближайший городок под названием Дюпрей. Дело шло к вечеру, и Тим решил не ехать дальше, а поискать ночлег. В этих краях, конечно, рассчитывать на приличную гостиницу не приходилось, но лучше уж спать в клоповнике, чем укрыться в каком-нибудь амбаре или кормить комаров под открытым небом. Так Тим задумал посетить славный город Дюпрей.

Великие дела начинаются с малого.

4

Час спустя он сидел на камне у переезда и ждал, когда откроют дорогу: мимо шел бесконечный на вид товарняк. Поезд направлялся в сторону Дюпрея размеренно и величаво, на скорости тридцать миль в час: крытые товарные вагоны, автомобилевозы (груженные разбитыми, а не новыми машинами), цистерны, платформы и полувагоны с неизвестно какими ядовитыми веществами на борту (в случае крушения поезда они наверняка могли вызвать лесной пожар или отравить население Дюпрея зловонными и даже смертоносными испарениями). Наконец мимо проехал оранжевый тормозной вагон: сидевший на раскладном стуле мужчина в комбинезоне читал книжку в бумажной обложке и курил. Он оторвался от книги и помахал Тиму. Тим помахал в ответ.

До городка, стоявшего на пересечении внутриштатной магистрали 92 (в пределах населенного пункта именуемой Мэйн-стрит) и двух других улиц, оставалось еще две мили. Дюпрей, судя по всему, благополучно избежал засилья крупных сетевых магазинов: Тиму попался только «Вестерн ауто», да и тот давно стоял заколоченный. Зато имелись продуктовая лавка, аптека, хозяйственный (где торговали всем понемножку) и два салона красоты. Еще Тим заметил кинотеатр с табличкой «ПРОДАЕТСЯ» на козырьке, магазин автозапчастей с гордой вывеской «Автомир Дюпрея» и закусочную «У Беверли». Три церкви – одна методистская, две неопознанных конфессий, все из разряда «приди-к-Иисусу». На парковках в центре Тим насчитал от силы десятка два машин, включая фермерские пикапы. Людей на улицах почти не было.

Пройдя три квартала и еще одну церковь, он заметил впереди «Мотель Дюпрея». Сразу за ним – там, где Мэйн-стрит, вероятно, вновь превращалась в магистраль 92, – маячили второй переезд, депо и вереница построек с поблескивавшими на солнце металлическими крышами. За ними опять начинался густой сосновый лес. В общем, Дюпрей напомнил Тиму городок из какой-нибудь ностальгической кантри-песни Алана Джексона или Джорджа Стрейта. Вывеска на мотеле была древней и ржавой – он вполне мог быть закрыт, как и кинотеатр. Но поскольку другой ночлег Тиму явно не светил, он все же направился к мотелю.

Тим прошел мимо местной администрации и остановился возле кирпичного здания с заросшими плющом стенами. На аккуратно подстриженной лужайке красовалась табличка: «Управление шерифа округа Фэрли». Округ – судя по окружному центру – был совсем нищий.

У входа стояли две полицейские машины. Одна – довольно новый седан, вторая – старенький, заляпанный грязью «фораннер» с проблесковым маячком на приборной панели. Тим глянул на вход в управление – мимолетным взглядом путника с тугой стопкой наличных в кар-

мане – и зашагал было дальше... Потом вдруг замер и подошел поближе к двойным дверям, по бокам от которых висели доски для объявлений. Тима заинтересовало одно объявление, и он решил убедиться, что ему не померещилось.

В наш-то век... Такого просто быть не может!

Однако вот же, рядом с плакатом «ЕСЛИ ТЫ ДУМАЛ, ЧТО В ЮЖНОЙ КАРОЛИНЕ ЛЕГАЛИЗОВАНА МАРИХУАНА, ПОДУМАЙ ЕЩЕ РАЗ», черным по белому написано: «ТРЕБУЕТСЯ НОЧНОЙ ОБХОДЧИК. ОБРАЩАТЬСЯ К ШЕРИФУ».

Ого, подумал Тим, вот так привет из прошлого!

Он собрался продолжить путь, но снова замер на месте и задумался. Как раз в эту секунду двери участка распахнулись, и оттуда, поправляя фуражку, вышел длинный и тощий рыжеволосый коп. Лучи заходящего солнца сверкнули на его значке. Он окинул взглядом рабочие ботинки Тима, пропыленные джинсы и голубую хлопчатобумажную рубашку. Присмотрелся к сумке, висевшей у Тима на плече, затем поднял глаза к его лицу.

– Чем могу помочь, сэр?

Тим вдруг ощутил ту же внезапную решимость, что посетила его недавно на борту самолета.

– Наверное, ничем, но мало ли.

5

Рыжий коп – помощник шерифа по имени Тэггарт Фарадей – пригласил Тима в участок, где в нос сразу ударил привычный запах хлорки и аммиака, доносившийся из четырех камер для задержанных. Познакомив Тима с Вероникой Гибсон, женщиной среднего возраста, которая в тот день дежурила на телефоне, Фарадей попросил у Тима водительские права и еще какой-нибудь документ, удостоверяющий личность. Тим тут же достал права и удостоверение сотрудника полиции Сарасоты – даже не пытаюсь скрывать, что срок его действия истек девять месяцев назад. Как только полицейские увидели карточку, их отношение к гостю сразу изменилось.

– Вы, стало быть, не местный, – сказала Ронни Гибсон.

– Не местный. Однако собираюсь им стать – если возьмете меня обходчиком.

– Зарплата крошечная, – сказал Фарадей. – Да мы тут ничего и не решаем: нанимает и увольняет сотрудников шериф Эшворт.

Ронни Гибсон добавила:

– Наш прежний обходчик, Эд Уитлок, вышел на пенсию и уехал в Джорджию. У него боковой склероз, как у Лу Герига². Славный малый. Не повезло бедняге!.. Ничего, в Джорджии за ним присмотрят.

– Хорошим людям больше всех достается, – сказал Тэг Фарадей. – Дай-ка ему анкету, Ронни. Мистер Джемисон, у нас контора небольшая, всего семь человек, из них двое на полставки. Больше местные налогоплательщики себе позволить не могут. Шериф Джон сейчас на дежурстве. Если к пяти или половине шестого не вернется, значит, поехал домой ужинать. Тогда уж только завтра его увидите.

– Ладно, вечером я все равно буду здесь. Если мотель работает.

– Норберт наверняка найдет для вас свободный номерок, – сказала Ронни Гибсон. Они с Фарадеем переглянулись и засмеялись.

– Видать, мотель у вас не пятизвездочный, – заметил Тим.

---

² Лу Гериг (1903–1941) – легендарный американский бейсболист, игравший за «Нью-Йорк янкиз». В США и Канаде боковой амиотрофический склероз часто называют «болезнью Лу Герига».

– Без комментариев, – ответила Ронни. – Я бы на вашем месте проверила, нет ли в кровати маленьких кровопийц. А почему вы ушли из полиции Сарасоты, мистер Джемисон? На пенсию-то вам вроде рановато.

– Это я намерен обсудить с вашим начальником – если, конечно, он пригласит меня на собеседование.

Полицейские снова переглянулись – уже куда более многозначительно, – после чего Тэг Фарадей сказал:

– Ну, выдай ему анкету, Ронни, пусть заполняет. Приятно было познакомиться, сэр, и добро пожаловать в Дюпрей. Ведите себя хорошо – и мы поладим. – С этими словами он удалился, оставив вопрос альтернативы хорошему поведению открытым. Сквозь решетку на окне Тим увидел, как «фораннер» выехал с парковки и покатил по короткой главной улице Дюпрея.

Ему выдали анкету на планшете с зажимом. Тим устроился на одном из трех стульев у левой стены, поставил сумку между ног и начал отвечать на вопросы.

Ночной обходчик, подумал он. Чтоб меня!

6

Шериф Эшворт – а для большинства горожан и коллег просто шериф Джон – оказался пузатым, неторопливым толстяком. У него были щеки как у бассета и копна седых волос. На форменной рубашке виднелось пятно от кетчупа. Он носил «глок» в кобуре и рубиновый перстень на мизинце, говорил с ядреным акцентом, подчеркнуто благодушно, по-свойски, однако его глаза, глубоко засевшие в заплывших жиром глазницах, были умны и проницательны. Словом, он бы запросто прошел кастинг на роль шерифа в каком-нибудь штампованном южном боевичке вроде «Широко шагая», если бы не черный цвет кожи. И еще кое-что: на стене в его кабинете, рядом с портретом президента Трампа, висел в рамочке диплом Академии ФБР в Куантико. Такие штуки за упаковки от кукурузных хлопьев не высылают.

– Ну что ж, – сказал шериф Джон, покачиваясь в своем офисном кресле, – времени у нас в обрез. Марселла с меня шкуру сдерет, если я опоздаю к ужину без веской причины.

– Понял.

– Так что давайте сразу к делу. Почему вы ушли из полиции Сарасоты и что делаете в наших краях? Южная Каролина туристов не манит, а уж Дюпрей и подавно.

Эшворт вряд ли стал бы звонить сегодня в Сарасоту, но утром наверняка позвонит, так что Тим решил ничего не приукрашивать. А смысл? Если не возьмут обходчиком, переканутется в Дюпрее одну ночь и отправится дальше, с частыми остановками до Нью-Йорка. То был в представлении Тима необходимый переходный период между случившимся однажды вечером в «Вестфилд-молле» Сарасоты и тем, что ждало его впереди. Да и в конце концов, честность – лучшая политика, хотя бы по той причине, что в наш век все тайное рано или поздно становится явным. Особенно если в твоём распоряжении есть компьютер и вайфай.

– Мне предложили добровольно уйти в отставку, я и ушел. Никому от этого легче не стало, тем более мне – я свою работу любил, и мне нравилось жить на северном побережье залива, – и все же это было самое разумное решение. Так хотя бы пенсию назначили – не полноценную, конечно, но лучше, чем ничего. Половину я отдаю бывшей жене.

– Так что стряслось-то? И давайте поживей, а то у меня ужин дома стынет.

– История недолгая. Однажды вечером, после смены, я заглянул в «Вестфилд-молл» за новыми ботинками – на свадьбу собирался. Я был в форме, чтобы вы понимали.

– Понимаю.

– Выхожу я из обувного, и тут ко мне подлетает женщина: мол, какой-то подросток размахивает пистолетом у входа в кинотеатр. Я бегом туда, понятное дело.

– И сразу выхватили пушку?

– Нет, сэр, не сразу. Сперва оценил обстановку. Один паренек валялся на полу, а другой – не то пьяный, не то под кайфом – его пинал. И целился в него из пистолета.

– Прямо как в кливлендском деле. Коп пристрелил чернокожего парня, который размахивал пневматикой.

– Вот и я ту историю вспомнил. Да только коп, пристреливший Тамира Райса, божился, что пушка показалась ему настоящей. А я сразу подумал, что парень размахивает игрушкой. Но знать наверняка не мог – вы, конечно, понимаете почему.

Шериф Джон Эшворт и думать забыл о стынувшем ужине.

– Потому что парень грозил пистолетом другому парню. Какой смысл наставлять на противника игрушку? Хотя... тот ведь мог и не знать, что это игрушка.

– Потом преступник утверждал, что ничего не *наставлял*, а просто размахивал игрушечным пистолетом, приговаривая: «Это мое, гад, слышишь? Мое не трожь!» Но я-то этого не видел. Мне показалось, что он наставляет на парня пушку. Я заорал, мол, бросай оружие, руки вверх. То ли он меня не услышал, то ли внимания не обратил... так или иначе, парня он пинать не перестал. И все грозил ему пушкой. Или размахивал ею. В общем, тут я и выхватил табельное оружие. – Тим умолк. – Если это важно, оба парня были белые.

– Мне все равно. Дети подрались, один лежал, второй его бил. У второго в руках не то пушка, не то игрушка – поди разбери. И что? Пристрелили вы его? Только не говорите, что...

– Никто никого не пристрелил. Там все иначе вышло. Видали, как вокруг дерущихся обычно собирается толпа народу? А когда кто-нибудь достает пушку, все разбегаются?

– Конечно. У кого мозги на месте, те сразу дают деру.

– Вот и тут все испарились. Кроме нескольких зевак.

– А, снимали происходящее на телефон?

Тим кивнул.

– Спилберги недоделанные. Короче, я направил ствол вверх и пальнул в потолок – вроде как предупредил этого идиота. Зря, конечно, я так сделал, но мне тогда ничего другого на ум не пришло. В той части торгового центра с потолка свисали светильники. Пуля угодила в такой светильник, и он свалился на голову одному из зевак. А паренек сразу бросил пушку – и по тому, как она отскочила от пола, я понял, что это водяной пистолет, похожий на настоящий. Паренек на полу отделался парой синяков и царапин, даже швы накладывать не пришлось. А вот зевака потерял сознание на три часа. Сотрясение мозга заработал. Его адвокат в суде уверял, что у бедняги амнезия и страшные головные боли.

– Он подал в суд?

– Да. Тяжбы идут до сих пор. В конце концов он что-нибудь да получит.

Шериф Джон задумался.

– Ну, он сам виноват – решил снимать на телефон, вместо того чтобы ноги делать. Вряд ли ему это сойдет с рук. А начальство, небось, на вас все повесило, да? В неосторожном обращении с табельным оружием обвинили?

Да, подумал Тим, и хорошо бы только в этом. Увы. Хоть шериф Джон с виду эдакий афроамериканский босс Хогг, как в фильме «Придурки из Хаззарда», на дурака он не тянет. На его месте почти любой коп вошел бы в положение Тима – однако завтра он наверняка позвонит в Сарасоту и разузнает, что к чему. Так что лучше пусть сразу все услышит из первых уст.

– Перед тем как отправиться в обувной, я заглянул в «Бичкомберс» и пропустил там пару кружек. Полицейские, которые в итоге задержали парня, учуяли запах и велели мне дыхнуть в трубку. Надышал я шесть десятых промилле – не криминал. Но то, что я в легком подпитии отправил человека в больницу, чести мне не делало.

– А вы вообще-то пьете, мистер Джемисон?

– Пил несколько месяцев сразу после развода, но это было пару лет назад. Сейчас уже не пью.

А если бы пил – так и не признался бы, подумал Тим.

– Понял, понял... Ладно, теперь я говорю – а вы меня поправьте, если что. Значит, вы были не при исполнении. Если бы не форма, вас бы вообще никто не стал просить о помощи.

– Да, но я бы услышал шум и все равно подбежал бы. Коп всегда на службе, вы же знаете.

– Ну да, ну да... А пушку вы тоже всегда с собой носите?

– Нет. Она у меня в бардачке лежит.

Тут Эшворт загнул второй палец, а потом сразу и третий.

– Значит, пистолет у паренька был наверняка липовый, хотя мог оказаться настоящим.

Издали вы не разглядели.

– Точно.

Шериф загнул четвертый палец.

– Незадолго до стычки вы успели принять две порции спиртного.

– Да. Причем пил я тоже в форме.

– Вот это вы зря, конечно. Не самый разумный поступок – опрометчивый, прямо скажем.

Но мне все равно кажется, что вам просто страшно не повезло. – Шериф Джон забарабанил пальцами по столу. Рубиновый перстень на мизинце отмечал каждое движение кисти негромким щелчком. – История уж больно бредовая – нарочно не придумаешь. Завтра я для порядка позвоню в ваш участок и все проверю. Заодно еще разок эту байку послушаю, она того стоит.

Тим улыбнулся.

– Шеф полиции Сарасоты – Бернадетта Дипино. И бегите уже домой, а то жена заругает.

– Ну да, ну да. С Марси я сам как-нибудь разберусь. – Шериф подался вперед, перегнувшись через собственное брюхо. Его глаза горели ярче, чем прежде. – А вот если я вас попрошу дыхнуть в трубку прямо сейчас, а? Трезвый вы будете – или не очень?

– Так давайте и узнаем, чего зря гадать?

– Да ладно, думаю, в этом нет нужды. Никакой. – Шериф выпрямился, и многострадальное кресло под ним громко взвизгнуло. – Лучше скажите, зачем вам работать обходчиком, да еще в таком захудалом городишке. Зарплата смешная – сто баксов в неделю. С воскресенья по четверг у нас спокойно, а вот по пятницам и субботам бывает жарко. Стрип-клуб в Пенли закрыли еще в прошлом году, но рядом есть пара злых местечек.

– Мой дед служил ночным обходчиком в городе Хиббинг, Миннесота. Там еще Боб Дилан родился, слышали? Ну вот, дед там работал на пенсии, а в молодости тоже был копом. Глядя на него, я и захотел стать полицейским. А как ваше объявление увидел, так сразу подумал... – Тим умолк. А что он, собственно, подумал? Вроде и мыслей-то особых не было, равно как и две недели назад, когда он нанимался рабочим на перерабатывающий завод. Совершенно пустая голова. Тим рассудил, что это запросто может быть признаком некоего внутреннего кризиса.

– Пошли по стопам деда, стало быть. Ну-ну. – Шериф Джон сцепил руки над своим внушительным брюхом и уставился на Тима; его пронизательные глазки поблескивали в сальных карманах глазниц. – Небось, решили, что уже вышли на покой? Коротаете последние деньки? Не рановато ли вам, а?

– Ну, с полицией я точно покончил. Назад пути нет. Один приятель обещал устроить меня охранником в Нью-Йорке, а мне давно хотелось сменить обстановку. Но для этого ведь необязательно ехать в Нью-Йорк. – На самом деле Тиму хотелось сменить не обстановку, а свой настрой. Работа ночным обходчиком вряд ли поможет это сделать, хотя как знать...

– Разведены, говорите?

– Да.

– Дети есть?

– Нет. Жена хотела детей, а я не хотел. Не созрел еще.

Шериф Джон пробежал глазами по анкете Тима.

– Тут написано, что вам сорок два. Уж к сорока-то годам обычно созревают, а если нет... – Он умолк и в лучших полицейских традициях стал ждать, когда Тим закончит предложение за него. Не тут-то было. – В общем, когда-нибудь вы и поедете в Нью-Йорк, а пока что решили плыть по течению и никуда не торопиться, я правильно понял?

Да, шериф понял все правильно.

– Если я дам вам работу, откуда мне знать, что через две недели или через месяц вы дальше не поплывете? Дюпрей – не самый интересный городишко в мире и даже в Южной Каролине. Я это к чему... рассчитывать-то на вас можно? Или не стоит?

– Никуда я не поплыву, не бойтесь, – пока работа есть. Вы ведь всегда можете меня уволить, так? А я, если решу плыть дальше, предупрежу вас заранее. Даю слово.

– На такую зарплату не проживете.

Тим пожал плечами.

– Подыщу еще что-нибудь. Думаю, я тут буду не единственный, кто на двух работах крутится. И потом, я подкопил немного – для начала хватит.

Шериф Джон посидел с минуту, подумал, затем встал – на удивление быстро и ловко для человека его комплекции.

– Приходите завтра утром, и мы все решим. Часиков в десять будет нормально.

А вы тем временем успеете позвонить в полицию Сарасоты, подумал Тим, и проверить мою историю. А заодно узнать, нет ли на моей репутации еще каких пятен.

Он тоже встал и протянул шерифу руку. Тот пожал ее – крепко и уверенно.

– Где вы сегодня ночуете, мистер Джемисон?

– В том мотеле, если там есть свободные номера.

– У Норберта номеров хоть завались, – сказал шериф. – И дуришь он вас не станет: вы еще немного похожи на копа. Если нормально переносите жареное – советую заглянуть к Беверли, там с семи вечера кормят. Лично я предпочитаю печенку с луком.

– Спасибо за совет. И за собеседование.

– Не за что. Славно поболтали. Когда придете заселяться в мотель, скажите Норберту, что шериф Джон велел вас не обижать. Пусть выдаст вам хорошую комнату.

– Так и скажу.

– Но койку все же осмотрите, перед тем как лечь.

Тим улыбнулся.

– Да, меня ваши коллеги уже предупредили.

7

Тим поужинал в закусочной «У Беверли» – жареная курица, зеленые бобы и персиковый пирог. Недурно. С мотелем все обстояло куда хуже: по сравнению с ним предыдущие клоповники показались Тиму прямо-таки дворцами. Кондиционер под окном усердно грохотал, но воздух почти не охлаждал. Из проржавевшей душевой лейки капала вода, и Тиму не удалось ее починить. (В конце концов он положил на дно ванны полотенце, чтобы заглушить надоедливый звук.) Абажур светильника над кроватью был в сигаретных прожогах. Единственная картина – корабль с кровожадно ухмылявшимися чернокожими матросами на борту – висела на стене криво. Тим пытался ее поправить, но она тут же опять скособочилась.

На лужайке перед мотелем стояло раскладное садовое кресло с продавленным сиденьем и ржавыми, как душевая лейка, ножками. Впрочем, сесть Тиму все же удалось: он вытянул ноги и, отбиваясь от мошкары, смотрел на закатное солнце. Оранжевый печной свет пробивался сквозь ветви деревьев, и от этого зрелища Тиму стало тепло и в то же время грустно на душе. В четверть девятого из-за поворота появился очередной товарняк и, одолев переезд, начал уходить за склады на окраине города.

– Чертов «Джорджия саузерн» вечно опаздывает.

Тим обернулся и увидел хозяина – и единственного ночного сотрудника – сего славного заведения. Он был тощий как жердь. Огромная узорчатая жилетка висела на нем, словно на вешалке. Подвернутые снизу штаны защитного цвета обнажали белые носки и древние кеды. Он носил старомодную стрижку под «битлов», которая обрамляла его лицо, отдаленно напомиравшее крысиную морду.

– Да вы что? – сказал Тим.

– А, плевать! – Норберт пожал плечами. – Вечерний поезд все равно мимо чешет. Да и ночной мимо, разве что иной раз дизель для заправки привезет или фрукты с овощами для продуктового. Вон там у нас развязка. – Для наглядности он скрестил два указательных пальца. – Один путь уходит на Атланту, Бирмингем, Хантсвилл и так далее, а второй, из Джексонвилла, – на Чарлстон, Уилмингтон, Ньюпорт-Ньюс. Товарняки здесь днем останавливаются. Грузчиком не думали наняться? На складах обычно требуются люди. Только спина нужна крепкая, не то что у меня.

Тим поглядел на него. Норберт шаркнул ногой и ухмыльнулся, обнажив зубы; Тим подумал, что они явно скоро покинут своего владельца.

– Машина-то ваша где?

Тим продолжал молча смотреть на Норберта.

– Коп, что ли?

– В данный момент я просто человек, который смотрит на закат. И предпочитает делать это в одиночестве.

– Понял, понял, – забормотал Норберт и отбыл, лишь раз покосившись на Тима через плечо.

Товарняк наконец проехал мимо. Красный сигнал на переезде погас. Шлагбаум поднялся. Две-три машины завелись и тронулись с места. Тим смотрел, как алеет опускающееся за горизонт солнце. Вспомнилась любимая поговорка деда, ночного обходчика: «Если небо красно к вечеру – моряку бояться нечего». От сосен вдоль магистрали поползли, сливаясь друг с другом, длинные тени. Тим был почти уверен, что работу не получит. Может, оно и к лучшему: Дюпрей – не просто провинция, а самая настоящая глушь. Если бы не те четыре склада на окраине, город давно бы сгинул. Да и в чем смысл его существования? Служить временным пристанищем телевизоров, что везут с какого-нибудь северного порта вроде Уилмингтона или Норфолка в Атланту и Мариетту? Или компьютерных запчастей, которые переправляют из Атланты в Уилмингтон, Норфолк и Джексонвилл? А то и удобрений, опасных химикатов – раз в здешних краях это не запрещено законом? Все по кругу и по кругу, а ходя по кругу, далеко не уйдешь, это каждый дурак знает.

Тим вернулся в мотель, запер дверь (глупо: хлипкую картонку можно было снести одним пинком), разделся до нижнего белья и лег в постель – продавленную, зато, насколько он сумел разглядеть, без клопов. Закинув руки за голову, уставился на чернокожий и белозубый экипаж фрегата, или как там называют такие посудины. Куда они плывут? И кто они – пираты? С виду вроде пираты. Как бы то ни было, в следующем порту им разгружаться и загружаться. Может, рано или поздно это ждет всех. Он сам недавно выгрузился с самолета на Нью-Йорк. Потом загружал бутылки и банки в сортировочную машину. Сегодня грузил книги для старушки библиотечарши, а потом выгружал. Да и в Дюпрей он попал только потому, что трасса оказалась загружена под завязку: машины и фуры ждали приезда эвакуатора, который должен был увести автомобиль какого-то бедолаги. После того как скорая погрузит в салон водителя и выгрузит его в ближайшей больнице.

А вот ночной обходчик ничего не грузит и не разгружает, подумал Тим. Знай себе ходит да стучит. И в этом, как сказал бы дедушка, есть своя прелесть.

Он уснул и проснулся только около полуночи, когда мимо с грохотом проносился очередной товарняк. Сходил в туалет и, прежде чем снова лечь, снял со стены ухмылявшихся чернокожих матросов.

От этой картины мороз шел по коже.

8

Когда на следующее утро в номере зазвонил телефон, Тим уже принял душ и опять сидел в кресле на лужайке, наблюдая, как тени, накрывшие вчера дорогу, вновь исчезают в лесу. Звонил шериф Джон. Времени он не терял.

– Я подумал, что ваша начальница так рано на работу не приезжает, и решил пока порыться в Интернете, мистер Джемисон. Смотрю, вы кое-чего не упомянули в анкете. Да и на собеседовании тоже. В две тысячи семнадцатом вас представили к награде за спасение жизни, а в восемнадцатом вы у себя в Сарасоте заслужили титул «Полицейский года». Неужто забывали?

– Нет, – ответил Тим. – Просто я без подготовки к вам пришел. Будь у меня время подумать, я бы заполнял анкету повнимательней.

– Расскажите-ка эту историю про аллигатора. Сам я рос на берегу болота Литл-Пи-Ди – люблю, знаете ли, крокодильи байки.

– Байка не слишком занятая, потому что аллигатор был не слишком большой. И того мальчишку я не спас, его жизни ничто не угрожало. Но пару забавных моментов могу рассказать.

– Валяйте.

– Вызов поступил из «Хайлендса» – это такой частный гольф-клуб. Я как раз был неподалеку и сразу приехал. Мальчишка – лет одиннадцати-двенадцати – сидел на дереве рядом с водной преградой и орал почему зря. Ну, а в воде, понятно, сидел аллигатор.

– Прямо «Маленький черный Самбо». Только там были не аллигаторы, а тигры. И судя по тому, что у вас дело происходило на поле для гольфа, мальчонка вряд ли был черный.

– Верно. И аллигатор, в общем-то, спал, – сказал Тим. – Совсем небольшой – футов пять в длину. Может, шесть. Я попросил клюшку, «пятерку», у отца мальчонки – этот самый папаша потом и предложил представить меня к награде – и врезал ему пару раз.

– Надеюсь, аллигатору, а не папаше?

Тим засмеялся.

– Ну да. Аллигатор скрылся в воде, мальчишка слез с дерева – вот и все. – Он помолчал. – Но меня зачем-то показали в местных новостях. Как я махал клюшкой, значит. Ведущий пошутил, как лихо я «загнал» этого аллигатора в воду. Шуточка для гольфистов...

– Ну-ну. А «Полицейского года» вам тоже просто так дали?

– Я никогда не опаздывал, никогда не брал больничные... Надо же кому-то награду вручить.

В трубке на пару секунд воцарилась тишина. Наконец шериф Джон сказал:

– Уж не знаю, как это теперь называется – ложной скромностью или низкой самооценкой, – но мне оно не по душе, так и знайте. Вы простите, я привык без обиняков. Без ножа режу, говорят местные. Моя жена, например.

Тим посмотрел на дорогу, на железнодорожные пути, на убывающие тени деревьев. На водонапорную башню, что возвышалась над городом, словно робот-захватчик из фантастического боевика. День будет жаркий, рассудил он. И еще рассудил, что может либо получить работу, либо потерять ее прямо здесь и сейчас. Все зависит от того, что он скажет. И вот вопрос: так ли нужна ему должность обходчика? Может, он просто скучает по дедушке Тому?

– Мистер Джемисон? Алло?

– Я заслужил награду. Она могла достаться другим полицейским, у меня было немало прекрасных коллег, однако заслужил ее именно я. Из Сарасоты я уезжал налегке, но похвальную грамоту все же с собой захватил. Она у меня в сумке. Могу показать, если хотите.

– Хочу, – ответил шериф Джон, – и не потому, что не верю вам на слово. Просто неплохо бы на нее взглянуть. Вы чересчур хороши для этой работы, но если еще не перегорели, можете начинать сегодня в одиннадцать вечера. С одиннадцати вечера до шести утра, такая у вас рабочая смена.

– Не перегорел, – сказал Тим.

– Вот и славно.

– Так запросто?

– Помимо прочего, я привык доверять своим инстинктам. К тому же вы ночным обходчиком устраиваетесь, а не в «Бринкс»³ охранником, так что да, вот так запросто. В десять ко мне можете не приходите, лучше выспитесь как следует. И заглядывайте к полудню. Сержант Галликсон проведет вам инструктаж. Короткий. Небось, не ракету строить будете. Хотя субботними ночами по Мэйн-стрит такие ракеты носятся – ух!..

– Понял вас. Спасибо.

– Вы сперва до первого выходного дотяните, а потом уж будете благодарить. Да, и еще кое-что. Вы – не помощник шерифа, табельное оружие вам не полагается. Если попадете в передрагу, сразу зовите нас, не лезьте на рожон. Договорились?

– Да.

– Очень на это надеюсь, мистер Джемисон. Не дай бог узнаю, что у вас с собой оружие – придется вам уносить отсюда ноги.

– Понял.

– Ну, отдохайте. С сегодняшнего вечера начнете переходить на ночной образ жизни.

Как граф Дракула, подумал Тим. Он нажал «отбой», повесил на дверь табличку «НЕ БЕСПОКОИТЬ», задернул тонкую облезлую занавеску, убрал телефон и снова лег спать.

9

Венди Галликсон (помощник шерифа на полставки) была лет на десять младше Ронни Гибсон и красотка, каких поискать. Ее не портила даже строгая прическа – она стягивала белокурые волосы на затылке в очень тугой пучок, на который и смотреть-то было больно. Тим сразу бросил попытки ее обаять: вокруг Венди словно висело защитное поле, отражавшее любые улыбки и заигрывания. Возможно, она держала на примете другого кандидата на должность обходчика – брата или бойфренда.

Венди вручила Тиму карту убогого центра города, портативную рацию и поясные табельные часы. Батареек на часах нет, объяснила она, их нужно заводить вручную каждый раз, когда заступаешь на смену.

– Такие часы, наверное, считались последним словом техники году эдак в сорок шестом, – сказал Тим. – А вообще они мне нравятся. Ретро.

Галликсон даже не улыбнулась.

– Вам нужно нажать кнопку у центра по продаже и ремонту садовой техники «Фромиз», а потом – в железнодорожном депо на западном конце Мэйн-стрит. Это одна целая шесть десятых миль в одну сторону. Эд Уитлок успевал намотать за смену четыре таких круга.

То есть почти тринадцать миль.

– Здорово! Про диеты и тренировки можно забыть.

И опять ни намек на улыбку.

---

³ «Бринкс» – крупная американская частная охранная организация, насчитывает около 134 000 сотрудников.

– Мы с Ронни Гибсон составим вам график. На неделе у вас будет два выходных, скорее всего по понедельникам и вторникам. После уик-энда обычно тихо, но иногда мы будем просить вас выйти на работу во внеурочное время. Если вы тут задержитесь, конечно.

Тим положил руки на колени и улыбнулся уголком рта.

– Я вам чем-то не угодил, помощник шерифа Галликсон? Если да, так и скажите. Или не рычите.

Кожа у нее была светлая, северного типа, и оттого щеки моментально залились ярким румянцем – очаровательным. Впрочем, вряд ли она ему обрадовалась.

– Я пока не знаю, угодили вы мне или нет. Время покажет. Коллектив у нас хороший, хоть и маленький. Мы давно вместе. А вы пришли с улицы и сразу получили работу. Хотя местные над обходчиками вечно посмеиваются, Эд держался молодцом, близко к сердцу шуточки не принимал: дело-то важное, особенно в таком городке, как наш, где полицейских по пальцам пересчитать можно.

– Профилактика обходится дешевле лечения, – сказал Тим. – Так мой дед говорил. Тоже ночным обходчиком работал, офицер Галликсон. Потому я и вызвался на эту должность.

Кажется, она немного оттаяла.

– Часы в самом деле древние. Что я могу сказать? Привыкайте, делать нечего. Ночной обходчик – аналоговая должность в цифровом веке. По крайней мере, в Дюпрее.

10

Тим очень скоро понял, что она имела в виду. Он стал, в сущности, патрульным полицейским образца 1954 года, только без пистолета и дубинки. Задерживать правонарушителей не входило в его полномочия. Несколько городских контор были оборудованы сигнализацией, но большинство заведений не могли себе этого позволить. Обходя магазины вроде «Тысячи мелочей» и «Аптеки Оберга», Тим проверял, горят ли зеленые огоньки сигнализации и нет ли на дверях следов взлома. В заведениях поменьше он тряс дверные ручки, заглядывал в окна и трижды стучал – по традиции. Порой изнутри отвечали – жестом или голосом, – но обычно ответа не было, и Тима это устраивало. Он оставлял мелом отметку и шел дальше, всякий раз вспоминая старый ирландский анекдот: *Коли придешь первым, Пэдди, оставь метку на двери. А коли первым придю я, так я ее сотру.* Никакого практического смысла в этих отметках не было, просто так уж повелось у обходчиков – вероятно, еще со времен Реконструкции.

Один помощник шерифа помог Тиму с жильем. У матери Джорджа Баркетта была небольшая меблированная квартира над гаражом, и она готова была ее сдать.

– Всего две комнаты, зато чисто и уютно. Мой брат жил там пару лет, пока не уехал во Флориду: вовремя понял, что тематический парк студии «Юниверсал» – дельце выгодное. Сейчас прилично зарабатывает.

– Молодец.

– Да, но жизнь во Флориде уж какая дорогая!.. Должен предупредить, Тим, если ты снимешь у мамы эту квартиру, музыку ночью слушать нельзя. Она музыку не любит. Даже когда Флойд на банджо играл – а играл он знатно, – она на него так злилась, просто ужас.

– Да меня по ночам и дома-то не бывает.

Помощник шерифа Баркетт – лет двадцати пяти, добродушный и веселый, не слишком обремененный интеллектом – тут же просяял.

– А, ну да! Запомню, извини. В общем, там стоит небольшой «Кэрриер» – воздух слегка охлаждает, спать можно. Флойд спал и не жаловался. Ну как, будешь снимать?

Тим согласился, и хотя кондиционер его действительно не впечатлил, кровать оказалась удобной, гостиная – уютной, а душ не капал. На кухне кроме микроволновки и плитки ничего не было, но Тим почти всегда ел в закусочной «У Беверли». Да и деньги хозяйка просила

смешные: семьдесят баксов в неделю. Джордж выставил свою мать эдакой драконшей, но та оказалась милой старушкой с густым южным акцентом (Тим обычно не понимал и половины ею сказанного). Порой она оставляла у него под дверью ломтик кукурузного хлеба или кекса в вошеной бумаге. Не хозяйка, а добрый домовой.

Норберт Холлистер, крысомордый хозяин мотеля, оказался прав насчет «Складов и хранилищ Дюпрея»: им действительно всегда требовались грузчики. Тим рассудил, что там, где за тяжелый физический труд платят по минимальной ставке (в Южной Каролине она составляла семь долларов двадцать пять центов за час), текучка всегда большая. Он побеседовал с бригадиром – Вэлом Джарретом, – и тот предложил ему три часа в день, начиная с восьми утра: Тим как раз успевал умыться и перекусить после смены. Так что теперь он не просто обходил город, а снова грузил и разгружал.

Так устроен мир, говорил он себе. Так устроен мир. И вообще – это временно.

11

Жизнь Тима Джемисона в маленьком южном городке постепенно входила в приятный размеренный ритм. Он не собирался торчать в Дюпрее всю жизнь, но вполне мог остаться до Рождества (и даже поставить крошечную елочку в своей квартире над гаражом), а то и до лета. Да, насыщенной культурной жизнью городок похвастаться не мог, и ясно было, почему молодежь рвалась прочь из этой монохромной тоски, однако Тим жизнью наслаждался. Со временем он, конечно, заскучал бы, а пока его все устраивало.

Вставал он в шесть вечера. Ужинал в закусочной «У Беверли» – то один, то в компании помощников шерифа; потом семь часов подряд обходил город; завтракал в той же закусочной; работал на вилочном погрузчике на складе до одиннадцати; съедал сэндвич с колбой или сладким чаем в тенечке у железнодорожного депо; возвращался к миссис Баркетт и спал до шести, а по выходным мог продрыхнуть двенадцать часов подряд. В свободное время читал юридические триллеры Джона Гришэма, а еще проглотил всю «Песнь Льда и Пламени» – и особенно проникся личностью Тириона Ланнистера. Тим знал, что по циклу есть сериал, но смотреть его не хотел: драконы и сами прекрасно оживали в его воображении.

Работая полицейским, он успел хорошо узнать ночную жизнь Сарасоты – она так же разительно отличалась от курортной пляжно-серферской идиллии, как мистер Хайд – от доктора Джекила. Ночная личина города нередко внушала омерзение, а порой и ужас. Хотя Тим никогда не использовал в речи гнусную полицейскую аббревиатуру, обозначающую мертвых наркоманов и подвергшихся насилию проституток – ЧЖН (человеческих жертв нет), – спустя десять лет службы он стал тем еще циником. Иногда он приносил эту горечь домой (*часто*, мысленно добавлял Тим, когда хотел быть с собою честен), и она стала составляющей той кислоты, что в конечном итоге развела его брак. Из-за этой горечи, судя по всему, он не хотел иметь детей. Слишком уж страшен мир, слишком многое может пойти не так. И аллигатор на поле для гольфа – меньшая из бед.

Устраиваясь ночным обходчиком, Тим ни за что бы не поверил, что в городишке с населением чуть больше пяти тысяч человек (значительная часть которых жила на фермах за пределами города) вообще может быть какая-то ночная жизнь. Тем не менее у Дюпрея она была, и Тим с удивлением обнаружил, что она ему нравится. Люди, которых он встречал ночью, стали самой приятной частью его работы.

Например, он познакомился с миссис Гулсби – та почти каждую ночь махала ему рукой или тихо здоровалась, мерно покачиваясь в кресле на крыльчке и потягивая что-то из кружки (виски, газировку с сиропом или ромашковый чай – бог ее знает). Порой она засиживалась допоздна и снова махала Тиму, когда тот нарезал уже второй круг за смену. Фрэнк Поттер, еще один помощник шерифа, с которым Тим иногда ужинал в закусочной, рассказал, что миссис

Гулсби в прошлом году овдовела. Фура Венделла Гулсби попала в снежную бурю и съехала со склона холма в Висконсине.

– Ей еще и пятидесяти нет, но Вен и Эдди были женаты целую вечность, – сказал Фрэнк. – Поженились почти детьми, когда им еще голосовать и покупать спиртное было нельзя. Как в песне Чака Берри, про свадьбу двух подростков. Обычно молодежи надолго не хватает, но это не про них.

Позже Тим познакомился с Сироткой Энни, бездомной, что почти каждую ночь спала на надувном матрасе в проулке между полицейским участком и «Тысячей мелочей». В поле за железнодорожным депо у нее была палатка, и в дождливые ночи она перебиралась туда.

– Звать ее Энни Леду, – сказал Билл Уиклоу, отвечая на вопрос Тима. Билл был самым старшим из помощников шерифа, работал на полставки и, похоже, лично знал всех жителей Дюпрея. – Обосновалась в этом проулке сто лет назад. Почему-то он ей больше по душе, чем палатка.

– А что она делает, когда наступают холода? – спросил Тим.

– Уезжает в Йемасси. Ронни Гибсон обычно ее отвозит – они вроде как дальние родственницы. Там есть ночлежка для бездомных. Энни говорит, что ночует в этом месте только в случае крайней нужды – мол, не хочет спать среди психов. На это я ей отвечаю: кто бы говорил, подруга!

Тим каждую ночь проходил мимо ее логова в проулке, а однажды после смены на складе заглянул и в палатку – просто из любопытства. На бамбуковых жердях у входа висели три флага: звезды с широкими полосами, звезды с узкими полосами и один, которого Тим раньше не видел.

– Это флаг Гвианы. Нашла его на помойке возле «Зоунис». Симпатичный, да?

Энни сидела на раскладном стуле, накрытом куском прозрачного полиэтилена, и вязала длиннющий шарф – такой мог бы подойти какому-нибудь великану из книжек Джорджа Мартина. Вообще-то она была дружелюбной (ни намек на то, что давний коллега Тима называл «параноидным психозом бомжа»), любила слушать ночные ток-шоу по радио и порой несла окопесу про летающие тарелки, приходящих⁴ и одержимых дьяволом.

Как-то ночью Тим застал ее в проулке за прослушиванием радио и спросил, почему она не спит в палатке за депо – палатка-то вроде отличная. Энни посмотрела на него как на сумасшедшего и ответила:

– Здесь у меня полиция под боком. А что там за депо, вы хоть знаете, мистер Джей?

– Леса?

– Леса и болота. Целые мили валежника да трясин – аж до самой Джорджии. Тьма всякой *живности*! И людей плохих тоже хватает. Когда с неба льет, я себя уговариваю: мол, никто из лесу не выйдет в такую погоду. Но спится там все равно не очень. Нож-то у меня под рукой, да что от него толку, если в палатку забредет какая-нибудь болотная крыса?

Худая до истощения, Энни жадно набрасывалась на маленькие гостинцы, которые Тим приносил ей из закусочной перед сменой на складе – вареный арахис или шкварки «Макс крэклинс», пирожные с маршмэллоу, вишневые корзиночки. Однажды он подарил ей банку маринованных огурчиков «Уиклз»: Энни прижала ее к своей впалой груди и засмеялась от удовольствия.

– «Уиклз»! Мои любимые! Сто лет их не ела!.. Почему вы так ко мне добры, мистер Джей?

– Не знаю, – ответил Тим. – Просто вы славная, Энни. Можно попробовать?

Она протянула ему банку.

---

⁴ Приходящий (walk-in – пришелец, подселенец) – душа, вселяющаяся в человека вместо его собственной души. Понятие из философии нью-эйджа.

– Спрашиваете! Вам и открыть их придется, у меня ж руки больные. Артрит, будь он неладен. – Энни показала ему свои пальцы – скрюченные и похожие на лесные коряги. – Шить и вязать я пока могу, но бог знает, когда руки совсем откажут...

Тим открыл банку и поморщился от уксусного запаха, ударившего в нос. Выудил одно маринованное огуречное колечко. С него стекала ядреная жидкость, которая запросто могла оказаться формальдегидом.

– Дай сюда, дай сюда!

Он вернул ей банку и съел один «уикл».

– Господи, Энни! Похоже, мне навсегда свело рот оскоминой!

Она засмеялась, обнажив немногочисленные уцелевшие зубы.

– Их лучше класть на ломоть хлеба с маслом и запивать холодненькой газировкой. Или пивом. Жаль, я больше не пью.

– А что это вы вяжете? Шарф?

– Господь не придет в Своем облачении. Ну, ступайте, мистер Джей, долг зовет. И остерегайтесь типов на черных машинах. Джордж Оллмен по радио вечно про них рассказывает. А знаете, откуда *они* появляются? – Энни бросила на него многозначительный взгляд. Не поймешь, шутила она или нет.

Еще одним ярким персонажем ночной жизни Дюпрея был Корбетт Дентон, городской цирюльник. Местные прозвали его Барабанщиком – за какую-то юношескую выходку, про которую никто толком не мог рассказать. Известно было лишь то, что за нее Дентона на месяц отстранили от занятий в школе. Если в юности он и был хулиганом, то те дни остались в прошлом. Теперь Барабанщик постарел, порядком облысел, страдал ожирением и плохо спал по ночам. Когда ему не удавалось заснуть, он садился на ступеньку крыльца своей парикмахерской и смотрел на безлюдную Мэйн-стрит. Безлюдную, если не считать Тима. Они обменивались бессмысленными светскими замечаниями, принятыми у едва знакомых людей – о погоде, бейсболе, ежегодной летней уличной распродаже, – но как-то раз Дентон позволил себе весьма странную реплику, которая насторожила Тима.

– Знаете, Джемисон, наша жизнь – она ведь ненастоящая. Это просто театр теней, и лично я буду рад, когда погасят свет. В темноте все тени исчезают.

Тим присел на ступеньку крыльца, под выключенным на ночь столбиком парикмахерской, снял очки, протер их платком и снова надел.

– Разрешите высказаться, сэр?

Барабанщик Дентон щелчком отправил окурок в канаву, где от него брызнуло в стороны несколько ярких искр.

– Валяйте. Между полуночью и четырьмя часами утра каждый имеет право высказаться. По крайней мере, я так думаю.

– Судя по тому, что вы говорите, у вас депрессия.

Барабанщик засмеялся.

– К гадалке не ходи!

– К гадалке, может, и не надо, а вот к доку Роуперу не помешает. Есть таблетки, которые помогают поднять настроение. Моя бывшая их принимает. Хотя развод, пожалуй, поднял ей настроение куда быстрее. – Тим улыбнулся, давая понять, что это шутка, однако Барабанщик Дентон не стал улыбаться в ответ.

Он встал.

– Знаю я про эти ваши таблетки, Джемисон. Они вроде спиртного или травки. Или вроде экстази – дети его жрут на рейвах, или как там это нынче называется. От таких таблеток человек на какое-то время начинает верить, что все это взаправду. Что все имеет смысл. А смысла-то и нет.

– Да бросьте, – попытался образумить его Тим. – Не дело так думать.

– А по мне, только так и надо, – ответил цирюльник и неторопливо, вразвалку направился к лестнице, что вела в квартиру над парикмахерской.

Тим с тревогой смотрел ему вслед. Барабанщик Дентон был из тех людей, что одной дождливой ночью запросто могут свести счеты с жизнью. И, точно какой-нибудь египетский фараон, собаку с собой прихватить – если она у него, конечно, есть. Тим решил поговорить об этом с шерифом Джоном, а потом вспомнил про Венди Галликсон, которая до сих пор к нему не потеплела. Еще не хватало, чтобы она или другие помощники шерифа подумали, будто он много на себя берет. Тим больше не страж порядка, а простой обходчик. Нет, лучше никому ничего не говорить. И будь что будет.

Однако с тех пор мысли о Барабанщике часто его посещали.

12

Однажды ночью в конце июня Тим заметил на Мэйн-стрит двух ребят с рюкзаками. В руках они несли коробки для завтрака – ни дать ни взять, в школу собрались, но не в два же часа ночи? Любители ночных прогулок оказались братьями Билсон. Близнецы решили сбежать, потому что родители отказались брать их с собой на сельскохозяйственную выставку в Даннинге – в наказание за плохие отметки.

– Мы трояков нахватили... Но ни одной двойки, и в следующий класс нас перевели! – сказал Роберт Билсон. – Разве это честно?

– Нечестно! – подхватил Роланд. – Мы решили прийти на ярмарку к самому открытию и поискать работу. Говорят, там всегда нужны ровнорабочие.

Тим хотел его поправить – мол, правильно говорить «разнорабочие», – потом передумал. Что толку?

– Слушайте, парни, не хочу вас расстраивать, но сколько вам лет? Одиннадцать?

– Двенадцать! – хором отозвались мальчики.

– Ладно, двенадцать. Потихонечку, кругом люди спят. Никто вам работы не даст, даже не надейтесь. Скорее посадят вас в какую-нибудь клетку до приезда мамы с папой – людям на смех. Пока родители не приедут, народ будет на вас глазеть да бросать вам орешки или свиные шкварки.

Близнецы Билсон уставились на него со смятением (и даже некоторым облегчением).

– Ступайте вы лучше домой, а я за вами прослежу – на всякий случай. А то как бы в вашем коллективном сознании еще какие глупости не родились.

– Что такое «коллективное сознание»? – спросил Роберт.

– А такая штука, которая якобы есть у близнецов. Вы в дверь вышли или через окно?

– Через окно, – буркнул Роланд.

– Значит, через окно и возвращайтесь. Если повезет, родители ничего не заметят.

Роберт:

– Вы им не расскажете?

– Не расскажу – при условии, что вы больше таких номеров выкидывать не станете. А если станете, то сдам вас с потрохами, да еще добавлю, будто вы мне дерзили.

Роланд, в шоке:

– Мы же не дерзили!

– Значит, совру. А врать я умею.

Он проводил мальчиков до дома. Роберт Билсон подставил руки Роланду и помог тому забраться в открытое окно, после чего Тим точно так же помог Роберту. Он немного подождал: если загорится свет, значит, неудавшихся беглецов застали врасплох. Но свет не загорелся, и Тим продолжил ночной обход.

По пятницам и субботам на улицах было больше народу, чем в будние дни, – по крайней мере, до полуночи. В основном гуляли влюбленные парочки, однако иногда в город врывались те самые «ракеты», о которых говорил шериф Джон, – идиоты на тюнингованных легковушках и пикапах, что проносились по Мэйн-стрит на скорости шестьдесят-семьдесят миль в час, обгоняя друг друга и будя народ оглушительным ревом прямоточных глушителей. Порой кто-нибудь их тормозил и штрафовал (или арестовывал – если «трубка» показывала больше 0,9 промилле), но даже когда по ночам на смену выходили все четыре помощника шерифа, аресты случались редко. Обычно «ракета» удавалось улизнуть.

Тим отправился навестить Сиротку Энни. Она сидела возле палатки и вязала тапочки. Несмотря на артрит, спицы в ее руках мелькали со скоростью света. Тим спросил, не хочет ли она заработать двадцатку. Энни ответила, что никогда не прочь разжиться деньгами, но все зависит от того, что надо делать. Он объяснил, и Сиротка захохотала.

– Да с удовольствием, мистер Джей! Только добавьте к вашей двадцатке пару банок «Уиклз».

Энни, явно жившая по принципу «чем больше, тем лучше», смастерила здоровенную растяжку – тридцать футов в длину и семь в ширину. Тим намотал ее на валик, который сварил сам из труб, купленных в центре по продаже и ремонту садовой техники «Фромиз». Объяснив шерифу Джону замысел и получив официальное «добро» на его воплощение, Тим и Тэг Фарадей повесили валик на тросе прямо над перекрестком Мэйн-стрит; с одной стороны трос закрепили на декоративном фасаде «Аптеки Оберга», а с другой – на вывеске закрытого кино-театра.

По пятницам и субботам, в час закрытия баров, Тим дергал специальный шнур, и плакат разворачивался, словно ролл-штора. Энни нарисовала на нем старомодные камеры со вспышкой и написала такой текст: **«СБАВЬ СКОРОСТЬ, ДЕБИЛ! МЫ СФОТОГРАФИРОВАЛИ ТВОЙ НОМЕР!»**

Разумеется, никто ничего не фотографировал (хотя Тим действительно записывал номера лихачей, когда успевал их рассмотреть); тем не менее баннер Энни, судя по всему, работал. Да, он был не идеален, но что в мире идеально?

В начале июля шериф Джон вызвал Тима к себе в кабинет – на разговор. Тим тут же спросил:

– У меня неприятности?

– Ровно наоборот! Ты молодец. Сперва затея с плакатом казалась мне безумной, но теперь должен признать: я ошибался, а ты был прав. Вообще меня больше волнуют не сами полуночные гонки и даже не жалобы населения – мол, когда вы начнете делать свою работу и все такое. Те же самые люди, между прочим, из года в год голосуют против увеличения нашей зарплаты. Меня больше волнуют аварии, которые нам приходится разгребать, когда какой-нибудь гонщик со всей дури въезжает в столб или дерево. Одни-то сразу отдают концы – и бог с ними. А другие по собственной глупости на всю жизнь остаются калеками... Мне порой кажется, что это страшнее. И знаешь, в этом году июнь выдался на диво спокойный. Конечно, бывают исключения из правил, но тут, думается, все же сработал плакат. Передай Энни, что она спасла немало жизней – и с наступлением холодов может спать в свободной камере. Хоть каждую ночь.

– Обязательно передам, – сказал Тим. – Если затаритесь огурчиками «Уиклз», она у вас точно станет частым гостем.

Шериф Джон откинулся на спинку кресла – то взвизгнуло еще отчаянней, чем прежде.

– Когда я говорил, что ты слишком хорош для работы ночного обходчика, то сам не понимал, насколько прав. Нам будет тебя не хватать – ну, когда ты отчалишь в Нью-Йорк.

– А я никуда не тороплюсь, – ответил Тим.

14

Единственным круглосуточным заведением в Дюпрее был супермаркет «Зоунис» рядом со складским комплексом. Помимо пива, содовой и чипсов там торговали бензином собственной марки «Автосок». В супермаркете работали два красивых брата-сомалийца, Абсимил и Гутаале Добира. На ночную смену с полуночи до восьми они выходили по очереди. Однажды знойной июльской ночью Тим шел по западному концу Мэйн-стрит и, проходя мимо «Зоунис», услышал выстрел. Звук был не слишком громкий, но Тим ни с чем бы его не перепутал. Тут же раздался вопль – не то боли, не то ярости – и звон бьющегося стекла.

Тим бросился бежать – табельные часы колотились о бедро, рука машинально нащупывала на поясе пистолет, которого не было. Он увидел возле бензоколонок припаркованную машину. Вдруг из магазина выскочили два парня, один держал что-то в руке (видимо, пачку наличных). Тим тут же присел на одно колено и стал смотреть, как они уезжают – визжа шинами и поднимая клубы голубого дыма от заляпанного бензином и маслом асфальта.

Он снял с пояса рацию.

– Прием, прием, это Тим. Есть кто живой? Ответьте!

Ответила сонная и злая Венди Галликсон:

– Чего тебе?

– Код два-одиннадцать, «Зоунис». Слышал выстрел.

Венди тут же проснулась.

– Господи! Ограбление?! Немедленно вые...

– Нет, сначала выслушай. Злоумышленника было два, оба мужского пола, белые, подростки или двадцатилетние. Компактный автомобиль – «шеви-круз» или вроде того, цвет было не разобрать из-за освещения... Какая-то новая модель, номер Северной Каролины, начинается на Дабл-ю-ти-би-девять, последние три цифры не увидел. Первым делом доложи все это патрульным и полиции штата. *Первым делом*, поняла?

– Что...

Он нажал «отбой», повесил рацию обратно на пояс и побежал к «Зоунис». Стекло витрина была разбита вдребезги, за прилавком стояла открытая касса. В растущей луже крови, жадно глотая ртом воздух, лежал один из братьев Добира. Тим подскочил к нему и присел рядом.

– Мне надо положить вас на спину, мистер Добира.

– Нет... не надо... очень больно.

Тим понимал, что тот действительно страдает, но в первую очередь должен был оценить тяжесть ранения. Пуля вошла Добире в правый бок, в районе груди, и его синий форменный фартук уже стал грязно-фиолетовым от крови. Кровь лилась и изо рта, впитываясь в бороду. Добира кашлянул. Лицо и очки Тима покрылись мелкими алыми каплями.

Тим снова выхватил рацию и с облегчением услышал голос Галликсон. Все-таки она не покинула пост.

– Срочно скорую, Венди. Звони в Даннинг – пусть выезжают немедленно! Один из братьев Добира ранен, пуля, судя по всему, попала в легкое.

Она ответила, что поняла, и хотела задать какой-то вопрос, однако Тим снова отключил рацию, бросил ее на пол, стянул с себя футболку и прижал ее к пулевому отверстию на груди.

– Можете пару секунд подержать, мистер Добира?

– Дышать... не могу дышать...

– Понимаю. Прижмите к ране мою футболку. Это поможет.

Добира прижал к ране комок. Тим понимал, что долго он его не продержит, а скорая придет минут через двадцать, и то – если очень повезет.

В магазинчиках на заправках обычно хватает всяких закусок, а вот со средствами для оказания первой помощи бывает туго. Но Тим нашел хотя бы вазелин, а в следующем проходе – пачку «Хаггис». Схватив их с полки, он побежал обратно к Добире, на ходу раздирая упаковку. Аккуратно убрав пропитанные кровью футболку и фартук, начал расстегивать рубашку.

– Нет, нет, нет!.. – застонал Добира. – Больно, не трогайте, пожалуйста!

– Придется. – Тим услышал, как к магазину подъехала машина. В осколках стекла на полу затанцевали голубые огоньки. Оглядываться он не стал. – Держитесь, мистер Добира.

Он зачерпнул вазелина из банки и затолкнул его в рану. Добира сперва вскрикнул от боли, потом удивленно вытаращил глаза на Тима.

– Могу... дышать... Стало лучше...

– Это ненадолго. Но раз вам стало лучше, значит, легкое не спалось, – сказал Тим, а сам подумал: *По крайней мере, не полностью.*

Шериф Джон опустился на колено рядом с Тимом. На нем была пижамная рубашка размером с парус и форменные брюки. Волосы торчали во все стороны.

– Быстро вы, – сказал Тим.

– Да я не спал. Не смог уснуть и как раз делал себе сэндвич, когда позвонила Венди. Сэр, вы Гутаале или Абсимил?

– Абсимил, сэр. – Хотя раненый по-прежнему сипел, голос у него стал тверже и громче. Тим взял подгузник и, не разворачивая, прижал его к ране. – Ох, больно!

– Пуля прошла навывлет или внутри засела? – спросил шериф.

– Не знаю. Ему полегчало, так что предлагаю его не переворачивать до приезда скорой.

Тут затрещала рация Тима. Шериф осторожно достал ее из груди битого стекла.

– Тим? – Это была Венди. – Билл Уиклоу засек этих гадов на Дип-Мидоу-роуд и дал им прикурить.

– Это Джон. Скажи Биллу, чтобы соблюдал осторожность – они вооружены.

– Да он их уже обезвредил! – Если десять минут назад Венди была сонной, то теперь говорила бодро и радостно. – Они попытались скрыться и бросили машину. У одного рука сломана, второй прикован наручниками к бамперу машины Билла. Полиция уже подъезжает. Передай Тиму, что он оказался прав насчет модели авто, это «круз». Как Добира?

– Нормально, с ним все будет хорошо! – ответил шериф.

Тим не был в этом уверен, но ему хватило ума понять, что шериф обращается не столько к Венди, сколько к самому пострадавшему.

– Я отдал им все деньги из кассы, – выдал Добира. – Нас так учили. – Ему явно было стыдно в этом признаваться.

– И правильно сделали, – кивнул Тим.

– Но тот, у которого был пистолет, все равно в меня выстрелил. А второй разбил прилавок и забрал... – Он закашлялся.

– Помолчите-ка, – попытался утихомирить его шериф.

– ...забрал лотерейные билеты, – продолжал Абсимил Добира. – Те, у которых стирается защитный слой. Надо их вернуть, слышите? Пока их никто не купил, они являются собственностью... – он едва слышно кашлянул, – штата Южная Каролина...

– Да заткнитесь уже, мистер Добира! Плевать на билеты, будь они неладны, лучше берегите силы!

Мистер Добира закрыл глаза.

15

На следующий день, когда Тим обедал на крыльце железнодорожного депо, рядом остановился личный автомобиль шерифа Джона.

Шериф поднялся на крыльцо и посмотрел на продавленное сиденье свободного раскладного стула.

– Как думаешь, выдержит?

– Есть только один способ узнать.

Шериф с опаской сел.

– Врачи сказали, Добира поправится. Его брат – Гутаале – сейчас с ним и говорит, что пару раз уже видел тех типов.

– Видать, прошупывали почву.

– Ну. Я отправил Тэга Фарадея брать у них показания. Тэг, кстати, мой лучший сотрудник, если я еще не говорил.

– Гибсон и Баркетт тоже ничего.

Шериф Джон вздохнул.

– Ни тот ни другой на твоём месте не среагировали бы так же оперативно и так же решительно. А бедняжка Венди вообще стояла бы, разинув рот, – если бы сразу не грохнулась в обморок.

– Зато она хороший диспетчер, – сказал Тим. – Прямо рождена для этого дела! Помоему...

– Ну-ну, ну-ну. В бумажках она тоже знает толк – в прошлом году все наши документы в порядок привела и перевела в цифровой вид. Одна беда: на выезде от нее никакого проку. Зато любит работать в команде. А ты не хотел бы присоединиться к нашей команде, Тим?

– Не знал, что вы можете себе позволить еще одного копа. Неужто всем сразу подняли зарплату?

– Если бы! В конце года Билл Уиклоу сдает свой значок. Я подумал, может, вам поменяться обязанностями? Он будет ходить да стучать, а ты наденешь форму и получишь табельное оружие. Билла я уже спросил – он сказал, что не прочь поработать ночным обходчиком. По крайней мере, какое-то время.

– А подумать можно?

– Почему нет, подумать всегда можно. – Шериф Джон встал. – До конца года еще пять месяцев. Мы все будем рады, если ты согласишься.

– Даже помощник шерифа Галликсон?

Шериф Джон заулыбался.

– Венди не просто покорить, но вчера ты здорово продвинулся в этом деле.

– Правда? А если я приглашу ее на ужин – как думаете, что она скажет?

– Не исключено, что и согласится. Только не веди ее в закусочную «У Беверли». Такая красотка достойна хотя бы «Раундапа» в Даннинге. Или мексиканского ресторанчика в Хардивилле.

– Спасибо за совет.

– Не за что. А про работу подумай.

– Обязательно.

Тим стал думать. И все еще думал, когда одной жаркой летней ночью в Дюпрее разверзся ад.

Умный мальчик

1

Прекрасным апрельским утром в Миннеаполисе – за несколько месяцев до того, как Тим Джемисон прибыл в Дюпрей, – Герберта и Айлин Эллис пригласили в кабинет Джима Грира, одного из трех школьных психологов Бродерикской школы для одаренных детей.

– Люк что-то натворил? – спросила Айлин, как только они сели. – Если натворил, то нам он ничего не рассказывал. Мы не в курсе.

– Нет-нет, – успокоил ее Грир. Ему было за тридцать: редкие каштановые волосы, интеллигентное лицо, рубашка поло с расстегнутым воротником и выглаженные джинсы. – Послушайте, вы ведь знаете, как устроена наша школа, верно? Как она *должна быть* устроена – учитывая выдающиеся умственные способности наших учеников. У нас нет классов как таковых, это технически неосуществимо. Одни ребята с легкими расстройствами аутического спектра уже занимаются математикой по программе старших классов, но едва умеют читать. Другие свободно владеют четырьмя языками, но с трудом умножают дроби. Мы преподаем им все предметы, и девяносто процентов учащихся здесь живут, поскольку приехали с разных концов США, а десять – из других стран. Однако основное внимание мы уделяем развитию сильных сторон учеников. Потому традиционная школьная система – где дети постепенно продвигаются от младших классов к старшим – здесь совершенно бесполезна и неприменима.

– Мы это понимаем, – сказал Герб. – И, конечно, мы знаем, что Люк – умный мальчик. Поэтому он и здесь.

Про скромный достаток своей семьи он умолчал (поскольку Грир и так, разумеется, был в курсе): Эллисы никогда не смогли бы позволить себе подобную школу. Герб работал бригадиром на заводе по производству картонных коробок, Айлин – школьной учительницей. Их сын Люк стал одним из немногих учеников интерната, не проживающих постоянно на его территории, и чуть ли не единственным, кто обучался здесь бесплатно.

– Умный мальчик? Хм, это не вполне точное определение.

Грир опустил взгляд на папку, раскрытую на совершенно пустом письменном столе. Айлин вдруг посетило дурное предчувствие: либо их сына попросят уйти из школы, либо ему откажут в стипендии, и тогда им все равно придется уйти. Год обучения в Бродерике стоил сорок тысяч долларов – примерно как в Гарварде. Грир сейчас наверняка скажет, что они ошиблись в Люке, переоценили его умственные способности: мальчик просто не по годам много читает и хорошо запоминает прочитанное. Айлин и сама где-то слышала, что эйдетическая память – не редкость среди маленьких детей. Десять-пятнадцать процентов самых обыкновенных младших школьников способны запоминать практически все прочитанное или увиденное. Соль в том, что к подростковому периоду они утрачивают эту способность – и Люк неумолимо приближался к данному рубежу.

Грир улыбнулся.

– Позвольте говорить с вами откровенно. Мы гордимся своими одаренными учениками, но такого ученика, как Люк, у нас еще не было. Один из наших почетных педагогов – мистер Флинт, которому сейчас за восемьдесят, – решил лично преподавать Люку историю Балкан. Тема непростая, зато она проливает свет на современную геополитическую ситуацию. По крайней мере, Флинт так считает. Спустя неделю он пришел ко мне и сравнил опыт работы с вашим сыном с тем, что, должно быть, испытали иерусалимские книжники и фарисеи, когда Иисус

стал не только наставлять их, но и обличать, говоря: «Не то, что входит в уста, оскверняет человека, но то, что выходит из уст, оскверняет человека»⁵.

– Признаться, я несколько растерян, – пробормотал Герб.

– Вот и Билли Флинт растерялся. О чем я вам и толкую. – Грир подался вперед. – Выслушайте меня внимательно. Люк за неделю проглотил сложнейший, очень объемный исторический материал – аспиранты осваивают такое за год – и сделал выводы, к которым Флинт хотел его подвести только после закладки фундамента, так сказать. Некоторые из этих выводов, весьма убедительно настаивал Люк, представляли собой «скорее устоявшийся взгляд, нежели оригинальное суждение». Впрочем, говорил он это очень вежливо, почти виновато.

– Даже не знаю, что и сказать, – выдохнул Герб. – Учебу Люк с нами почти не обсуждает – говорит, мы все равно не пойдем.

– И он прав, – добавила Айлин. – Может, когда-то я и знала, что такое бином Ньютона, но давно забыла.

– Дома Люк – совершенно обычный мальчик, – подхватил Герб. – Делает уроки, потом играет на приставке или бросает мяч во дворе со своим другом Рольфом. И кстати, до сих пор смотрит мультфильм «Губка Боб Квадратные Штаны». – Он задумался на секунду, потом добавил: – Правда, при этом у него на коленях всегда раскрыта какая-нибудь книга.

Да, подумала Айлин. Недавно, например, мальчик проглотил «Основания социологии» Спенсера. А до этого – Уильяма Джеймса⁶. «Большую книгу “Анонимных Алкоголиков”». Полное собрание сочинений Кормака Маккарти. Он читал так, как пасутся коровы – постепенно перемещаясь с одного пастбища на другое, где трава сочнее и зеленее. Герб предпочел игнорировать эту особенность Люка, видимо, потому, что она его пугала. Айлин тоже становилось не по себе при мысли о кругозоре сына, и потому, наверное, Люк не особо распространялся дома об истории Балкан. Родители не спрашивали – вот он и помалкивал.

– У нас здесь есть вундеркинды, – сказал Грир. – На мой взгляд, более пятидесяти процентов учеников Бродерика – гении. Но они мыслят узко, а Люк... Люк мыслит глобально. Не закичивается на чем-то одном, а пытается охватить вообще все. Вряд ли он когда-нибудь станет профессиональным бейсболистом или баскетболистом...

– Если он пошел в меня, для баскетбола ему просто не хватит роста. – Герб заулыбался. – Хотя он может стать новым Спадом Уэббом⁷.

– Ш-ш, – осадил его Айлин.

– Однако играет он с энтузиазмом, – продолжал Грир. – Ему нравится спорт, и он не считает, что напрасно тратит время. Причем на поле парень держится уверенно, прекрасно ладит с игроками. Он не интроверт и не имеет никаких эмоциональных или психических проблем. Люк – рядовой американский подросток, носит майку с любимой рок-группой и бейсболку задом наперед. Возможно, в обычной школе ему пришлось бы чуть труднее – он бы там просто заскучал, – хотя вряд ли он испытывал бы серьезные проблемы. Наверное, стал бы самостоятельно изучать то, что ему интересно. – Грир поспешно добавил: – Я не предлагаю проверить это на практике, не подумайте!

– Ну что вы, мы так рады, что он здесь учится, – сказала Айлин. – Очень рады! И мальчик он славный, добрый. Мы его безумно любим.

– А он любит вас. Дети с таким блестящим умом встречаются редко. Социализированные, психически здоровые вундеркинды, которые видят и воспринимают не только свой внутренний мир, но и окружающий, – просто огромная редкость.

---

⁵ Мф. 15:11.

⁶ Уильям Джеймс (1842–1910) – американский философ и психолог, один из основателей прагматизма и функционализма. Брат писателя Генри Джеймса.

⁷ Спад Уэбб – американский профессиональный баскетболист ростом 170 см.

– Если все хорошо, зачем вы нас пригласили? – спросил Герб. – Конечно, мне очень приятно слышать дифирамбы в адрес моего сына. И кстати, я до сих пор могу разделать его под орех в КОЗЛА⁸ – хотя бросок крюком у него неплохой.

Грир откинулся на спинку стула. Он больше не улыбался.

– Мы вас пригласили, потому что не можем дать Люку ничего нового – и он это знает. Он интересуется уникальными темами, которые изучают только в университетах, да и то не во всех. Например, он мечтает поступить в Массачусетский технологический институт в Кембридже и учиться там на инженера. А параллельно изучать английский в Колледже Эмерсон, на другом берегу реки – в Бостоне.

– Что? – переспросила Айлин. – *Одновременно?*

– Да.

– А как же итоговая аттестация? – Ничего лучше Айлин не придумала.

– Люк сдает SATs⁹ в следующем месяце, в мае. В школе «Норт комьюнити хай». И я вас уверяю: он получит максимальное количество баллов.

Надо будет собрать ему обед, подумала Айлин. По слухам, кормят в «Норт-коме» просто отвратительно.

На минуту в кабинете воцарилась гробовая тишина. Наконец Герб произнес:

– Мистер Грир, нашему мальчику всего *двенадцать*. В прошлом месяце исполнилось! Может, у него есть инсайдерская информация по Сербии, зато бороды нет... И расти она начнет года через три. Вы хоть... подумали...

– Я понимаю ваши чувства. Поверьте, мы с коллегами не стали бы даже поднимать эту тему, если бы не были полностью уверены в умственных, социальных и эмоциональных способностях Люка. Учеба в *двух* университетах ему вполне по зубам.

Айлин сказала:

– Не можем же мы отправить двенадцатилетнего ребенка на другой конец страны – жить среди студентов, которым официально разрешено потреблять спиртное и посещать ночные клубы! Будь у нас хотя бы родственники в тех краях...

Грир закивал.

– Понимаю, понимаю, вы совершенно правы: Люк пока не готов к самостоятельной жизни, пусть и под надзором старших. Он сам так считает. Однако его мучает жажда новых знаний, от этого он расстраивается и хандрит. Они нужны ему как воздух. Не представляю, что там происходит у него голове, как устроены все эти удивительные механизмы – никто из нас не представляет, если честно... Старик Флинт, пожалуй, привел очень меткое сравнение, говоря про Иисуса, поучающего книжников... Так вот, когда я пытаюсь мысленно вообразить это устройство, то вижу огромный, сложный, сверкающий аппарат, загруженный лишь на два процента своих возможностей. В лучшем случае – на пять процентов. А поскольку Люк все же человек, то он испытывает... *голод*.

– Расстраивается и хандрит, говорите? – переспросил Герб. – Никогда за ним такого не замечал.

А я замечала, подумала Айлин. Хотя и не часто. Именно в такие мгновения рядом с Люком звенит посуда и хлопают двери.

---

⁸ КОЗЕЛ (*англ.* HORSE – лошадь) – популярная игра с мячом для двоих игроков. Сначала бросок делает первый игрок (он может быть выполнен как угодно и из любой точки площадки). Если первый попал в корзину, второй игрок должен в точности его повторить, а в случае промаха – записать себе букву «К» (а далее – «О», «З», «Е», «Л»). Если же первый игрок промахнулся, второй может сделать любой бросок по своему желанию, и тогда уже первый должен его повторить. После каждого промаха игроки «награждаются» буквами, из которых постепенно складывается слово «КОЗЕЛ». Проигрывает тот, кто первым соберет слово.

⁹ SAT – централизованный экзамен в средних учебных заведениях США, необходимый для поступления в университет.

Она представила себе описанную Гриром колоссальную машину – размером с три-четыре промышленных склада. И чем же занята эта машина? По сути, штампует пластиковые стаканчики и алюминиевые подносы для забегаловок. Как родители они обязаны дать сыну больше, но неужели *настолько* больше?

Грир вздохнул.

– Что ж, оставлять Люка в Бродерике – все равно что перевести его в обычную школу. Мы имеем дело с мальчиком, ум которого невозможно оценить по шкале IQ. Он знает, что хочет делать. Знает, что ему необходимо.

– Я пока не понимаю, как мы можем ему помочь, – сказала Айлин. – Даже если он будет учиться в обоих университетах бесплатно, у нас здесь *работа*. И мы далеко не богачи.

– А теперь давайте это обсудим, – сказал Грир.

2

Когда Герб и Айлин пришли забирать сына из школы, Люк и еще четверо ребят – две девочки и два мальчика – валялись дурака у входа, смеясь и о чем-то оживленно болтая. Айлин показалось, что это самые обычные дети. Девчонки с только-только наметившейся грудью, в юбках и легинсах, мальчики в мешковатых вельветовых штанах и футболках (такая у парней была мода в том году). На груди Рольфа красовалась надпись: «ПИВО – ДЛЯ СЛАБАКОВ». Он держал перед собой виолончель в клетчатом чехле, которая служила ему шестом, исполнял вокруг нее откровенный танец и при этом пылко о чем-то разглагольствовал – может, о предстоящем весеннем бале, а может, о теореме Пифагора.

Люк увидел родителей, попрощался с Рольфом – у них был для этого свой ритуал, – взял рюкзак и сел на заднее сиденье «фораннера» Айлин.

– Ого, вас сразу двое! Чем обязан такой великой чести?

– Ты в самом деле хочешь учиться в Бостоне? – без обиняков спросил Герб.

Люк не растерялся. Он со смехом вскинул кулаки в воздух и воскликнул:

– Да! А можно?

Надо же, как будто отпрашивается ночевать к Рольфу, подивилась Айлин. Грир сказал, что Люк мыслит *глобально*. Меткое выражение. Люк – гений, но гениальность каким-то чудом не отразилась на его психике: он мог без задней мысли прыгнуть на скейтборд и помчаться с крутой горы, ничуть не боясь разбить свою светлую – уникальную, одну на миллион – голову.

– Давайте где-нибудь поужинаем и все обсудим, – сказала Айлин.

– «Рокет-пицца»! – воскликнул Люк. – Кто «за»? Если ты, конечно, захватил прилосек¹⁰, пап.

– Да уж, после сегодняшней встречи я без него никуда.

3

Они заказали большую пеперони, и Люк моментально умял половину, запив ее тремя стаканами колы из кувшина. Родителям оставалось только молча дивиться здоровью его пищеварительного тракта и размерам мочевого пузыря – не говоря о выдающемся уме, разумеется. Люк рассказал, что уже обсудил все с мистером Гриром, «чтобы не пугать вас понапрасну и сперва прозондировать почву».

– Закинуть удочку, – добавил Герб.

---

¹⁰ Прилосек – лекарственный препарат от изжоги, нормализующий кислотность желудка.

– Бросить пробный шар, так сказать. Разведать обстановку. Провести рекогносцировку на местности...

– Хватит. Он объяснил, что мы можем сделать, если хотим поехать с тобой.

– Вы *должны*, – убедительно произнес Люк. – Я еще слишком мал – никак не обойдусь без досточтимых *mater* и *pater*¹¹. К тому же... – мальчик посмотрел на них через стол с остатками пиццы, – я не смогу нормально работать. Мне будет слишком вас не хватать.

Айлин настрого запретила глазам наполняться слезами, но они все равно наполнились. Герб молча протянул ей салфетку.

– Мистер Грир... – начала она, – предложил нам... э-э... вариант переезда...

– Перебью, – сказал Люк. – Кто претендует на последний кусок?

– Никто, ешь, – ответил Герб. – Надеюсь, ты не лопнешь – тебе еще экзамены сдавать.

– *Ménage à college*¹², – рассмеялся Люк. – Он вам рассказал про богатеньких выпускников, да?

Айлин отложила салфетку.

– Господи, Люк! Ты обсуждал наши финансы со школьным психологом? А кто в нашей семье вообще главный? У меня закрадываются сомнения на этот счет.

– Успокойся, *tamacita*¹³, все нормально. Вообще-то сначала я подумал про целевой капитал школы – он у Бродерика просто огромный. Школьному правлению ничего не стоит переселить все наше семейство в Бостон, но они никогда не дадут «добро», хотя такой вариант видится мне вполне логичным.

– Неужели? – спросил Герб.

– Ну да! – Люк с аппетитом прожевал пиццу и глотнул колы. – Я для них вроде как инвестиция. Акция с большим потенциалом роста. Посеешь центы – пожнешь доллары, верно? Так устроена Америка. Правление это понимает, разумеется, однако им не по силам порвать шаблон – вырваться из когнитивной западни.

– Из когнитивной западни? – переспросил отец.

– Ага. Из западни потомственной диалектики. В этом есть что-то первобытное, племенное... Смешно, правда? Племя членов правления, ха! В общем, они рассуждают так: «Если мы поможем Люку, придется помогать и остальным». Такая вот когнитивная западня. Передается из поколения в поколение.

– Устоявшийся взгляд, – сказала Айлин.

– В точку, мам. Правление лучше свалит все на богатеньких выпускников школы, которые уже заработали мегабаксы на своем нешаблонном мышлении, но по-прежнему нежно любят старый добрый Бродерик. Переговорщиком назначат мистера Грира – ну, я на это надеюсь. Соль вот в чем: сейчас они помогут мне, а я потом буду помогать школе. Когда прослаблюсь и сколочу состояние. Вообще-то мне не нужны ни деньги, ни слава, я же классический представитель среднего класса, но я вполне могу разбогатеть. Случайно. Если, конечно, не подхвачу какую-нибудь жуткую заразу или не стану жертвой теракта.

– Не каркай, – сказала Айлин и перекрестилась над заваленным корками столом.

– Нельзя быть такой суеверной, мам! – снисходительно бросил Люк.

– Уж какая есть. Вытри-ка рот – ты весь перемазался томатным соусом. Выглядит так, будто у тебя десны кровоточат.

Люк послушно вытер губы.

Герб продолжал:

¹¹ Мать и отец (*лат.*).

¹² Можно перевести как «в колледж всей семьей» (*фр.*), по аналогии с расхожим выражением *ménage à trois* — «шведская семья», любовь втроем.

¹³ Мамочка (*исп.*).

– Мистер Грир дал нам понять, что некие заинтересованные лица действительно готовы спонсировать наш переезд и оказывать нам финансовую поддержку в течение шестнадцати месяцев.

– А он сказал, что те же самые лица помогут тебе найти новую работу? – У Люка загорелись глаза. – Причем крутую! Потому что один из бывших воспитанников Бродерика – Дуглас Финкель. Владелец «Американских бумажных товаров», на минуточку. То есть фактически хозяин золотой жилы. Воротила. Акула бизне...

– Фамилия «Финкель» действительно всплывала в нашем разговоре...

– Да, и кстати! – Люк повернулся к матери. – В Бостоне сейчас очень выгодно работать учителем. Средняя заработная плата школьного учителя с твоим опытом – около шестидесяти пяти тысяч в год...

– Сынок, откуда ты все это знаешь? – спросил Герб.

Люк пожал плечами.

– Из «Википедии», например. Начинаю с нее, потом перехожу по ссылкам на цитируемые источники. Тут главное понимать обстановку. Знать свою среду. Моя среда – это Бродерик. Всех членов правления я знаю; выпускников-толстосумов пришлось поискать.

Айлин потянулась через стол, взяла у Люка кусок пиццы и положила его на алюминиевый подносик с корками.

– Люк, даже если все это действительно возможно... разве ты не будешь скучать по друзьям?

Он помрачнел.

– Да. Особенно по Рольфу. И по Майе. Хотя официально нам нельзя приглашать девочек на весенний бал, неофициально я пошел бы именно с ней. В общем – да. Я буду скучать. Но.

Родители молчали. Их сын, который обычно за словом в карман не лез, вдруг растерялся. Он открыл рот, потом закрыл, потом снова открыл.

– Даже не знаю, как сказать... И *стоит ли* вообще об этом говорить.

– Попытайся. У нас впереди еще много важных разговоров, но этот пока – самый важный. Так что попытайся.

У входа в ресторан Ричи Рокет начал свое ежечасное выступление – танец под песню «Мамбо номер пять». Айлин наблюдала, как человек в серебристом скафандре жестом приглашает людей за столиками к нему присоединиться. Несколько детей вышли на сцену и, смеясь, плясали буги, а их родители смотрели, хлопали и фотографировали. Не так давно – всего лишь пять лет минуло – Люк вот так же отплясывал с Ричи Рокетом. А теперь они обсуждают грядущие перемены – огромные, невероятные! Айлин не понимала, как у них с Гербертом – у самых обычных людей с обычными мечтами и ожиданиями – мог родиться такой ребенок. Порой ей хотелось, чтобы все сложилось иначе. Порой она всей душой ненавидела роль, которая досталась им с мужем, но она никогда не испытывала подобных чувств по отношению к Люку – и никогда не будет испытывать. Он ее малыш, ее единственный и горячо любимый сын.

– Люк, – очень тихо окликнул сына Герб. – Сынок?..

– Меня волнует то, что будет дальше, – наконец заговорил Люк, подняв голову и глядя прямо на родителей. В его глазах горел гений, выдающийся ум. Обычно Люк скрывал от папы с мамой этот блеск, потому что знал: он пугает их куда сильнее, чем звон тарелок. – Понимаете? Будущее. Я хочу поехать в Бостон... учиться... а потом двигаться дальше. Все эти бродерики и университеты – они ведь не цель, а лишь ступеньки на пути к цели.

– А какая у тебя цель, сынок? – спросила Айлин.

– *Не знаю*. Мне столько надо выяснить. В голове засело такое... иногда оно подступает... порой мне удается его накормить, однако далеко не всегда. В такие моменты я чувствую себя маленьким и ужасно глупым...

– Милый, что ты! Глупый – это точно не про тебя. – Айлин потянулась к его руке. Люк отдернул ее и покачал головой. Алюминиевый поднос от пиццы задрожал, крошки в нем запрыгали.

– В общем, есть такая бездна, понимаете? Она мне порой снится. У нее нет дна, и она полна всяких неведомых штук и тварей... Не знаю, как бездна может быть полна, это оксюморон, но говорю как есть. На краю этой бездны я чувствую себя ничтожным и глупым. Через нее перекинут мост, и мне хочется ступить на него, встать посередине, поднять руки и...

Айлин и Герб молча, немного испуганно слушали. Люк поднял руки к своему узкому напряженному лицу. Поднос от пиццы теперь не просто дрожал – он звенел на столе. Как иногда звенели тарелки в буфете.

– ...и тогда все эти штуки поднимутся из темноты. *Я точно знаю.*

Поднос поехал по столу и упал на пол. Герб и Айлин на него даже не взглянули. Такое порой случалось рядом с Люком, когда он сильно волновался. Нечасто. И все же случалось. Они привыкли.

– Понимаю, – сказал Герб.

– Ага, понимает он! – воскликнула Айлин. – Ни черта мы не понимаем. Но ты не обращай внимания – сдавай свои экзамены. Только знай, что всегда можешь передумать. Если не передумаешь, если действительно задашься целью поступить... – она посмотрела на Герба. Тот кивнул, – мы попробуем все устроить.

Люк улыбнулся и поднял с пола поднос. Поглядел на Ричи Рокета.

– Помню, в детстве я тоже так плясал.

– Ага. – Айлин снова понадобилась салфетка. – Плясал.

– Ты ведь знаешь, что говорят про бездну? – спросил Герб.

Люк помотал головой – то ли в его обширных знаниях действительно обнаружился пробел, то ли он просто не хотел портить отцу удовольствие.

– Если долго смотришь в бездну, бездна тоже смотрит в тебя¹⁴.

– Точно! – ответил Люк. – Десерт закажем?

4

Экзамены длились четыре часа – вместе с сочинением, – однако посередине был мило-стиво предусмотрен перерыв. Люк сидел на скамейке в школьном вестибюле, уплетал мамыны сэндвичи и мечтал о книге. Вообще-то он захватил с собой «Голый завтрак» Берроуза, но один из наблюдателей его изъяс (вместе с мобильником – и мобильниками остальных экзаменуемых), заверив Люка, что непременно вернет ему книгу. Перед этим он пролистал страницы, высматривая то ли порнографию, то ли шпаргалки.

Доедая печенье «Снэкималс», Люк вдруг обнаружил, что вокруг столпились люди: старшеклассники и старшеклассницы.

– Эй, мелкий! – обратился к нему один парень. – Ты чего тут забыл?

– Сдаю экзамен, – ответил Люк. – Как и вы.

Ребята призадумались.

– Гений, типа? – спросила его одна из девушек. – Как в кино?

– Нет, – с улыбкой сказал Люк. – Впрочем, ночевал я действительно в «Холидей-инн-экспресс»¹⁵.

---

¹⁴ Фридрих Ницше. По ту сторону добра и зла. Перевод Н. Полилова.

¹⁵ Люк цитирует слоган из серии популярных рекламных роликов гостиничной сети «Холидей-инн-экспресс», выходивших на телевидении с 1998 г., в которых обычные люди открывают в себе неожиданные таланты и получают удивительные способности после одной ночи, проведенной в номере недорогой гостиницы.

Все засмеялись. Так, это хорошо. Один из парней дал ему «пять».

– Где учиться будешь? В каком универе?

– В Массачусетском технологическом. Если возьмут, конечно. – Тут он слукавил: его заранее приняли в оба университета – при условии, что он не завалит SATs. С этим проблем не ожидалось, пока что все вопросы были элементарные. А вот старшие ребята его пугали. Осенью он окажется в аудитории с такими же парнями и девушками – вдвое больше его и намного старше. Все будут на него пялиться, решат, что он какой-нибудь фрик. Люк уже поднимал этот вопрос в разговорах с мистером Гриром.

«Не забывай: главное, кем себя считаешь *ты*. А если понадобится психологическая помощь, захочется с кем-то поговорить о своих чувствах, пожалуйста, не тяни с этим, найди хорошего психолога. И мне всегда можешь написать».

Одна из девушек – симпатичная и рыжеволосая – спросила, понял ли он задачу про гостиницу из раздела математики.

– Которая про Аарона? – уточнил Люк. – Ну да, понял.

– А ответ, случайно, не помнишь?

Задача была такая: сколько Аарону надо заплатить за гостиницу, если он прожил в ней x ночей, а плата за одну ночь составляет 99,95 доллара плюс 8 % налога. Кроме того, с каждого постояльца взимается дополнительный единовременный платеж в размере 5 долларов. Правильный ответ Люк, конечно, запомнил, потому что задача оказалась с подвохом. Надо ответить *сколько*, но ответ представляет собой не число, а выражение.

– Вариант Б, – сказал Люк, вытащил ручку и нацарапал на бумажном пакете из-под сэндвичей: $1,08(99,95x)+5$.

– А ты уверен? – спросила девушка. – Я выбрала вариант А.

Она нагнулась, взяла у Люка пакет – обдав его восхитительно тонким ароматом сирени – и написала: $(99,95+0,08x)+5$.

– Отличный вариант, – сказал Люк, – но на таких задачках составители нас и срезают. – Он постучал пальцем по ее выражению. – Так можно узнать, сколько Аарон заплатит за одну ночь. И ты неправильно рассчитываешь налог.

Девушка застонала.

– Ничего, – попытался успокоить ее Люк. – Наверняка на остальные вопросы ты ответила правильно.

– А может, она и на этот ответила правильно, – сказал один парень – тот самый, который дал ему «пять». – Может, ты ошибаешься.

Девушка покачала головой:

– Нет, он прав. Гребаный налог! Вот я дура.

Она ушла, повесив голову. Один из парней догнал ее и обнял за талию. Люку стало завидно.

Другой парень – высокий, прекрасно сложенный и в дизайнерских очках – сел рядом с Люком и спросил:

– Странно, наверное, – быть тобой?

Люк задумался.

– Иногда бывает странно. А в целом – ничего особенного. Живу себе и живу.

Из кабинета высунулся наблюдатель и позвонил в колокольчик.

– Все, перерыв окончен, заходим.

Люк не без облегчения встал и закинул пакет из-под ланча в урну у входа в спортзал. Напоследок поглядел на рыжую. Когда он заходил в кабинет, урна задрожала и сдвинулась на три дюйма влево.

5

Вторая половина экзамена оказалась такой же элементарной, как и первая. Люк решил, что и с сочинением справился вполне достойно – по крайней мере, не написал слишком много. На выходе из школы он увидел, что рыжая девчонка сидит на скамейке и рыдает. Завалила, значит. Интересно, насколько все плохо? Ей придется выбрать универ попроще или здравствуй, местный двухгодичный колледж? Еще Люк задумался, каково живется людям с обычным мозгом, в котором нет ответов на все задачки. Может, подойти к рыжей и попытаться ее утешить? А станет ли она его слушать, мелочь пузатую? Вряд ли. Скорее пошлет на три буквы. Еще Люк вспомнил про урну – как она жутко сдвинулась сама по себе. Жизнь – один сплошной тест, только выбирать надо не из четырех-пяти вариантов, а из десятков и дюжин. Включая всякий бред вроде *иногда и может, да, а может, нет*.

Ему уже махала мама. Люк махнул в ответ и побежал к машине. Когда он сел и пристегнулся, мама спросила, как все прошло.

– Лучше не бывает. – Люк выдавил широченную улыбку, по-прежнему думая о рыжей. То, что она рыдала, – еще полбеда, а вот как она повесила голову, когда поняла свою ошибку, – словно цветок в засуху... Это было в сто раз хуже.

Люк попытался выбросить эти мысли из головы. Разумеется, не получилось. *Попробуйте задать себе задачу...* – писал Федор Достоевский, – *не вспоминать о белом медведе, и увидите, что он, проклятый, будет поминутно припоминаться.*

– Мам?

– Да?

– Как думаешь, память – это дар или проклятье?

Айлин ответила не задумываясь – бог знает, о чем она в тот момент вспоминала:

– И то и другое, сынок.

6

Июньской ночью, в два часа, когда Тим Джемисон обходил Мэйн-стрит города Дюпрей, черный внедорожник свернул на Уайлдерсмут-драйв – пригородную улицу в северной части Миннеаполиса. Название было ужасно нелепое. Люк с Рольфом в шутку называли свою улицу Уайлдерсмач-драйв – отчасти потому, что так получалось еще смешнее, а отчасти потому, что оба мечтали смачно поцеловать девчонку.

В салоне внедорожника сидели трое: мужчина и две женщины. Денни, Мишель и Робин. За рулем был Денни. Примерно на середине тихой извилистой улицы он вырубил фары, остановил машину у тротуара и заглушил мотор.

– Он точно не ТЛП? А то я не захватил свою шапочку из фольги.

– Ха-ха, – сухо откликнулась Робин, сидевшая на заднем сиденье.

– Нет, самый обычный ТЛК, – сказала Мишель. – Так что хватит мандражировать, пора за дело.

Денни открыл консоль между передними сиденьями и достал оттуда мобильный телефон, который выглядел как пережиток 90-х: массивный прямоугольный корпус, сверху – толстая антенна. Он вручил телефон Мишель и, пока та набирала номер, вытащил из тайника в двойном дне консоли тонкие латексные перчатки, два «глока-37» и баллончик с неким аэрозолем (якобы освежителем воздуха «Глейд»). Одну из пушек он передал Робин, одну оставил себе, а баллончик кинул Мишель.

– Рубины, вперед! – принялся скандировать Денни, натягивая перчатки. – Долг зовет, победа ждет!

– Завязывай со школьными речевками, – оборвала его Мишель. Прижав телефон ухом к плечу, она принялась натягивать перчатки и сказала: – Саймондс, прием.

– Прием.

– Это Рубиновая команда. Мы на месте. Вырубай систему.

Она стала молча ждать сигнала от Джерри Саймондса. В доме, где спали Люк и его родители, погасли оба дисплея сигнализации – в кухне и в коридоре. Мишель получила «добро», покосилась на свою команду и показала им два больших пальца.

– Готово!

Робин перекинула через плечо дежурный чемоданчик, больше похожий на дамскую сумочку средних размеров. Когда они выходили из машины (с номерными знаками полиции штата Миннесота), свет в доме не загорелся. Прокравшись гуськом между домом Эллисов и соседним домом Дестинов (где сладко спал Рольф – и во сне, быть может, смачно целовался с кем-нибудь), они вошли внутрь через кухню. Робин шла первой, потому что у нее был ключ.

Возле плиты они остановились. Робин вытащила из сумки два компактных глушителя и три пары легких очков на резинке. В очках все они стали похожи на насекомых, зато темную кухню как будто залило ярким светом. Денни и Робин прикрутили глушители, и Мишель двинулась через гостиную к коридору, а оттуда – на лестницу.

Шли медленно, но вполне уверенно, ведь шагов по резиновой дорожке было почти не слышно. Денни и Робин остановились у первой закрытой двери. Мишель подошла ко второй. Она оглянулась на партнеров и, сунув аэрозоль под мышку, молча показала им ладони с растопыренными пальцами: *Дайте мне десять секунд*. Кивнув, Робин показала два больших пальца в ответ.

Мишель открыла дверь и вошла в спальню Люка. Петли тихонько скрипнули. Лежавший в постели мальчик (из-под одеяла торчал только клок его волос) пошевелился и тут же затих. В два часа ночи ребенку полагается спать без задних ног – это фаза самого глубокого сна, – но он явно что-то слышал. Может, гениальные дети спят не так, как обычные, кто знает? Уж точно не Мишель Робертсон. На стене в спальне висели два постера – их было видно отчетливо, как днем. На одном – скейтбордист в полете: ноги полусогнуты, руки раскинуты в стороны. На втором панк-группа «Ramones», которую Мишель слушала еще в школе. Надо же, она думала, что все они давно померли и отправились на небесный Рокуэй-Бич из собственной песни.

Мишель пересекла комнату, мысленно считая: четыре... пять...

На шести она врезалась бедром в письменный стол и опрокинула какой-то призовой кубок. Мальчишка тотчас перевернулся на спину и открыл глаза.

– Мам?

– Ага, – ответила Мишель. – Как скажешь, детка.

В глазах мальчика успела вспыхнуть тревога, он открыл рот... Мишель задержала дыхание и брызнула аэрозолем ему в лицо. Парень отключился – мгновенно, как свет. Дети всегда быстро отключались, а спустя шесть-восемь часов приходили в себя без намека на отходняк. Видно, они лучше переносят химию, подумала Мишель и стала считать дальше: семь... восемь... девять.

На десять Робин и Денни вошли в спальню родителей. И сразу увидели, что дело плохо: Айлин не оказалось в кровати. Из ванной на пол падала трапеция света – нестерпимо яркая для очков. Робин и Денни тут же стянули с себя очки и бросили их на отполированный паркет – раздался отчетливый двойной стук.

– Герб? – тихо спросила из ванной Айлин. – Опять стакан уронил?

Робин вытащила пистолет из-за пояса брюк и двинулась к кровати, а Денни тем временем рванул к ванной. Он даже не пытался соблюдать тишину – это было уже лишнее. Он вскинул «глок» и встал возле двери.

На подушке Айлин остался отпечаток ее головы. Робин схватила подушку, положила ее на лицо мужчине и выстрелила. «Глок» едва слышно кашлянул и оставил на чистой наволочке небольшое коричневое пятно.

Айлин вышла из ванной. Вид у нее был встревоженный.

– Герб? Все нор...

Тут она увидела Денни. Тот схватил ее за горло, приставил дуло «глока» к виску и нажал спусковой крючок. Снова раздался тихий кашель. Айлин сползла на пол.

Ноги Герба заматались под одеялом: оно заходило ходуном. Робин выстрелила в подушку еще два раза. Второй выстрел больше напоминал лай, чем кашель, а третий получился еще громче.

Денни убрал подушку.

– Ты чего, «Крестного отца» пересмотрела? Господи, Робин, ты же ему полбашки снесла! Тут никакая косметика для покойников не поможет!

– Главное – дело сделано.

Если честно, ей просто не нравилось смотреть на жертв в момент смерти – видеть, как гаснут их глаза.

– Возьми себя в руки, женщина. Третий выстрел был слишком громкий. Валим.

Они подняли с пола очки и прошли в комнату мальчика. Денни подхватил Люка на руки – без особого труда, тот весил от силы фунтов девяносто – и дернул подбородком: вы первые, а я следом. Выходили тоже через кухню. Свет в соседнем доме не горел (не таким уж и громким получился третий выстрел), стояла полная тишина, только стрекотали сверчки да где-то далеко – в Сент-Поле, может быть – выла полицейская сирена.

Мишель первая прокралась между домов, осмотрела улицу и жестом позвала за собой остальных. Эту часть операции Денни Уильямс не любил: если страдающий бессонницей сосед выглянет в окошко и увидит во дворе трех незнакомых типов, наверняка что-нибудь заподозрит. А если он заметит на руках у одного из типов нечто похожее на тело...

Однако все обитатели Уайлдерсму-драйв – названной так в честь какого-то давно забытого местного воротилы – крепко спали. Робин открыла заднюю дверцу машины, села и протянула руки. Денни передал ей мальчика, она втянула его в салон – голова Люка безжизненно перекатилась ей на плечо – и принялась на ощупь искать ремень безопасности.

– Фу, слюну пустил, – поморщилась она.

– Ага, людям в отключке это свойственно. – Мишель захлопнула дверь и села вперед, а Денни прыгнул за руль.

Пока внедорожник медленно отъезжал от дома Эллисов, Мишель прятала пистолеты и аэрозоль на место. У первого же перекрестка Денни включил фары.

– Звони, – распорядился он.

Мишель набрала тот же номер.

– Рубиновая команда. Груз у нас. Будем в аэропорту через двадцать пять минут. Врубай систему, Джерри.

В доме Эллисов засветились оба экрана сигнализации. Когда на место наконец прибыли полицейские, они обнаружили двух убитых взрослых; ребенок бесследно исчез. Естественно, на него и легло подозрение: все-таки вундеркинд. Эти вундеркинды часто бывают малость куклу, так ведь? Копы были бы и рады допросить парня, но сперва его предстояло разыскать. Ничего, найдется. Такой сопляк – пусть хоть трижды гений – долго скрываться не сможет.

7

Люк пришел в себя и сразу вспомнил свой сон – не то чтобы кошмар, но приятного в нем было мало. Незнакомая женщина склонилась над кроватью; по обе стороны от ее лица

свисали белокурые пряди. Ага. Как скажешь, детка. Похоже на порнушку, которую они иногда смотрели с Рольфом.

Он резко сел в кровати и поначалу решил, что опять видит сон. Комната вроде была его: те же голубые обои, те же постеры на стенах, письменный стол с кубком малой лиги. Но куда подевалось окно? Окно, выходившее на дом Рольфа, бесследно исчезло.

Люк зажмурился и распахнул глаза: все было по-прежнему. Комната без окон осталась комнатой без окон. Может, ущипнуть себя? Ну уж нет, так все делают – банально. Вместо этого Люк щелкнул себя по щеке. Ничего не изменилось.

Он выбрался из постели. Одежда лежала на стуле, куда мама сложила ее вчера вечером: белье, носки, футболка на сиденье, джинсы на спинке. Люк медленно оделся, глядя на стену без окна, затем присел обуться. Кеды на первый взгляд были его: инициалы Л.Э. на месте. Вот только горизонтальная палочка буквы Э длинновата...

Люк повертел кеды в руках. Новье! Ни следа грязи. Идеально белая подошва. Шнурки тоже слишком чистые. При этом сами кеды оказались в пору, сели как влитые.

Он подошел к стене и потрогал ее: может, окно там, под обоями? Нет...

Спятил он, что ли? Слетел с катушек, как герой какого-нибудь жуткого фильма Шьямалана? Дети с выдающимися умственными способностями склонны к разного рода нервным срывам... Нет, не может быть. Он психически здоров – как был здоров вчера вечером. Спятивший паренек из фильма считал бы себя нормальным (так Шьямалан бы закрутил сюжет), однако в учебниках по психологии пишут, что сумасшедшие, как правило, в курсе, что сошли с ума. Значит, с ума он пока не сошел.

В детстве (то есть примерно в пятилетнем возрасте) Люк коллекционировал значки, которые политики распространяли во время избирательных кампаний. Отец с удовольствием помогал ему собирать коллекцию: к счастью, значки можно было недорого приобрести на «Ибей». Особенно Люка манили значки проигравших кандидатов в президенты США (почему – он и сам не понимал). В конце концов он перегорел, страсть угасла, и большая часть коллекции теперь хранилась где-то на чердаке или в подвале. Только один значок Люк оставил себе как талисман. На нем был изображен синий самолетик в окружении слов: «КРЫЛЬЯ ДЛЯ УИЛКИ». В 1940 году Уэнделл Уилки с позором проиграл Франклину Рузвельту: он взял всего лишь десять штатов, набрав в общей сложности семьдесят два голоса выборщиков.

Обычно Люк держал значок в своем кубке малой лиги. Сейчас он сунул туда руку, но талисмана не обнаружил.

Тогда он подошел к постеру со скейтбордистом Тони Хоуком на доске фирмы «Бердхаус». У его постера был надорван левый уголок; этот оказался совершенно цел.

Кеды новые, постер тоже, значок Уилки исчез...

Нет, это не его комната.

В груди что-то задрожало, и Люк сделал несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться. Затем взялся за дверную ручку с полной уверенностью, что дверь не откроется.

Однако ручка моментально поддалась. Вот только коридор за дверью был ничуть не похож на коридор в доме, где он прожил двенадцать с лишним лет. Шлакоблочные стены вместо деревянных панелей, выкрашенные в промышленный бледно-зеленый цвет, а прямо напротив двери – постер с тремя детьми примерно его возраста, бегущими сквозь высокую траву. Одного запечатлели прямо в прыжке. На лицах всех троих застыли безумные – или безумно счастливые – ухмылки. Судя по слогану, все же последнее. Крупная надпись внизу постера гласила: «ЕЩЕ ОДИН ДЕНЬ В РАЮ».

Люк вышел из комнаты. Справа коридор заканчивался казенными двойными дверями с ручками во всю ширину. Слева, примерно в десяти футах от точно таких же двойных дверей, устроилась на полу девочка в клешах и футболке с рукавами-фонариками. Чернокожая. И эта самая девочка, ровесница Люка, курила сигарету.

8

Миссис Сигсби сидела за письменным столом и смотрела в экран компьютера. Стильный деловой костюм модельера Дианы фон Фюрстенберг не скрывал ее болезненной худобы. Седые волосы были идеально уложены. Рядом стоял доктор Хендрикс. Доброе утро, Страшила, подумал он, но вслух бы этого никогда не произнес.

– Что ж, – проговорила миссис Сигсби, – вот он. Наш новенький. Лукас Эллис. Первый и единственный раз в жизни летел на «Гольфстриме», но даже не догадывается об этом. Судя по всему, настоящий гений.

– Это ненадолго, – заметил доктор Хендрикс и выдал свой фирменный смешок, эдакое «И-а!»: сперва выдохнул, потом вдохнул. За исполинский рост – шесть футов семь дюймов – и крупные, торчащие вперед зубы лаборанты прозвали его Донки-Конгом¹⁶.

Она повернулась к нему и строго отчеканила:

– Плоские шуточки в адрес наших подопечных не приветствуются, Дэн.

– Простите. – Ему захотелось добавить: *Кого ты разыгрываешь, Сиггерс?* – но это прозвучало бы неучтиво. Да и вопрос, в общем-то, был риторический. Сиггерс никого не разыгрывала, а уж тем более – саму себя. Она напоминала того безвестного идиота-нациста, который придумал разместить над воротами Освенцима лозунг *Arbeit macht frei* – «Труд освобождает».

Миссис Сигсби взяла в руки досье на нового мальчика. Хендрикс наклеил на правый верхний угол папки круглый розовый стикер.

– Есть какая-то польза от ваших розовых меток, Дэн? Хоть какая-нибудь?

– Вы же знаете, что есть. Сами видели результаты.

– А им можно верить?

Прежде чем добрый доктор успел ответить, в кабинет заглянула Розалинда.

– Надо подготовить несколько документов, миссис Сигсби. Скоро поступят пять новеньких – их привезут раньше, чем мы планировали.

Миссис Сигсби явно обрадовалась.

– Пять человек за день! Видимо, что-то в этой жизни я делаю как надо.

Конечно, подумал Хендрикс, ты же не могла сказать *делаю правильно*. Обязательно надо было намекнуть.

– Нет, сегодня только *двое*, – сказала Розалинда. – Их привезет Изумрудная группа. Завтра трое, их доставит Опаловая. Четверо ТЛК, один ТЛП – да какой! Уникум. Девяноста три нанограмма НФМ.

– Авери Диксон, верно? Из Солт-Лейк-Сити.

– Из Орема, – поправила ее Розалинда.

– Мормон из Орема! – опять заревел по-ослиному доктор Хендрикс.

Этот точно уникам, подумала миссис Сигсби. Розовых стикеров на папке Диксона не будет. Слишком он ценен. Никаких рискованных инъекций, вызывающих припадки, никаких попыток водой... Детей с НФМ выше 90 надо беречь.

– Прекрасная новость. Просто отличная. Неси сюда документы. На электронную почту скинула?

– Конечно, – улыбнулась Розалинда. Все документы пересылались по электронной почте, в современном мире без этого никуда. Но обе знали, что миссис Сигсби предпочитает пикселям бумагу. В этом проявлялась ее старая закалка. – Сейчас же все принесу.

– И кофе, пожалуйста.

¹⁶ Донки-Конг (досл. пер. Осел Конг) – персонаж из игровой вселенной «Нинтендо», глупая и упрямая горилла.

Миссис Сигсби повернулась к доктору Хендриксу. Такое брюхо при таком росте, надо же. Как врач должен бы понимать, что это опасно – сердечно-сосудистая система работает на износ. Впрочем, никто лучше медиков не умеет закрывать глаза на вопросы собственного здоровья.

Ни миссис Сигсби, ни Хендрикс не имели ТЛП-способностей, однако в тот момент им пришла в голову одна мысль: насколько все было бы проще, если бы их связывала взаимная приязнь, а не наоборот.

Когда они опять остались наедине, миссис Сигсби откинулась на спинку кресла и взглянула на врача.

– Я понимаю, что интеллект господина Эллиса не имеет никакого значения для деятельности Института. С тем же успехом его IQ мог быть семьдесят пять. Но именно из-за выдающихся умственных способностей нам пришлось с ним поторопиться. Он ведь поступил сразу в два престижных университета – Массачусетский технологический и Эмерсона.

Хендрикс заморгал.

– В двенадцать?

– Вот именно. Про убийство родителей и исчезновение их сына расскажут в местных новостях, однако вряд ли история просочится за пределы Городов-Близнецов¹⁷. Ну, Интернет еще пару недель покипит. Хорошо, что он не успел засветиться в Бостоне. Телевизионщики любят таких ребят – особенно разного рода сплетники. А что я всегда говорю, доктор?

– Что в нашем деле отсутствие новостей – хорошая новость.

– Именно. В идеальном мире мы бы отпустили этого мальчика. ТЛК нам пока хватает. – Она постучала пальцем по розовому стикеру на папке. – Судя по метке, НФМ у него не очень высокий. Хотя...

Заканчивать ей не пришлось. Все и так было ясно: добывать определенные виды товаров и сырья становилось все сложнее. Слоновьи бивни. Тигриные шкуры. Рога носорога. Редкие металлы. Даже нефть. Теперь к этому списку добавились особые дети, чьи удивительные способности не имели ничего общего с уровнем IQ. На этой неделе поступают пятеро, включая Диксона. Неплохой улов – но два года назад их могло быть тридцать.

– О, смотрите-ка, – сказала миссис Сигсби. На экране компьютера новый мальчик подходил к самой старшей обитательнице Ближней половины. – Сейчас он познакомится с нашей разумницей Бенсон. Чую, она его обрадует.

– Девчонка до сих пор на Ближней половине, – заметил Хендрикс. – Может, пора сделать ее лицом Института? Пусть встречает дорогих гостей.

Миссис Сигсби одарила его самой ледяной улыбкой из своего арсенала.

– Уж лучше она, чем вы, док.

Хендрикс посмотрел на нее сверху вниз и подумал: *Отсюда мне прекрасно видно, как стремительно редеют твои космы, Сиггерс. А все из-за вялотекущей, но долгоиграющей анорексии. Черепушка у тебя розовая, как глаз кролика-альбиноса.*

Он много чего хотел бы сказать главному администратору Института – гнусной безгрудой тетке с идеально поставленной речью, – однако смолчал. Это было бы неразумно.

9

В шлакоблочный коридор выходило множество дверей, а между ними на стенах висели постеры. На одном постере – под которым сидела юная курильщица – черный мальчик в шутку бодался с белой девчонкой. Оба улыбались, как идиоты. Слоган внизу гласил: «ВЫБИРАЮ СЧАСТЬЕ».

---

¹⁷ Города-Близнецы – Сент-Пол и Миннеаполис.

– Нравится? – спросила незнакомка. При ближайшем рассмотрении сигарета у нее в зубах оказалась жевательной конфетой. – Я бы давно переправила на «ВЫБИРАЮ ГОВНА-СТЬЕ», но, боюсь, у меня отберут ручку. Что-то они готовы простить, а что-то нет – никогда не угадаешь.

– Где я? – спросил Люк. – Что это за место?

Ему хотелось плакать. Наверное, от растерянности.

– Добро пожаловать в Институт, – сказала девочка.

– Мы в Миннеаполисе?

Она засмеялась.

– О нет! И не в Канзасе, Тотошка. Мы в штате Мэн. Причем в самой глуши. Если, конечно, верить Морин...

– Штат Мэн?! – Он помотал головой, как будто его ударили в висок. – Правда, что ли?

– Ага. Как-то ты побелел, белокожий. Присядь-ка, пока не упал.

Одной рукой держась за стену, Люк опустил на пол – скорее шлепнулся, чем сел. Ноги вдруг перестали гнуться.

– Я же дома был... Лег спать, а очнулся здесь. В комнате, которая похожа на мою, но не моя.

– Угу. Шок, да? – Незнакомка порылась в кармане брюк и достала оттуда пачку. На ней был нарисован ковбой, крутящий лассо. «КОНФЕТКИ «СИГАРЕТКИ», – гласила надпись на пачке. – КУРИ КАК ПАПА!» – Хочешь? Может, сахар немного поднимет тебе настроение. Мне всегда поднимает.

Люк взял у нее пачку и откинул крышку. Внутри лежало шесть сигарет с красным кончиком – видимо, так производитель изобразил тлеющий уголек. Люк достал одну и откусил половину. Во рту стало сладко.

– Только не повторяй этот фокус с настоящей сигаретой, – сказала девочка. – Вкус тебя не порадует.

– Я и не знал, что такие штуки до сих пор продаются.

– Такие – точно нет. «Кури как папа»? Да они гонят! Конечно, это какое-то старье. Хотя в столовке еще не то бывает. Даже настоящие сигареты, прикинь? «Лаки страйк», «Честерфилд», «Кэмел», как в старых киношках на канале «Классика кинематографа». Я все хочу попробовать, но за них столько жетонов надо отдать!

– Настоящие сигареты? Детям?!

– А здесь кроме детей никого нет. Да и их немного – по крайней мере, на Ближней половине. Морин сказала, скоро новеньких привезут. Не знаю, откуда у нее инфы.

– Сигареты детям?! Что это за место – Остров Удовольствий? – Впрочем, никакого удовольствия Люк сейчас не испытывал.

Девчонка прыснула.

– Как в «Пиноккио»? Зачет! – Она дала ему «пять». Люку сразу стало немного лучше – он и сам не понял почему. – Тебя как зовут? Нельзя же все время называть тебя «белокожим». Это, типа, расистское оценочное суждение.

– Люк Эллис. А ты кто?

– Калиша Бенсон. – Девчонка подняла указательный палец. – А теперь внимание, Люк. Можешь звать меня Калиша, можешь – просто Ша. Но никогда не зови меня Умницей.

– Почему?

Люк по-прежнему пытался понять, что к чему – и ему это по-прежнему не удавалось. Он съел вторую половину сигареты – ту, что с угольком на конце.

– Потому что так говорят Хендрикс и его сучары-помощники перед тем, как сделать тебе укол или взять очередной анализ. «Сейчас я всажу тебе укол, это больно, но ты будь умницей». «Я возьму у тебя мазок из горла и воткну шпатель так глубоко, что тебя потянет блевать, но

будь умницей – не дергайся». «Мы макнем тебя в бак, а ты будь умницей – удержи дыхание». Вот почему Умницей называть меня нельзя. Ни в коем случае.

Люк почти не обратил внимания на ее слова про анализы – решил подумать об этом позже. Куда больше его заинтересовали «сучары». Конечно, многие его сверстники выражались (да и Люк с Рольфом тоже – когда их никто не слышал), и та рыжая громко выругалась на экзамене. Но чтобы сквернословила его ровесница, *девчонка*, – это что-то новенькое. Похоже, он действительно тепличный ребенок.

Калиша положила руку ему на колено (Люк ощутил какое-то странное покалывание) и посмотрела в глаза.

– Мой тебе совет: всегда будь умницей, как бы хреново тебе ни было, какую бы дрянь они ни совали тебе в горло или в зад. Про бак я ничего не знаю, меня саму ни разу не макали, я только от других слышала. Понимаешь, пока на тебе ставят опыты, ты живешь на Ближней половине. А что происходит на Дальней – я не знаю и знать не хочу. Это что-то вроде ловушки для тараканов – внутрь запросто, а назад уже никак. По крайней мере, сюда эти дети точно не возвращаются.

Люк посмотрел вглубь коридора, откуда пришел. На стенах висели постеры, а еще там были двери, много дверей – штук по восемь с каждой стороны.

– И сколько детей тут живет?

– Пока что пятеро – включая нас с тобой. На Ближней половине никогда не бывает много народу, а сейчас это вообще вымерший город. Дети приходят и уходят.

– Беседуя о Микеланджело, – пробормотал Люк себе под нос¹⁸.

– А?

– Да нет, это я так. Что...

Двойные двери в конце коридора распахнулись, и появилась женщина в коричневом костюме. Она подпирала дверь бедром, пытаясь что-то втащить. Калиша тут же бросилась ей помогать.

– Так, Морин, погоди! Давай-ка мы тебе поможем, родная.

Поскольку она сказала «мы», а не «я», Люк тоже встал и пошел за Калишей. Коричневый костюм оказался чем-то вроде формы, как у горничных в дорогой гостинице (ну ладно, умеренно дорогой – никаких рюшечек и прочего декора на форме не было). Женщина пыталась втащить в коридор тележку для белья. За дверью Люк разглядел просторный зал, что-то вроде комнаты отдыха: там стояли столы со стульями, в окна лился яркий солнечный свет. На стене висел здоровенный телевизор размером с киноэкран. Калиша открыла вторую створку двери, а Люк схватил тележку для белья с надписью «ДАНДАКС» на боку и помог женщине вкатить ее в коридор общежития (судя по всему, это было именно оно). В корзине лежали полотенца и постельное белье.

– Спасибо, сынок, – поблагодарила его женщина.

Она была пожилая, с заметной сединой в волосах, и выглядела усталой. На груди у нее был бейджик с именем «МОРИН». Окинув Люка взглядом, женщина сказала:

– Новенький! Люк, верно?

– Люк Эллис. А откуда вы знаете?

– У меня в обходном листе написано. – Она наполовину достала из кармана юбки сложенный вчетверо листок бумаги, затем спрятала его обратно.

Люк вежливо протянул руку, как его учили.

– Приятно познакомиться.

---

¹⁸ Люк перефразирует строчку из стихотворения Т. С. Элиота «Песнь любви Дж. Альфреда Пруфрока»: «В гостиной разговаривают тети о Микеланджело Буонаротти» (перевод В. Топорова). Если же перевести дословно, строчка выглядит так: «Леди приходят и уходят, беседа о Микеланджело».

Морин показалась ему милой – да, наверное, ему *действительно* было приятно с ней познакомиться, – однако это место его пугало. Он боялся за себя и за родителей. Наверное, мама с папой уже его потеряли. Вряд ли они сразу решили, что он сбежал из дома, но если утром ребенка не оказалось в спальне, что еще можно подумать? Какие тут могут быть варианты? Полиция скоро начнет его искать – или уже ищет. С другой стороны, если Калиша права, искать они будут совсем не там.

Ладонь Морин была сухой и теплой.

– Меня зовут Морин Алворсон. Я тут работаю по хозяйству. И твою комнату тоже буду прибирать.

– Смотри, не свинячь! – строго наказала ему Калиша.

Морин улыбнулась:

– Да ты ж моя радость! По-моему, этот мальчик свинячить не станет – в отличие от Никки. Вот уж кто точно поросенок. Просто Свинуша¹⁹! Он, часом, не у себя? Что-то не заметила его на площадке с Джорджем и Айрис.

– Ты же знаешь Никки, – ответила Калиша. – Его раньше часу дня из кровати не вытаскивать.

– Ладно, тогда начну с других комнат. Но врачи велели ему прийти к часу. Если он до тех пор не встанет, они сами его поднимут. Рада знакомству, Люк. – С этими словами Морин покатила свою тележку дальше по коридору.

– Идем, – сказала Калиша, беря Люка за руку. И тот – несмотря на тревожные мысли о родителях – вновь ощутил странное покалывание.

Она потащила его в комнату отдыха. Люку хотелось как следует все изучить, особенно торговые автоматы (настоящие сигареты! разве такое возможно?!), но, как только за ними закрылись двери, Калиша подошла к нему вплотную и сурово заговорила:

– Не знаю, долго ты тут пробудешь или нет – и долго ли пробуду тут *я*, – однако пока мы оба никуда не исчезли, будь с Морин поласковой, понял? Здесь столько злобных тварей работает, а она – не такая. Она *хорошая*. И у нее проблемы.

– Какие? – спросил Люк (в основном из вежливости – его куда больше интересовала площадка под окнами, на которой он заметил двоих детей примерно его возраста или чуть старше).

– Во-первых, Морин больна, а к врачу не идет, потому что не может *позволить* себе болеть. Получает она около сорока тысяч в год, а счетов ей приходит на восемьдесят, если не больше. Муж набрал долгов и сбежал. И проценты копятся, понимаешь?

– Навар, ага. Так мой папа это называет. Словечко из воровского лексикона. Папа говорит, что все, кто выдает кредиты, – по сути ворюги. Процентные ставки там действительно немаленькие, в его словах есть доля...

– Доля чего? Правды?

– Ну да. – Он оторвал взгляд от ребят за окном – Джорджа и Айрис, судя по всему, – и посмотрел на Калишу. – Она тебе все это рассказала? Ребенку? Видимо, ты умеешь налаживать межличностные отношения.

Калиша сделала удивленное лицо и засмеялась – не просто хихикнула, а прямо загоготала, подбоченившись и запрокинув голову. Почему-то от этого она стала похожа на взрослую.

– Внутриличностные отношения! Ну ты загнул, Люк!

– Не внутри-, а меж-, – поправил он ее. – Если, конечно, ты не общаешься с целой группой лиц. Консультируешь их по вопросам кредитования, например... – Он умолк. – Шутка.

Причем дурацкая. Так мог пошутить только ботаник.

---

¹⁹ Свинуша (Pigpen) – персонаж популярных комиксов «Мелочь пузатая» Чарльза М. Шульца, выходявших со 2 октября 1950 г. по 13 февраля 2000 г.

Калиша оглядела его оценивающе – сверху вниз и снизу вверх. От этого он вновь ощутил приятное покалывание.

– Умный, что ли?

Люк смущенно пожал плечами. Обычно он не выпендривался – как ни крути, это худший способ завоевывать друзей и оказывать влияние на людей²⁰, – но сейчас ему было тревожно, жутко и (проще уж сразу признать) офигеть как страшно. Не думать об этом странном опыте как о похищении становилось все сложнее. В конце концов, вчера он заснул у себя дома, а сегодня очнулся в тысячах миль от него – если верить Калише. Разве родители отпустили бы его черт знает куда по собственной воле? Маловероятно. Как бы там ни было, Люк очень надеялся, что родители не остановили похитителей лишь потому, что крепко спали.

– Прямо-таки суперум, я бы сказала. ТЛП или ТЛК? По-моему, ТЛК.

– Вообще не понимаю, о чем речь.

А может, понимает? Люк вспомнил, как в буфете иногда звенели тарелки, как дверь в его комнату открывалась и закрывалась сама по себе, а на днях в «Рокет-пицце» дрожал поднос. Да, и еще урна сдвинулась, когда он сдавал экзамены.

– ТЛП – телепатия. ТЛК...

– Телекинез.

Калиша улыбнулась и показала на него пальцем.

– Говорю ж, умный! Да, телекинез. Способности могут быть к чему-то одному. Все сразу никому не достается – по крайней мере, так говорят лаборанты. Я, например, – ТЛП. – Тут она слегка приосанилась.

– Ты читаешь мысли, – сказал Люк. – Ага. Как нефиг делать.

– Откуда, по-твоему, я в курсе про Морин? Она бы тут никому про свои беды говорить не стала, не такой она человек. И подробностей я не знаю – все только в общих чертах. – Калиша задумалась. – Еще там было что-то про ребенка. Младенца. Странно: однажды я ее спросила, есть ли у нее дети, и она ответила, что нет. – Калиша пожал плечами. – Я всегда умела читать мысли – не постоянно, но иногда получается. Это не какая-нибудь супергеройская способность. Иначе бы я уже давно отсюда сбежала.

– Ты серьезно?

– Да, и вот тебе первое испытание. Впереди таких уйма. Я загадала число от одного до пятидесяти. Угадаешь, какое?

– Понятия не имею.

– Правда? Не врешь?

– Не вру, честное слово. – Люк подошел к двери в дальнем конце комнаты. Мальчик на улице бросал мяч в корзину, а девочка прыгала на батуте – сложных трюков не выделяла, просто скакала, падала в положении сидя и изредка вращалась вокруг своей оси. Вид у обоих детей был скучающий: они явно не веселились, а коротали время. – Это Джордж и Айрис?

– Ага. – Калиша подошла к нему. – Джордж Айлз и Айрис Стэнхоуп. Оба ТЛК. ТЛП встречаются реже. Слушай, умник, а так вообще говорят – реже?

– Да. Но я бы говорил «более редко», а то «реже» звучит так, будто кого-то режут.

Она задумалась на секунду, потом рассмеялась и снова показала на него пальцем:

– Зачет!

– А можно нам выйти на улицу?

– Конечно. Дверь на площадку всегда открыта. Много времени там не проведешь – мошки живьем сожрут. В ванной висит аптечка, есть репеллент. Обязательно намажься, причем жирным слоем. Морин говорит, что их станет поменьше, когда выведутся стрекозы, но я пока ни одной не видела.

²⁰ «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей» – знаменитая книга Дейла Карнеги.

– Как тебе эти ребята?

– Джордж и Айрис? Ничего, нормальные. Мы не особо успели подружиться. С Джорджем я знакома всего неделю, Айрис привезли... ну, дней десять назад, где-то так. Ник здесь дольше всех – после меня. Ник Уилхолм. Ты, главное, не думай, что заведешь тут дружбу на века, умник. Как я уже говорила, у нас текучка – дети приходят и уходят. Однако на моей памяти никто из них не разговаривал про Микеланджело.

– Давно ты здесь, Калиша?

– Почти месяц. Старожил, ага.

– Тогда, может, расскажешь, что здесь происходит? – Он кивнул на улицу, на детей. – Или они мне расскажут?

– Мы тебе расскажем все, что знаем и что нам говорят зрители с лаборантами. Но есть у меня подозрение, что все это вранье. И Джордж так же думает. Ну, а Айрис... – Девочка рассмеялась. – Она типа как агент Малдер из «Секретных материалов». *Хочет* верить.

– Верить во что?

Калиша посмотрела на него умудренным и печальным взглядом, отчего опять стала похожа на взрослую.

– Ну, что все это – вынужденное лирическое отступление от основного курса ее жизни, и в конце концов все будет хорошо, как в «Скуби-Ду».

– Где твои родители? Как ты сюда попала?

Калиша снова превратилась в ребенка.

– Не готова сейчас об этом говорить.

– Ладно. – Пожалуй, он тоже не готов. Пока.

– Когда познакомишься с Никки, не удивляйся, если он начнет выступать. Он так, типа, пар выпускает. Иногда его треп даже... – она на секунду задумалась, – забавный.

– Как скажешь. Можно попросить тебя об одолжении?

– Попросить всегда можно.

– Перестань называть меня умником. У меня есть имя – Люк. Так и говори, хорошо?

– Заметано.

Он потянулся к дверной ручке, но Калиша положила руку ему на запястье.

– Да, и еще кое-что. Повернись, Люк.

Он развернулся. Калиша была где-то на дюйм выше его. Люк даже не подозревал, что она его поцелует, пока она это не сделала. Смачно, враскоряк. На сей раз Люк ощутил не просто поцелуй, его как следует потрянуло, будто он сунул палец в розетку. То был первый поцелуй в его жизни – и надо же, сразу враскоряк! Вот Рольф обзавидует, подумал Люк (хотя думать в такой ситуации получалось плохо).

Калиша с довольным видом отстранилась.

– Губу не раскатывай, я в тебя не втюрилась. Любовь тут ни при чем. Даже не знаю, можно ли назвать это добрым делом... хотя, наверное, можно. Когда я только сюда попала, меня поместили в карантин. А тем, кто в карантине, уколы для прикола не положены.

Она кивнула на постер, что висел возле торгового автомата с конфетами. На нем был изображен мальчик, радостно показывающий пальцем на россыпь цветных точек на белой стене. Рядом стоял улыбчивый доктор (белый халат, стетоскоп на шее). Надпись в верхней части постера гласила: «ПРИКОЛИСЬ – УКОЛИСЬ!» – а внизу: «ЧЕМ БЫСТРЕЕ ТЫ УВИДИШЬ ТОЧКИ, ТЕМ БЫСТРЕЕ ВЕРНЕШЬСЯ ДОМОЙ!»

– Как это понимать?!

– Пока не важно. Предки у меня были антипрививочники, и через два дня после прибытия на Ближнюю половину я свалилась с ветрянкой. Кашель, температура, жуткие красные волдыри – с ног до головы обсыпало. Теперь-то я здорова, раз надо мной снова ставят опыты и разрешают мне выходить из комнаты... Но вдруг я еще немножко заразная? Если повезет,

ты заразишься ветрянкой и пару недель будешь сок попивать да телик зырить – вместо уколов и МРТ.

Девочка на площадке заметила их и помахала. Калиша помахала в ответ и тут же – не дав Люку и слова вымолвить – толкнула дверь.

– Ну, идем. Сотри с лица офигевшее выражение и вперед – знакомиться с Факерами.

Приколись – уколись!

1

Выйдя за дверь помещения, которое служило столовой и комнатой отдыха, Калиша обняла Люка за плечи и притянула его к себе. Он сначала подумал – даже понадеялся, – что она снова хочет его поцеловать, но вместо этого она зашептала ему на ухо (от прикосновения ее губ по всему телу побежали мурашки):

– Говори что хочешь, только про Морин молчок, ясно? Мы думаем, что они изредка нас подслушивают, лучше соблюдать осторожность. Еще не хватало, чтобы у нее из-за нас были неприятности.

Кто такая Морин – уже понятно, она тут вроде горничной. А кто такие «они»? Люк никогда не чувствовал себя так одиноко, даже когда в четырехлетнем возрасте потерялся в «Американском молле» и на целых пятнадцать минут остался один.

Тем временем – как и предупреждала Калиша – его нашли мошки. Мелкие и черные, они облаком роились над его головой.

Большая часть площадки была засыпана гравийной крошкой. Зона вокруг баскетбольного кольца, где все еще бросал мяч мальчик по имени Джордж, имела резиновое покрытие, а на земле рядом с батутом – на случай если кто-нибудь с него свалится – лежали какие-то губчатые маты. Еще там были корты для шаффлборда и для бадминтона, небольшой веревочный парк и несколько разноцветных цилиндров, которые соединялись в одну длинную трубу для малышей – впрочем, ползать по ней сейчас было некому. Также на площадке обнаружались качели, балансир и горка. По бокам длинного зеленого шкафа с надписями «ИГРЫ И ОБОРУДОВАНИЕ» и «ПОЖАЛУЙСТА, ПОСЛЕ ИГРЫ ВЕРНИТЕ ВСЕ НА МЕСТО» стояли столики для пикника.

Площадка была огорожена забором из сетки-рабицы не меньше десяти футов в высоту; в двух углах Люк заметил камеры – их давно не чистили, и они изрядно запылились. За забором рос густой лес, по большей части сосновый. Судя по толщине стволов, соснам было лет восемьдесят (несложную формулу для определения возраста деревьев Люк вычитал года два назад в книжке «Деревья Северной Америки»: нет никакой нужды считать годовые кольца, достаточно лишь измерить длину окружности ствола, разделить ее на число «пи» и таким образом вычислить диаметр, а уже его умножить на средний коэффициент прироста для североамериканских сосен, равный 4,5). Проще простого. Методом простой дедукции Люк пришел к выводу, что лесозаготовки в этих краях не велись довольно давно, на протяжении примерно двух поколений. А значит, загадочный Институт находился посреди старого леса, то есть черт знает где. Что же до детской площадки, она очень напоминала тюремный двор для детей от шести до шестнадцати.

Девочка – Айрис – увидела их и снова помахала. Дважды подскочила на батуте (убранные в хвост волосы задорно прыгали в воздухе), а затем, слегка согнув ноги в коленях, слетела прямо на маты внизу.

– Привет, Ша! Кто это с тобой?

– Люк Эллис, – ответила Калиша. – Новенький, сегодня утром поступил.

– Привет, Люк. – Айрис протянула ему руку. Она была худой, на пару дюймов выше Калиши, и очень хорошенькой. На щеках и лбу блестел пот (и, наверное, репеллент). – Айрис Стэнхоуп.

Люк пожал ей руку, чувствуя, как его уже начали пробовать на вкус насекомые (мошкатня – так их называли в Миннесоте).

– Я, конечно, не рад, что тут оказался, но рад с тобой познакомиться. Наверное.

– Я из Абилина, штат Техас. А ты?

– Из Миннеаполиса. Это в...

– Знаю, знаю. Край тысячи озер или типа того, да?

– Джордж! – заорала Калиша. – Где твои манеры, молодой человек? А ну гребни сюда!

– Да, да, сейчас. Одно важное дело закончу. – Джордж встал на линию штрафного броска, прижал к груди баскетбольный мяч и заговорил низким, напряженным голосом: – Итак, дамы и господа, идет второй овертайм седьмого матча очень непростой серии, последние секунды. «Уизардс» уступают команде «Селтикс» одно очко. Джордж Айлз, только что вышедший со скамейки, встает на линию штрафных. Если он забьет один из двух, снова будет ничья, и игра продолжится. Забьет оба – «Уизардс» победят, Айлз войдет в историю, и его портрет повесят в Зале славы баскетбола. Вероятно, он выиграет кабриолет «Тесла»...

– Кабриолет? Сделанный по спецзаказу, не иначе. «Тесла» пока не производит кабриолеты.

Джордж пропустил слова Люка мимо ушей.

– Никто не ожидал, что Айлз окажется в таком положении, – и меньше всех сам Айлз. Зловещая тишина опустилась на стадион «Кэпитал уан арена»...

– И тут кто-то как перданет! – заорала Айрис, высунула язык и изобразила губами громкий, непристойный звук. – На весь стадион! Вонь жуткая!

– Айлз делает глубокий вдох... дважды ударяет мячом в пол – это его фишка...

– Джордж не только болтун, он еще и ведет очень активную вымышленную жизнь, – сообщила Айрис Люку. – Привыкай.

Джордж покосился на них.

– Айлз бросает злобный взгляд на одинокую фанатку «Селтикс», дразнящую его с центральной трибуны, – лицо у нее тупое и на редкость безобразное...

Айрис снова «перднула».

– Итак, Айлз поворачивается к корзине... Бросок!..

Мимо.

– Господи, Джордж! – воскликнула Калиша. – Это было ужасно. Давай, закругляйся – проигрывай или пусть уже будет ничья. Надо поговорить. Новенький еще не знает, куда попал.

– А мы будто знаем, – буркнула Айрис.

Джордж согнул ноги в коленях и снова бросил мяч. Тот покатался по ободку, подумал... и свалился в сторону.

– Победа «Селтикс»! Победа «Селтикс»! – завопила Айрис, сделала чирлидерский прыжок и потрясла в воздухе невидимыми помпонами. – Ну все, иди знакомиться с новеньким.

Джордж подошел, отмахиваясь от мошкары, – приземистый, крепкого телосложения. Люк подумал, что профессиональным баскетболистом он может стать только в своих фантазиях. Увидев его бледно-голубые глаза, Люк сразу вспомнил фильмы с Полом Ньюманом и Стивом Маккуином, которые они с Рольфом смотрели по каналу Ти-си-эм. От одной мысли о том, как они валялись на диване перед телевизором и лопали попкорн, ему стало нехорошо.

– Здрóрово! Тебя как звать?

– Люк Эллис.

– А я Джордж Айлз. Девчонки тебе уже все рассказали, наверное. Они думают, я – бог.

Калиша стиснула руками голову, будто та нестерпимо заболела. Айрис оттопырила средний палец.

– Бог *любви*.

– Только Адонис, а не Купидон, – вставил Люк, пытаясь влиться в разговор. – Адонис – бог плодородия и красоты.

– Как скажешь... Ну, что думаешь об этом славном местечке? Жуть, да?

– А где мы, можете объяснить? Калиша называет это место Институтом...

– Еще можно называть его «Приютом миссис Сигсби для детей с паранормальными способностями», – добавила Айрис и сплюнула на землю.

Люку показалось, что он вошел в кинозал посреди сеанса. Точнее, что ему включили третий сезон сериала с запутанным сюжетом.

– Кто такая миссис Сигсби?

– Здешняя хозяйка, та еще сучильда. Скоро вы познакомитесь, и мой тебе совет: не дерзи ей. Дерзких она не любит.

– Ты ТЛП или ТЛК? – спросила Айрис.

– ТЛК, полагаю. – Хотя чего тут полагать, все же ясно. – Вокруг меня иногда двигаются предметы. Сами собой. Поскольку я не верю в полтергейст, видимо, это я их двигаю – силой мысли, типа. Но не могли же меня из-за такого пустяка...

Не могли же меня из-за такого пустяка сюда поместить, подумал Люк. Однако поместили.

– ТЛК-положительный? – уточнил Джордж, направляясь к одному из столиков.

Люк пошел следом, а за ним и девочки. Он мог рассчитать примерный возраст деревьев вокруг, перечислить сотню названий разных бактерий, прочесть лекцию о творчестве Хемингуэя, Фолкнера и Вольтера, но что толку? Никогда в жизни Люк не был настолько не в теме.

– Еще бы понимать, что это значит.

Калиша пояснила:

– Положительными *они* – зрители, лаборанты и доктора – называют детей вроде меня и Джорджа. Вообще-то нам не положено это знать...

– Но мы знаем, – закончила за нее Айрис. – Это ни для кого не секрет. ТЛК- и ТЛП-положительные могут пользоваться своим даром, когда захотят – по собственной воле. А остальные не могут. Например, предметы начинают двигаться вокруг меня, только если я злюсь, или очень рада, или просто напугана. Это происходит само собой, без моего ведома. Как чихание. Так что у меня средние способности. Детей со средними способностями называют «розовыми».

– Почему? – спросил Люк.

– Потому что им на документы в папочке наклеивают розовый стикер. Вообще-то подопечным не положено видеть содержимое папки, но я однажды заглянула в свою. Они иногда допускают небрежность...

– Ага. За их небрежность тебе же и прилетит. Советую не искать приключений на задницу, – вставила Калиша.

– Розовые чаще проходят испытания. И уколов им достается больше. Меня один раз макали. Стремно, конечно, но могло быть и хуже.

– Что значит мака...

Джордж его перебил:

– Я вот ТЛК-положительный, у меня в папке нет никаких розовых кружков. Этому парню розовое не наливать.

– Ты тоже видел свою папку? – спросил Люк.

– А мне не надо ее видеть, я суперкрут. Зацени.

Джордж даже не стал делать сосредоточенное лицо, как у йога, однако случилось удивительное (точнее, Люка это поразило, а вот девочек – нисколько): облако мошкатни над головой Джорджа вдруг отлетело назад и стало похоже на хвост кометы. Их будто сдувало ветром, хотя никакого ветра не было и в помине.

– Видишь? ТЛК-положительный в действии. Жаль, ненадолго.

Мошкатня уже вернулась на место и не кусала парня только потому, что от него за милю несло репеллентом.

– А когда ты бросал мяч во второй раз, – сказал Люк, – разве ты не мог заставить его упасть в корзину?

Джордж с сожалением помотал головой.

– Вот бы нам сюда ТЛК-положительного с мощным даром! – сказала Айрис. От ее бывшего подъема не осталось и следа: выглядела она утомленно и намного старше своих лет (Люк решил, что ей около пятнадцати). – Он бы взял и всех нас отсюда телепортировал! – Она села за стол и прикрыла глаза рукой.

Калиша под села рядом.

– Да ладно тебе, брось. Все будет хорошо.

– Не будет! Посмотри: меня всю истыкали, как игольницу! – Айрис показала ей руки: на левой было два пластыря, на правой – три. Затем она быстро смахнула слезы и сделала, по-видимому, деловое лицо. – А ты, случайно, не умеешь двигать предметы силой мысли, новенький?

Люк ни с кем и никогда не обсуждал управление материей силой мысли (этот феномен еще называли психокинезом), кроме родителей. Мама сказала, что люди могут испугаться и лучше никому про такое не рассказывать. А папа заявил, что это отнюдь не самое важное его умение и ценить его будут за другое. Люк, в общем-то, разделял их взгляды, только вот эти ребята явно ничего не боялись. В Институте детей ценили именно за такие умения.

– Нет. Я даже ушами шевелить не могу.

Все посмеялись, и Люка немного отпустило. Место было странное и страшное, зато народ нормальный...

– Просто вокруг меня иногда двигаются предметы, вот и все. Обычно это посуда или столовые приборы. Ну, дверь еще иногда сама захлопнется... Пару раз перевернулась настольная лампа. В общем, мелочь всякая. Я ведь толком и не знаю – может, виноват сквозняк или подземные толчки какие-нибудь...

Все дружно посмотрели на него как на дурака.

– Ладно, ладно. Знал я. И родители знали. Просто не обращали внимания на такую ерунду.

Может, они бы и обратили – если бы не его феноменальный ум. Двенадцатилетка поступил сразу в два университета! Допустим, семилетка играет на фортепиано, как Ван Клиберн, – разве кому-то будет дело, что он умеет показывать карточные фокусы? Или ушами шевелить? Но сказать так Джорджу, Айрис и Калише было нельзя. Они бы решили, что он выпендривается.

– Ты прав, это и есть ерунда! – воинственно заявила Калиша. – И нас из-за такой ерунды сунули сюда, будто мы люди Икс какие-нибудь. Или Лига справедливости.

– Нас похитили? – Вот бы сейчас все рассмеялись. Вот бы сказали хором: *Ты чего?!*

– Угу, типа того, – хмыкнул Джордж.

– Из-за таких пустяков? Потому что ты можешь на пару секунд разогнать мошкарку? Потому что... – Люк вспомнил, как в «Рокет-пицце» свалился на пол алюминиевый поднос. – Потому что за мной иногда сами собой закрываются двери?

– Ну, если бы людей помещали в Институт за красоту, Калиши и Айрис тут бы не было.

– Дубина, – бросила Калиша.

Джордж только улыбнулся.

– Какой изящный ответ! Примерно из той же оперы, что и «укуси мою пипиську».

– Иногда мне хочется, чтобы тебя скорей отправили на Дальнюю половину, – сказала Айрис. – Боженька меня накажет, но...

– Погодите, – перебил ее Люк. – Стоп, стоп. Давайте сначала.

– А это и есть начало, чувак, – произнес голос за его спиной. – Увы, скорее всего это же и конец.

2

Люк решил, что вновь прибывшему парню лет шестнадцать; позже он узнал, что разница в возрасте у них всего два года. Никки Уилхолм был высокий и голубоглазый, с копной нечесанных иссиня-черных волос, которые не мешало бы хорошенько отмыть – двойной порцией шампуня. Мятая рубашка, мятые шорты, полуспущенные спортивные белые носки и грязные кеды. Люк вспомнил, как Морин назвала этого мальчика Свинушей из комикса «Мелочь пузатая».

Остальные смотрели на него настороженно и вместе с тем уважительно. Люк сразу понял почему. Калиша, Айрис и Джордж были не рады, что очутились тут, однако старались не унывать. Да, Айрис в какой-то момент дала слабину, но в целом все они дурашливо делали вид, что мужественно переносят несчастья. Этот парень держался иначе. Сейчас Никки не выглядел воинственным или озлобленным, но он явно с кем-то подрался, причем недавно: на его распухшей нижней губе заживала трещина, под глазом виднелась тень от фингала, на скуле красовался свежий кровоподтек.

Драчун, стало быть. Люку доводилось таких видеть – парочка подобных типов нашлась даже в Бродерике. Люк с Рольфом держались от них подальше, но здесь, в тюрьме (он начал подозревать, что это именно тюрьма), он вряд ли сможет держаться подальше от Никки Уилхолма. Впрочем, остальные ребята его не боялись – добрый знак. Возможно, Никки обозлился на Институт (какие бы цели ни преследовала организация со столь безликим именем), а с остальными «заключенными» он был просто напряжен. Сосредоточен. Однако следы побоев на его лице наводили на неприятные мысли. Неужели это дело рук взрослых? Если бы такое сделал учитель – любой школы, не только Бродерика, – его бы моментально уволили и засудили.

Люку вспомнились слова Калиши: *Ты уже не в Канзасе, Тотошка.*

– Привет, я Люк Эллис. – Не зная, чего ждать, он протянул руку Нику.

Проигнорировав ее, тот подошел к зеленому шкафчику.

– В шахматы играешь, Эллис? Эти трое вообще не умеют. Донна Гибсон хоть как-то играла, но три дня назад ее отправили на Дальнюю половину.

– И больше мы ее не увидим, – скорбно произнес Джордж.

– Играю, – ответил Люк на вопрос Никки. – Только сейчас не в настроении. Хочу сперва разобраться, что тут к чему.

Ник достал из шкафа шахматную доску и коробку с фигурами. Стремительно расставил фигуры, глядя на них сквозь отросшую челку.

– Ты в Институте. Где-то в штате Мэн, в самой его глуши – рядом даже города нет. Есть только координаты: сто десятый сектор. Ша прочитала их в мыслях сотрудников, и Донна тоже. И еще Пит Литлджон, ТЛП, – он ушел на Дальнюю половину.

– Кажется, что Пити нет уже целую вечность, хотя прошла всего неделя... – с тоской проговорила Калиша. – Помнишь его прыщи? И как у него очки вечно сползали на нос?

Никки пропустил ее слова мимо ушей.

– Смотрители здешнего зоопарка даже не пытаются это скрывать или отрицать. Какой смысл? Здесь половина детей ТЛП! А все тайное и так останется тайным. Калиша глубоко копать не умеет, хотя она – одна из лучших.

– Стабильно отгадываю девяносто процентов колоды зенеровских карт, – сказала Калиша. Без хвастовства, просто констатируя факт. – И имя твоей бабушки смогу отгадать, если ты о нем подумаешь – выставишь его на передний план. Дальше мне не пройти.

Мою бабушку зовут Ребекка, подумал Люк.

– Ребекка, – произнесла Калиша. Увидев изумленное лицо Люка, она безудержно захихикала и вновь стала похожа на ребенка.

– Ты играешь белыми, – заявил Никки. – Я всегда черными.

– Ник у нас вне закона, – заметил Джордж.

– И в доказательство предъявит следы побоев, – добавила Калиша. – От драк ему никакой пользы, но он, похоже, ничего не может с собой поделывать. И в комнате у него свинарник. Очередное бесполезное проявление детской мятежной души... а Морин от тебя лишние хлопоты!

Никки повернулся к чернокожей девочке и без намека на улыбку заметил:

– Будь Морин такой святой, как ты думаешь, она бы уже давно нас отсюда вытащила.

Или копов бы свистнула.

Калиша помотала головой:

– Спустись на землю! Если ты здесь работаешь, ты – часть системы. И не важно, хороший ты или плохой.

– Добрый или злой, – мрачно добавил Джордж.

– К тому же местная полиция – шайка дебилов и взяточников. И до ближайшего участка много миль, – сказала Айрис. – Ну, раз уж ты заделался Главным Объясняльщиком, Ник, почему бы тебе не ввести новенького в курс дела? Или забыл, как это жутко – просыпаться в комнате, которая один в один похожа на твою?

Ник откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди. Люк заметил, какими глазами на него смотрит Калиша, и невольно подумал: вот уж кого она бы точно поцеловала не затем, чтобы заразить ветрянкой.

– Ладно, Эллис, расскажу тебе, что нам известно. Точнее, якобы известно. Много времени это не займет. Девчонки, если хотите – присоединяйтесь. А ты, Джордж, держи рот на замке, если почувствуешь приближение словесного поноса.

– Ну, спасибо, – ответил Джордж. – И это после того, как я разрешил тебе покататься на моем «порше»!

– Калиша пробыла здесь дольше всех – из-за ветрянки, – сказал Ник. – Сколько детей прошло через Ближнюю половину за это время?

Та задумалась.

– Около двадцати пяти. Или чуть больше.

Никки кивнул.

– Их – нас – свозят сюда со всех уголков страны. Ша, например, из Огайо, Айрис из Техаса, Джордж из Дыртауна, штат Монтана...

– А вот и нет, я из Биллингса, – встрял Джордж. – Приличный город, между прочим.

– Во-первых, нас тут чипируют, как перелетных птиц или скот какой-то... – Никки убрал волосы назад и отогнул мочку уха, продемонстрировав металлический кружок в два раза меньше десятицентовой монеты. – А еще нас осматривают, ставят над нами опыты, обкалывают какой-то дрянью, снова осматривают и снова ставят опыты... Розовым достается больше уколов и опытов, если что.

– Меня даже макали один раз, – добавила Айрис.

– Молодец, возьми с полки пирожок, – сказал ей Ник. – Положительных заставляют выделять всякие дебилные фокусы, как дрессированных собачек. Я и сам положительный, кстати. Но болтун Джордж покруче будет. И еще тут был один мальчик, все имя забываю, – он даже круче Джорджа.

– Бобби Вашингтон, – кивнула Калиша. – Черный паренек, мелкий совсем – лет девяти. Ему скинуть тарелку со стола – раз плюнуть. Забрали его... когда, Никки? Пару недель назад?

– Поменьше, – ответил Ник. – Уже при мне.

– За ужином еще с нами сидел, – сказала Калиша, – а утром отправился на Дальнюю половину. Оп – и нет его! Я, наверное, следующая... Надоело им опыты надо мной ставить.

– Такая же фигня, – мрачно проговорил Никки. – Им, небось, не терпится от меня избавиться.

– «Небось» можно вычеркнуть, – вставил Джордж.

– Нам делают уколы, – сказала Айрис. – Иногда это больно, иногда нет, иногда от них плохо, иногда нет. У меня однажды поднялась температура, и голова раскалывалась. Я решила, что заразилась ветрянкой от Калиши, а на следующий день все как рукой сняло. Колоть будут, пока ты не увидишь точки и не услышишь гул.

– Ты еще легко отделалась, – сказала Калиша. – У двоих ребят... одного звали Морти... фамилию забыла...

– Ага, в носу еще ковырялся, – подхватила Айрис. – И с Бобби Вашингтоном дружил. Тоже не помню фамилию. Я здесь всего пару дней была, когда его отправили на Дальнюю половину.

– Или не отправили, – пожала плечами Калиша. – Он тут совсем недолго пробыл: после укола у него какие-то прыщи полезли по телу. Он мне сам признался – в столовой. И еще что сердце у него колотится как ненормальное. Может, ему плохо стало... – Она на секунду умолкла. – Может, он вообще умер.

Джордж вытаращил глаза.

– Ничего не имею против цинизма и подростковой тревоги, только не говори, что ты и правда так думаешь.

– Да я сама не рада! – заявила Калиша.

– Так, все заткнулись, – осадил их Ник и, склонившись над шахматной доской, посмотрел Люку прямо в глаза. – Да, нас похитили. Да, потому что у нас есть экстрасенсорные способности. Как они нас находят? Не знаю. Но тут все серьезно и по-крупному. Черт, здесь огромная территория – свои доктора, лаборанты и эти... зрителями себя называют. Короче, целая больница посреди леса.

– Да еще под охраной, – добавила Калиша.

– Ага. За безопасность отвечает лысый верзила по фамилии Стэкхаус.

– Бред какой-то... – пробормотал Люк. – В Америке?!

– А здесь не Америка, здесь – Королевство Института. Когда пойдем в столовку обедать, выгляни в окошко, Эллис. Там сплошь деревья, а за деревьями, если приглядеться, видно еще одно здание – из серого шлакоблока, как наше. Типа, с лесом сливается. Короче, это – Дальняя половина. Туда отправляют детей, над которыми провели все опыты.

– И что с ними делают?

Ответила Калиша:

– Мы не знаем.

Люк чуть было не спросил, неужели Морин не в курсе, но вовремя вспомнил, как Калиша прошептала ему на ухо: *Нас подслушивают.*

– Известно только то, что они сами нам говорят, – сказала Айрис. – А говорят они...

– Что все будет *Пр-р-росто отлич-ч-чно!*

Никки проорал это так громко и так неожиданно, что Люк вздрогнул и едва не свалился со скамейки. Черноволосый парень встал и с вызовом уставился в пыльный объектив одной из камер. Люк вспомнил еще одно предупреждение Калиши: *Когда познакомишься с Никки, не удивляйся, если он начнет выступать. Он так, типа, пар выпускает.*

– Они похожи на миссионеров, впаривающих сказочки про Иисуса индейцам, которые донельзя...

– Наивны? – предложил Люк.

– Да! В точку! – Никки все еще пялился в камеру. – Индейцы так наивны, что готовы поверить *во что угодно*: типа, если они отдадут свои земли за горсть бусин и пару вшивых

одеял, то отправятся в рай, встретят там свою покойную родню и будут опупенно счастливы! Вот и мы, как индейцы, верим в их сладкие речи про гребаный *ХЕППИ-ЭНД, МАТЬ ВАШУ!*

Он резко повернулся к ребятам: глаза горят, волосы взлет, руки сжаты в кулаки. Люк заметил заживающие ссадины на его костяшках. Вряд ли Нику удалось всыпать обидчикам так же, как всыпали ему – все же они взрослые, а он ребенок, – но кому-то он *точно* всыпал.

– Уж конечно, когда Бобби Вашингтона уводили на Дальнюю половину, он свято верил, что его злоключениям пришел конец. И Пит Литлджон тоже! Господи, ну какие дураки. Кабы мозги были порохом, им бы носа было не высморкать.

Ник снова повернулся к пыльной камере наверху. Тот факт, что все его обличительные речи были обращены к бездушной технике, делал их немного нелепыми, однако Люк все равно восхитился. Вот уж кто точно не смирился со своим положением!

– Эй вы, слушайте сюда! Можете бить меня сколько влезет, можете увести меня на Дальнюю половину, но я буду бороться за свою жизнь до последнего! *Ник Уилхолм не продается за бусы и вишвые одеяла!*

Он сел, тяжело дыша, затем улыбнулся – на щеках сразу образовались ямочки, глаза потеплели. От мрачного и тревожного типа, каким Ник казался минуту назад, не осталось и следа. Люку парни вообще-то не нравились, но при виде этой улыбки он понял, почему Калиша и Айрис смотрят на Ника с таким обожанием. Как на солиста бой-бенда.

– Во мне явно умирает сотрудник Института. Я мог бы впаривать вам всякую хрень покруче Сигсби, Хендрикса и прочих докторов, вместе взятых. У меня есть дар *убеждения*.

– Да уж, – кивнул Люк. – Хотя я немного потерял нить, если честно.

– Да, что-то ты заговариваешься, Никки, – сказал Джордж.

Тот снова скрестил руки на груди.

– Значит, так, новенький. Прежде чем я тебя разделаю в шахматы, позволь-ка еще раз обрисовать ситуацию. Нас сюда привозят, ставят над нами опыты, обкалывают какой-то дрянью, потом опять ставят опыты. Некоторых детей макают и всех без исключения заставляют проходить странный тест на зрение, от которого становится очень хреново: еще чуть-чуть, и грохнешься в обморок. Мы живем в комнатах, которые почти не отличить от тех, что были у нас дома – видимо, это должно как-то... ну, не знаю, успокаивать наши нежные нервы.

– Психологическая акклиматизация, – сказал Люк. – Наверное, это разумно.

– Кормят тут неплохо. Еду заказываешь по меню, пусть и не слишком богатому. Комнаты не запирают: если ночью не спится, можно выйти и перекусить. В столовой всегда есть печенье, орехи, яблоки, все такое. Или можно сходить в буфет. Автоматы принимают жетоны, но лично у меня жетонов нет. Их выдают только паинькам, а я не паинька. Если спросишь меня, что нужно делать с бойскаутом, я отвечу: приложить его башкой об пол...

– Опять загоняешься, – сказала Калиша. – Хватит, ладно?

– Ладно. – Никки одарил ее своей убийственной улыбкой и вновь переключился на Люка. – Вообще тут выгодно быть паиньками: в буфете куча всяких вкусностей и газировок, выбор огромный.

– «Крекер Джекс», – мечтательно проговорил Джордж. – «Хо-хос».

– Еще там продают сигареты и алкоголь, даже крепкий.

Айрис:

– На одной табличке написано: «ЕСЛИ ПЬЕШЬ – ЗНАЙ МЕРУ». Представляешь, даже десятилетка может нажать кнопку и получить «Голубые Гавайи» фирмы «Бунс фарм» или «Жесткий лимонад от Майка»! Зашибись, скажи?

– Да вы прикалываетесь, – усомнился Люк, но Калиша и Джордж усердно закивали.

– Ты реально можешь прибухнуть. Конечно, не напиться в хлам – слишком много нужно жетонов, – пояснил Никки.

– Это правда. Хотя некоторые тут практически не просыхают.

– То есть они алкоголики? Дети-алкоголики?! – Люк по-прежнему не верил своим ушам. – Да ну вас!

– Вот-вот. Есть такие ребята, которые на что угодно готовы ради бухла. Лишь бы их каждый день пускали к автомату с алкоголем. Я тут не очень давно и не успел провести исследование, но старожилы всякое повидали...

– И еще, – добавила Айрис. – Многие реально курят.

Люк решил, что смысл в этом есть. Римский поэт-сатирик Ювенал говорил, что люди хотят только хлеба и зрелищ – тогда они счастливы и их легко держать в узде. Наверное, про сигареты и алкоголь можно сказать то же самое, особенно если предлагать их перепуганным детям, внезапно оказавшимся взаперти.

– А разве это не влияет на результаты тестов?

– Мы же не знаем, в чем их суть, – ответил Джордж. – От нас только хотят, чтобы мы увидели точки и услышали гул.

– Какие точки? Какой гул?

– Скоро поймешь. Это еще не самое ужасное... Самое ужасное – это стимуляция. Уколы. Терпеть их не могу!

Никки добавил:

– Три недели – столько времени в среднем проводят на Ближней половине. По крайней мере, так думает Ша, а она тут дольше всех. Затем детей отправляют на Дальнюю половину. Ну а после нам якобы стирают память. – Он воздел руки к небу и растопырил пальцы. – И тогда вы, дети мои, попадаете прямо в рай! Чистые и непорочные, пусть и с никотиновой зависимостью. Аллилуйя!

– Он имеет в виду, что нас отправляют домой, к родителям, – пояснила Айрис.

– Где нас, конечно же, встречают с распростертыми объятьями, – кивнул Никки. – Вопросы никто не задает, просто все радуются как ненормальные и идут отмечать это событие в развлекательный центр «Чак И. Чиз». Что скажешь, Эллис? Правдоподобно?

Нет, это было неправдоподобно.

– Но ведь наши родители живы, да? – Люк и сам услышал, как жалобно это прозвучало.

Никто не ответил, все только молча на него посмотрели. Ответ напрашивался сам собой.

3

В дверь кабинета миссис Сигсби постучали. Не отрываясь от монитора компьютера, она впустила посетителя. Вошел мужчина ростом почти с Хендрикса, лет на десять младше и в прекрасной форме: широкоплечий и мускулистый. У него был блестящий гладковыбритый череп; закатанные рукава голубой рубашки обнажали накачанные бицепсы. На бедре висела кобура, из которой торчал короткий металлический стержень.

– Прибыла Рубиновая команда – на случай если вы хотели обсудить с ними операцию по захвату Эллиса.

– Что-то срочное? Есть что обсудить, Тревор?

– Не особо, мэм. Если помешал, могу зайти позже.

– Нет, все нормально, только дайте мне минуту: наши подопечные вводят новенького в курс дела. Взгляните-ка. Очень любопытно послушать эту смесь из мифов и личных наблюдений – получилось прямо как в «Повелителе мух».

Тревор Стэкхаус обошел вокруг стола и увидел, что Уилхолм (тот еще говнюк) сидит за шахматной доской с расставленными фигурами и собирается начать игру. Новенький сидел напротив. Девочки стояли рядом, и почти все их внимание было обращено, естественно, на Уилхолма – красивого, мрачного бунтаря, эдакого Джеймса Дина наших дней. Ничего, скоро его здесь не будет – как только Хендрикс даст добро на перевод.

– И сколько народу тут работает, по-вашему? – спросил новенький.

Айрис с Калишей (девчонкой по прозвищу Ветрянка) переглянулись. Ответила Айрис:

– Человек пятьдесят? Не меньше. Врачи... лаборанты и смотрители... персонал столовой...

– Два или три уборщика, экономки, – добавил Уилхолм. – Морин сейчас одна, потому что нас только пятеро, а так их бывает больше. Может, они с Дальней половины приходят – точно не знаю.

– Не пойму, если здесь работает столько народу, как им удастся держать все в секрете? – спросил Эллис. – И где в таком случае стоят их машины?

– Любопытно, – заметил Стэкхаус. – Кажется, такого вопроса еще никто не задавал.

Миссис Сигсби кивнула.

– Этот умный. Судя по всему, не просто начитанный. Так, тихо, я хочу их послушать.

– ...где-то жить должны, – говорил Люк. – Логично? Они вроде как вахтовым методом тут работают. А значит, это правительственное учреждение. Вроде секретных тюрем, куда увозят допрашивать террористов.

– И не забываем про старые добрые пытки водой, – добавил Уилхолм. – Когда тебе на голову надевают мешок и инсценируют утопление. Я не слышал, чтобы тут такое практиковали с детьми, но с них станется.

– Бак с водой есть, – сказала Айрис. – Тебе надевают специальную шапочку, суют в воду с головой и смотрят, что будет. Вообще-то это поприятнее уколов... – Она умолкла. – Ну, для меня.

– Видимо, сотрудников привозят и вывозят группами, – рассуждал Эллис. Миссис Сигсби показалось, что он говорит сам с собой, а не с другими. Наверное, для него это было обычное дело. – По-другому никак.

Стэкхаус кивнул:

– Да, молодец парень, соображает! Сколько ему, двенадцать?

– А вы почитайте отчет, Тревор. – Она нажала клавишу на клавиатуре, и на экране появился скринсейвер: фотография ее дочерей-близняшек в коляске, сделанная за много лет до того, как у них появились дерзкие замашки, грудь и дружки-плохиши. А в случае Джуди – еще и наркозависимость. – Рубиновая уже отчиталась?

– Лично мне, – кивнул Стэкхаус. – Полиция найдет в истории браузера на компьютере Эллиса запросы о детях, которые убили своих родителей. Тут надо аккуратно, запросов не должно быть слишком много – двух-трех достаточно.

– Иными словами, все строго по регламенту.

– Да, мэм. Не буди лихо, пока оно тихо. – Стэкхаус улыбнулся – почти как Уилхолм, когда парнишка врубал обаяние на полную катушку. И все же переплюнуть Уилхолма в этом деле было непросто: тот притягивал девчонок как магнит. До поры до времени, конечно. – Хотите пообщаться с командой, или хватит оперативного отчета? Его составляет Денни Уильямс, так что будет хотя бы читаемо.

– Если все прошло гладко, достаточно отчета. Пусть Розалинда его принесет.

– Хорошо. А что слышно от Алворсон?

– Вы про то, не тискается ли Уилхолм с Калишей? – Сигсби приподняла бровь. – Какое отношение это имеет к безопасности, Тревор?

– Да пусть себе тискаются сколько влезет, мне чхать. Пусть даже девственность потеряют – если там еще есть, что терять, конечно. Тем не менее от Алворсон порой бывает толк. Помните тот их разговор с Вашингтоном?

Морин Алворсон, экономка, которая якобы любила и жалела всех юных подопечных Института, на самом деле работала осведомителем. (Миссис Сигсби считала, что те крохи действительно полезной информации, что поступали от Морин, не позволяли называть ее *шпи-*

онкой — слишком много чести.) Ни Калиша, ни остальные ТЛП до сих пор ее не раскусили, потому что она мастерски скрывала свой дополнительный источник доходов.

Что делало ее особенно ценным сотрудником, так это аккуратно подкиннутая подопечным идея, будто некоторые зоны в Институте – южный угол столовой и небольшой закуток рядом с торговыми автоматами в буфете – не прослушиваются. Именно там Алворсон узнавала самые сокровенные мысли детей. Обычно эта информация не заслуживала никакого внимания, но время от времени среди руды попадались самородки. Вашингтон, к примеру, однажды признался Морин, что планирует совершить самоубийство.

– Нет, в последнее время ничего стоящего не было, – сказала Сигсби. – Я вас непременно уведомя, если получу интересующие вас сведения, Тревор.

– Хорошо-хорошо. Я просто спросил.

– Понятно. Теперь уходите, пожалуйста. Мне нужно работать.

4

– Да пошло все на хрен, – сказал Никки, вновь усаживаясь на скамейку. Наконец-то он убрал челку с глаз. – Скоро прозвенит звонок, и меня ждет очередная проверка зрения – после обеда опять буду пялиться в белую стену... Ладно, посмотрим, какой ты шахматист, Эллис. Ходи.

Люку ужасно не хотелось играть в шахматы. У него в голове роились сотни вопросов – по большей части об уколах, – но, видимо, задавать их было рано. Есть ведь еще такая штука, как информационная перегрузка, в конце концов. Люк передвинул королевскую пешку на две клетки вперед. Никки сделал то же самое. Люк пошел королевским слоном так, чтобы тот угрожал черной королевской пешке. Помедлив секунду, Никки вывел ферзя на четыре клетки по диагонали – и тем самым подписал себе приговор. Люк вывел своего ферзя, подождал, пока Никки сделает уже не имеющий никакого значения ход, затем передвинул ферзя аккуратно к черному королю.

Никки нахмурился:

– Шах и мат за четыре хода? Ты серьезно?!

Люк пожал плечами:

– Это называется «детский мат» и работает, только если играешь белыми. Ничего, в следующий раз ты заранее просечешь задумку противника и сумеешь ему помешать. Эффективнее всего – передвинуть ферзевую пешку на две клетки вперед или королевскую – на одну.

– А если я так сделаю, ты все равно мне задницу надерешь?

– Не исключено. – Дипломатичный ответ. Искренний прозвучал бы так: *Разумеется!*

– Ну ни фигя себе. – Никки изучал доску. – А ты крут! Где учился?

– Нигде, пару учебников по шахматам прочитал.

Никки поднял взгляд на Люка, словно увидел его впервые, и повторил вопрос Калишы:

– Умный, что ли?

– По крайней мере, ему хватило мозгов разделить тебя в шахматы, – сказала Айрис, избавив Люка от необходимости отвечать.

В этот момент прозвучал тихий звонок из двух нот: динь-дон.

– Все, обед, – сказала Калиша. – Умираю с голоду! Идем, Люк. Проигравший убирает игру на место.

Никки нацелил на нее палец и одними губами произнес: *Пиф-наф!* – впрочем, с улыбкой. Люк встал и пошел за девочками. У входа в комнату отдыха его нагнал и схватил за локоть Джордж. Из учебников по социологии (и личного опыта) Люк знал, что дети в коллективах имеют тенденцию легко брать на себя определенные роли. Если в этой группе Ник Уилхолм –

бунтарь, то Джордж – явно шут. Впрочем, сейчас вид у него был как нельзя более серьезный. Он заговорил тихо и быстро:

– Ник крутой, мне он нравится, а девчонки вообще от него без ума, и ты тоже скоро к нему проникнешься. Но будь осторожней: не пытайся ему подражать. Он никак не хочет смириться с тем, что нам отсюда не выбраться, а все остальные давно смирились. И тебе не советую лезть на рожон. Вот, например, точки – как увидишь их, сразу говори. Если не видишь – тоже говори. Не ври. *Им все известно.*

Тут их догнал Никки.

– О чем болтаете, Джорджи?

– Он хотел знать, откуда берутся дети, – нашелся Люк. – Я велел ему спросить тебя.

– Вот, черт, еще один клоун завелся. Только этого не хватало! – Никки схватил Люка за шею и сделал вид, что хочет его задушить. То был знак внимания? Или даже уважения?.. – Ладно, пошли есть.

5

То, что его новые друзья называли буфетом, было частью комнаты отдыха. Торговые автоматы располагались напротив большого настенного телевизора. Люк хотел поближе на них взглянуть, но остальные шли быстро, он и так еле за ними поспевал. И все же табличку с надписью «ЕСЛИ ПЬЕШЬ – ЗНАЙ МЕРУ» он разглядел. Так что, может, это и не розыгрыш: здесь действительно спаивают детей.

Да, это не Канзас и не Остров Удовольствий, подумал он. Это Страна Чудес. Кто-то пришел в мою комнату посреди ночи и спихнул меня в кроличью нору.

Столовая оказалась чуть меньше, чем в Бродерике, но почти полное безлюдье – на обед пришло всего пять человек – делало ее прямо-таки огромной. Среди небольших столиков на четверых стояло несколько длинных, и один из них был накрыт на пять персон. Женщина в розовой форменной блузке и розовых брюках подошла и налила им воды. На груди у нее висел бейджик с именем «НОРМА».

– Ну как вы, цыплятки? – спросила она.

– Просто отлично! – просиял Джордж. – А вы как?

– Хорошо.

– У вас, случайно, не найдется карточки «Побег из тюрьмы»?

Норма одарила его дежурной улыбкой и скрылась за дверью, которая вела, судя по всему, в кухню.

– Ради кого я стараюсь, спрашивается? – посетовал Джордж. – Лучшие фразы пропадают даром. Даром, ей-богу!

Он потянулся за стопкой меню в центре стола и раздал их присутствующим. Сверху стояла дата. Дальше значились: ХОЛОДНЫЕ БЛЮДА И ЗАКУСКИ (жареные куриные крылышки «буффало» или томатный суп), ОСНОВНЫЕ БЛЮДА (бургер с буйволятиной или рагу по-американски) и ДЕСЕРТЫ (яблочный пирог с мороженым или некий «волшебный заварной торт»). Также на выбор предлагалось несколько напитков.

– Еще есть молоко, но его не указывают в меню, – сказала Калиша. – Обычно дети хотят его только на завтрак с хлопьями.

– Здесь правда вкусно готовят? – спросил Люк. Этот прозаичный вопрос (словно они приехали на какой-нибудь курорт с питанием по системе «все включено» и обсуждают кухню) моментально вернул ему ощущение бредовости происходящего.

– Да, – ответила Айрис. – Еще нас иногда взвешивают. Я вот уже целых четыре фунта набрала.

– Раскармливают, как свиней перед забоем, – добавил Никки. – Как Гензеля и Гретель.

– В пятницу вечером и в воскресенье днем – шведский стол, – сказала Калиша. – Ешь сколько влезет.

– Как Гензеля и Гретель откармливают, суки, – повторил Никки и покосился на камеру в углу. – Возвращайся, Норма! Мы готовы сделать заказ.

Она моментально вернулась, отчего происходящее стало казаться Люку еще нереальнее. Впрочем, когда принесли крылышки и рагу, он набросился на них с аппетитом. Да, здесь было жутко, да, ему было очень страшно за себя и за родителей, но, в конце концов, он был ребенком.

Растущим организмом.

6

Видимо, за ними действительно наблюдали: не успел Люк отправить в рот последний кусочек торта с заварным кремом, как появилась еще одна женщина в розовой одежде, напоминающей форму. На ее бейджике значилось имя «ГЛЭДИС».

– Люк? Пойдем-ка со мной.

Он посмотрел на своих четырех друзей. Калиша и Айрис потупились, а Никки глядел на Глэдис – скрестив руки на груди и едва заметно улыбаясь.

– Может, заглянешь попозже, детка? Под Рождество, например. Я тебя затолкаю под омелу.

Она пропустила его слова мимо ушей.

– Люк? Я жду. Пойдем, пожалуйста.

Джордж был единственный, кто отважился посмотреть ему в глаза. Увидев его лицо, Люк сразу вспомнил про «не лезь на рожон». И встал.

– Ладно, увидимся, ребят. Наверное.

Калиша одними губами сказала: *Уколы для прикола.*

Глэдис была миниатюрная и хорошенькая, но мало ли... Вдруг у нее черный пояс и она одним махом перекинет Люка через плечо, если он взбрыкнет? А даже если нет, за ними в самом деле наблюдают – подкрепление не заставит себя ждать. Впрочем, Люк был воспитанный, вежливый мальчик и привык слушаться взрослых. Подобные привычки дают о себе знать даже в таких ситуациях.

Глэдис повела его мимо окон, о которых рассказывал Никки. Люк посмотрел на улицу и действительно разглядел еще одно здание: его почти полностью скрывали деревья, однако оно совершенно точно там было. Дальняя половина.

Люк оглянулся. Вот бы кто-нибудь его подбодрил... Может, Калиша помашет или хотя бы улыбнется? Увы, никто не улыбался. Такие же лица у детей были на площадке, когда он спросил, живы ли их родители. И если тогда они точного ответа дать не могли, то теперь-то наверняка знали, куда его ведут. Ведь они все это уже проходили.

7

– Какой славный денек, правда? – сказала Глэдис, ведя Люка по уже знакомому шлакоблочному коридору. Они прошли мимо его комнаты. Коридор уходил в другое крыло – там тоже были двери и комнаты, – но они свернули налево, в какую-то нишу, похожую на обычный лифтовый холл.

Люк, прекрасно умеющий вести светские разговоры, промолчал. Он был уверен, что в подобной ситуации Ник поступил бы именно так.

– Вот только мошки... ох! – Она отогнала рукой воображаемых насекомых и засмеялась. – Придется постоянно мазаться репеллентом, по крайней мере в июле.

– А потом выведутся стрекозы.

– Да! Точно! – Глэдис пронзительно захихикала.

– Куда мы идем?

– Увидишь. – Она подвигала бровями, как бы говоря: *Тебя ждет приятный сюрприз.*

Лифт открылся. Оттуда вышли два человека в голубых рубашках и брюках. Один был «ДЖО», второй – «ХАДАД». Оба держали в руках айпады.

– Привет! – радостно поздоровалась с ними Глэдис.

– Привет, детка, – сказал Хадад. – Как дела?

– Отлично! – прошептала девушка.

– А у тебя как дела, Люк? – обратился к нему Джо. – Обживаешься?

Он снова промолчал.

– Ни с кем не разговариваешь? – Хадад ухмылялся. – Ничего, пока можно. А вот потом – не советую. Видишь ли, Люк, у нас все просто: ты с нами по-хорошему – и мы с тобой по-хорошему.

– Тише едешь – дальше будешь, – добавил Джо. – Народная мудрость! Еще увидимся, Глэдис?

– Конечно! Ты угощаешь.

– Договорились!

Мужчины ушли, а Глэдис с Люком сели в лифт. Кнопок с цифрами на стене не было. Глэдис сказала: «Би», – вытащила из кармана брюк ключ-карту и помахала ею перед сенсором. Двери закрылись, и лифт поехал вниз – впрочем, ехал он недолго.

– Би, – проворковал женский голос из динамика наверху. – Уровень Би.

Глэдис снова махнула картой. Двери открылись в широкий вестибюль, ярко освещенный полупрозрачными потолочными панелями. Играла тихая музыка, какая обычно звучит в супермаркетах. Туда-сюда ходили люди с тележками, полными какого-то оборудования. Один нес в руках проволочную корзину с пробирками – анализами крови? Двери были помечены номерами, и перед каждым стоял префикс В.

Тут все по-крупному, говорил Никки. *У них огромная территория.* Видимо, он не соврал: раз есть подземный уровень В, то должен быть и С, логично? А может статься, и D, и E. Действительно похоже на правительственное учреждение, подумал Люк. Как можно сохранить такую здоровенную организацию в тайне? Мало того – деятельность Института незаконна и противоречит конституции США, его сотрудники похищают детей!

Они прошли мимо открытой двери, и Люк увидел очередную комнату отдыха, для сотрудников. Здесь тоже стояли торговые автоматы (впрочем, без табличек «ЕСЛИ ПЬЕШЬ – ЗНАЙ МЕРУ»). За одним из столиков сидели трое: мужчина и две женщины. Все они были в гражданском (джинсы, рубашки) и пили кофе. Одна из женщин – светловолосая – показалась Люку знакомой. Поначалу он растерялся, а потом вспомнил голос: *Как скажешь, детка.* Это было его последнее воспоминание из прошлой жизни – до того, как он очнулся здесь, в Институте.

– Ты! – Он указал пальцем на женщину. – Это была ты!

Женщина невозмутимо посмотрела на него. И все еще смотрела, когда Глэдис закрывала дверь.

– Это была она! – воскликнул Люк. – Точно она!

– Мы уже почти пришли, – сообщила Глэдис. – Все пройдет быстро, обещаю. Потом вернешься в свою комнату. Ты, наверное, устал с непривычки.

– Вы меня слышите? Эта женщина проникла в мою комнату! И брызнула мне чем-то в лицо.

Опять нет ответа, только ослепительная улыбка. С каждым разом она казалась Люку все более неестественной и жуткой.

Они подошли к двери с номером В-31.

– Веди себя хорошо – и получишь пять жетончиков, – сказала Глэдис и достала из кармана горсть металлических кружков, похожих на монеты. С обеих сторон на них был отчеканен треугольник. – Видишь? Они у меня с собой.

Она постучала в дверь. Открыл мужчина в голубой форме с именем «ТОНИ» на груди: высокий, белокурый, красивый (если бы не легкий прищур). Люк решил, что он похож на злодея из фильмов про Джеймса Бонда – пожалуй, на того обходительного лыжного инструктора, который оказался убийцей.

– Входи, входи.

Видимо, приглашали только Люка. Глэдис легонько толкнула его в спину и закрыла за ним дверь.

Стоявшее посреди комнаты оборудование выглядело устрашающе: что-то вроде стоматологического кресла, только оснащенное ремнями для рук.

– Садись, приятель, – сказал Тони. *Ладно хоть не «умница»*, подумал Люк.

Тони подошел к столу, открыл какой-то ящик и начал в нем рыться, насвистывая. Когда он снова повернулся к Люку, в руке у него было что-то вроде маленького паяльника. Тони с удивлением обнаружил, что Люк все еще стоит в дверях, и широко улыбнулся.

– Я же сказал: садись.

– Что вы будете со мной делать? Татуировку хотите набить? – Он вспомнил, что евреям при поступлении в Освенцим и Берген-Бельзен набивали номер на руке. Бред, конечно...

Тони снова удивился, потом хохотнул.

– Господи, что ты! Я просто тебя чипирую. Это не больно – как сережку в ухо вставить. Всем нашим гостям вживляют чипы.

– Я тут не гость, – сказал Люк, – а заключенный. И ничего вы мне в ухо не вставите.

– Еще как вставлю, – ответил Тони, по-прежнему широко улыбаясь и по-прежнему напоминая доброго дядю, который помогает детям встать на лыжи – а в свободное время гоняется за Джеймсом Бондом с отравленным дротиком. – Слушай, это правда не больно, просто слегка ущипну ухо. Раз – и готово! Так что будь пайнкой, сядь в кресло. Глэдис тебе сразу же выдаст жетончики. А если будешь сопротивляться, я тебя все равно чипирую, но жетонов тебе не видать как своих ушей. Что скажешь?

– Не сяду я в кресло, – ответил Люк, трясаясь всем телом. Впрочем, его ответ прозвучал довольно решительно.

Тони вздохнул. Аккуратно положил прибор для чипирования на стол, подошел к Люку и уперся руками в бедра. Вид у него был серьезный, почти скорбный.

– Уверен?

– Да.

Казалось, в ушах у Люка зазвенело от пощечины еще за миг до того, как Тони замахнулся. Люк попятился, потрясенно глядя на здоровяка широко распахнутыми глазами. Однажды, когда ему было четыре или пять, отец его отшлепал (несильно), застав за игрой со спичками, но никто и никогда не бил Люка по лицу. Щека сразу вспыхнула; ему никак не верилось в случившееся.

– Это гораздо больше, чем чипирование, – сказал Тони. От его широкой улыбки не осталось и следа. – Хочешь еще раз? Я с удовольствием. Вы, дети, думаете, что вам все дозволено, что мир принадлежит вам. Ну-ну.

Только сейчас Люк заметил голубой синяк на подбородке Тони и небольшую ссадину на левой скуле. Сразу вспомнился свежий синяк на лице Ника Уилхолма. Вот бы и ему, Люку, хватило смелости врезать Тони... Увы, кишка тонка. Он и драться-то не умеет. Если попытается, Тони его мигом скрутит.

– Ну, готов сесть в кресло?

Люк сел.

- Будешь сидеть смиренно – или пристегнуть тебя ремнями?
- Буду сидеть смиренно.

Тони оказался прав: пощечина была куда больше чипирования. То ли Люк просто был к ней не готов, то ли установка чипа все же больше напоминала медицинскую процедуру, чем акт насилия. Когда дело было сделано, Тони подошел к стерилизатору и достал оттуда шприц.

- А теперь второй раунд, приятель.
- Что в шприце? – спросил Люк.
- Не твое собачье дело.
- Вы же *мне* это вкалываете! Значит, как раз мое.

Тони вздохнул.

- Пристегиваем или нет? Решай сам.

Люк вспомнил слова Джорджа: *Не лезь на рожон.*

- Не пристегиваем.
- Вот и молодец. Сейчас комарик укусит...

Укусил его явно не комарик, а как минимум оса. Боль была очень ощутимая. По руке до самого запястья разлился жар – как будто у него локально поднялась температура, – потом все неприятные ощущения пропали.

Тони заклеил место укола пластырем и развернул Люка лицом к белой стене.

- А теперь закрой глаза.

Люк послушался.

- Слышишь что-нибудь?
- Например?
- Перестань задавать вопросы и отвечай. Ты *что-нибудь* слышишь?
- Если бы вы помолчали, может, и услышал бы.

Тони умолк. Люк прислушался.

- Кто-то прошел по коридору. И еще кто-то засмеялся – Глэдис вроде.
- Больше ничего?
- Ничего.

- Что ж, прекрасно. Теперь сосчитай до двадцати и открывай глаза.

Люк сделал, как ему было велено.

- Что ты видишь?
- Стену.
- Больше ничего?

Люк подумал, что Тони имеет в виду те самые точки. *Как увидишь их, сразу говори. Если не видишь – тоже говори. Не ври. Им все известно.*

- Нет, больше ничего.
- Уверен?
- Да.

Тони хлопнул Люка по спине: тот от неожиданности подскочил на месте.

– Ладно, приятель, мы закончили. Сейчас дам тебе льда – приложишь к уху. Хорошего дня!

8

Глэдис поджидала его у двери в кабинет В-31. На ее лице сияла профессиональная улыбка.

- Ну как ты, Люк?

Тони ответил за него:

- Все прошло отлично. Парень – молодец.

– Моя школа, – почти пропела Глэдис. – Хорошего тебе дня, Тони.

– И тебе, Глэд.

Она повела Люка обратно к лифту и всю дорогу что-то щебетала. Он ее не слушал. Рука почти не болела, а вот к уху действительно пришлось приложить лед – оно неприятно пульсировало. Пощечина была в сто раз больнее. По множеству причин.

Глэдис сопровождала Люка по зеленому шлакоблочному коридору мимо постера, под которым сидела Калиша, и мимо постера «ЕЩЕ ОДИН ДЕНЬ В РАЮ» в чужую комнату, которая выглядела точь-в-точь как его.

– А теперь – свободное время! – воскликнула Глэдис, словно объявляя суперприз.

Впрочем, перспектива остаться наконец в одиночестве действительно очень обрадовала Люка.

– Тебе сделали укол, да?

– Да.

– Если рука заболит или голова закружится, сразу скажи мне или другим зрителям, хорошо?

– Хорошо.

Он открыл дверь, но не успел войти: Глэдис схватила его за плечо и развернула к себе. Она все еще ослепительно улыбалась, однако пальцы неприятно впивались в кожу – Глэдис давала понять, что при необходимости может сделать ему больно.

– Сегодня без жетонов, – сказала она. – Тони не жаловался, но у тебя щека красная. Это все, что мне нужно знать.

Люк хотел ответить: *Да не нужны мне ваши вонючие жетоны*, – но смолчал. Он боялся не новой пощечины; ему было страшно, что от звука собственного голоса – слабого, дрожащего, испуганного шестилетки – он не выдержит и разрыдается прямо перед Глэдис.

– Позволь дать тебе один совет, – сказала она уже без намека на улыбку. – Ты должен понять: тебя привезли сюда на службу, Люк. А значит, нужно очень быстро повзрослеть. Смотреть на все по-взрослому. Тебе предстоят разные процедуры. Иногда – не самые приятные. Ты можешь быть пайнкой и получать жетоны, а можешь капризничать и не получать. От этого ничего не изменится, процедуры все равно будут делать. Ну, что ты выбираешь? Ответ очевиден.

Люк не ответил. Улыбка все равно вернулась на лицо Глэдис – услужливая и профессиональная, как у администратора в ресторане: *Да, сэр, давайте я провожу вас к столику*.

– Очень скоро ты вернешься домой – еще лето не успеет закончиться – и забудешь все, что здесь происходило. В крайнем случае будешь думать, что тебе это приснилось. А пока это *не сон*, зачем усложнять себе жизнь? – Глэдис ослабила хватку и слегка его подтолкнула. – Теперь отдыхай. Приляг ненадолго. Точки видел?

– Нет.

– Скоро обязательно увидишь.

Она закрыла дверь – тихо и осторожно. Люк прошел по комнате к своей кровати – только это была не его кровать. Лег, положил голову на чужую подушку и уставился в пустую стену. Ни окна, ни точек – ничего. *Господи, хочу к маме*, подумал он. *Как же я хочу к маме!*

Это стало последней каплей. Он уронил лед, закрыл глаза руками и заплакал. За ним наблюдают? Слушают его рыдания? Ну и что, какая разница?

Люк плакал, плакал и наконец уснул.

Когда он проснулся, на душе стало немного легче – свободней, что ли. Пока он обедал и встречался с замечательными новыми друзьями (Тони и Глэдис), ему в комнату принесли две

новые вещи. На столе стоял ноутбук – «Мак», как у него, только старая модель. А на тумбочке в углу обнаружился небольшой телевизор.

Сначала он подошел к компьютеру и включил его. От знакомого звона загрузившегося «Макинтоша» Люка охватила острая тоска по дому. Вместо ввода пароля его попросили показать жетончик. Люк пару раз нажал клавишу «ввод», понимая, что это бесполезно.

– Суки!

И тут, несмотря на ужас и абсурдность происходящего, у него вырвался смех – короткий и громкий. Разве он не почувствовал свое превосходство, когда услышал про детей, выпрашивающих жетоны на бухло и сигареты? Почувствовал, конечно. Разве не подумал: *Я бы никогда не стал так унижаться?* А то! Разумеется, подумал. Размышляя о пьющих и курящих подростках (не то чтобы он часто это делал – ему хватало и другой пищи для размышлений), он представлял себе жалких готов, которые слушают «Pantera» и рисуют на джинсовках кривенькие перевернутые пентаграммы – иными словами, дурачков, что добровольно заковали себя в цепи алкоголизма и наркомании, таким образом якобы выражая социальный протест. Ни бухать, ни бунтовать Люк не собирался, и что с того? Вот он сидит перед экраном ноутбука и отчаянно жмет «ввод», точь-в-точь как крыса в ящике Скиннера, жмушая на рычаг в надежде получить немного корма или крупицу кокаина.

Он захлопнул ноутбук и взял пульт от телевизора. Он бы не удивился, если бы на синем экране снова загорелась просьба показать жетон или несколько жетонов, но нет: телеведущий Стив Харви расспрашивал Дэвида Хассельхоффа про то, что тот надеется успеть перед смертью. Зрители в студии весело хохотали над ответами известного актера.

Люк нажал кнопку «меню» на пульте и увидел знакомый список «ДайрекТВ» – почти такой же, как дома. Именно почти, как в случае с комнатой и ноутбуком. На выбор предлагалось множество фильмов и спортивных передач. И никаких сетевых либо новостных каналов. Люк вырубил телик, положил пульт на место и огляделся по сторонам.

Помимо двери, что вела в коридор, здесь было еще две. За одной оказалась гардеробная – джинсы, футболки (хорошо хоть не как дома – и на том спасибо), пара рубашек, две пары кед и одни тапочки. Ботинок не было.

За второй дверью обнаружилась небольшая, идеально опрятная ванная. На раковине лежали пара зубных щеток (еще в упаковке) и новый тюбик пасты «Крест», в хорошо укомплектованной аптечке – ополаскиватель для рта, бутылочка детского тайленола с четырьмя таблетками внутри, дезодорант, роликовый репеллент «Дит», пластыри и еще несколько предметов разной степени полезности. Ни одного опаснее кусачек для ногтей.

Люк захлопнул дверцу аптечки и посмотрел на себя в зеркало. Волосы взъерошены, под глазами темные круги (дрочильные круги, как выразился бы Рольф). Он показался себе одновременно и старше, и младше. Странно. На свербевающей красноватой мочке уха поблескивал металлический кружок. Какой-нибудь лаборант на уровне В (или С, или D) сидит сейчас за компьютером и отслеживает каждое его движение. Вот прямо сейчас, в этот самый миг. Лукас Дэвид Эллис, собиравшийся поступать в Массачусетский технологический институт и Колледж Эмерсон одновременно, превратился в мигающую точку на экране компьютера.

Он вернулся в свою комнату (просто – в комнату, сказал он себе, она ведь не его), огляделся и с ужасом осознал, что нет книг. Ни единой. И это было так же ужасно, как отсутствие компьютера, если не хуже. Люк подскочил к комоду и стал один за другим открывать ящики: может, найдется хотя бы Библия или Книга мормона, как в гостиницах... Нет, там были только аккуратно сложенные носки и трусы.

Что же ему остается? Смотреть, как Стив Харви берет интервью у Дэвида Хассельхоффа? Или снова и снова пересматривать «Самые смешные домашние видео Америки»?

Нет. Ни за что.

Он вышел из комнаты, надеясь найти в коридоре Калишу или еще кого-нибудь из детей. И наткнулся на Морин Алворсон: та еле-еле катила перед собой дандаксовскую тележку с грудами чистого белья и полотенца. Вид у нее был изможденный.

– Здравствуйте, мисс Алворсон. Вам помочь?

– Какой ты добрый, – с улыбкой сказала она. – У нас пять новеньких на подходе, двое сегодня и трое завтра. Надо подготовить для них комнаты. Они все вон там. – Она показала пальцем в противоположном от комнаты отдыха и площадки направлении.

Люк стал медленно толкать вперед тележку – потому что экономка медленно шла.

– Вы, случайно, не знаете, как мне заработать жетончик, мисс Алворсон? Хочу включить свой компьютер.

– А постели можешь заправить – под моим чутким руководством?

– Конечно. Дома я сам заправляю постель.

– И больничные уголки умеешь делать?

– Ну... нет.

– Ладно, я тебе покажу. Заправишь пять кроватей – дам три жетона. Больше нет, мне много не дают.

– Трех достаточно!

– Хорошо. Только перестань звать меня «мисс Алворсон», я для тебя Морин или просто Мо. Как и для остальных детей.

– Договорились, – ответил Люк.

Они прошли мимо лифта в соседнее крыло. Стены там тоже были увешаны мотивационными постерами, и, как в гостинице, там тоже стояли машины для льда. Причем жетонов они вроде не требовали. Пройдя мимо такой машины, Морин вдруг взяла Люка за руку. Он остановился и вопросительно посмотрел на нее.

Она заговорила тихо, почти шепотом:

– Смотрю, тебя чипировали, а жетонов не дали...

– Ну...

– Здесь можно говорить, только негромко. На Ближней половине есть штук шесть мест, куда их вонючие микрофоны не достреливают... слепые зоны, понимаешь? Я их знаю все наперечет. Одна здесь, сразу за машиной для льда.

– О'кей...

– Кто тебя чипировал и ударил? Тони?

У Люка защипало в глазах. Отвечать вслух было страшно, поэтому он просто кивнул.

– Да, с него станется, – сказала Морин. – Зик тоже злобный, и Глэдис – ты ее улыбочкам не верь. Вообще тут много таких, которых хлебом не корми – дай поиздеваться над детьми... Но эти трое хуже всех.

– Тони влепил мне пощечину, – наконец выдал Люк. – Было больно.

Морин взъерошила ему волосы, словно какому-нибудь малышу, но Люк не стал возражать. Он сейчас очень нуждался в ласке и тепле. Как никогда.

– Делай, что он говорит, – сказала Морин. – Не перечь ему, слышишь? С некоторыми здешними сотрудниками – даже с миссис Сигсби! – можно поспорить, хоть и без толку. Но Тони и Зик – плохие пчелки. И Глэдис тоже. Они *жалеют*.

Морин двинулась дальше по коридору, однако Люк поймал ее за рукав коричневой блузки и оттащил обратно в безопасную зону.

– По-моему, Никки ударил Тони! – зашептал он. – У него губа разбита и фингал под глазом!

Экономка улыбнулась, обнажив зубы, которые давно следовало показать стоматологу.

– Молодец, Ник! Тони, поди, тоже ему всыпал, но все равно... молодец. Ладно, идем. С твоей помощью мы все комнаты в два счета подготовим!

В первой комнате, которую они посетили, на стенах висели постеры с Томми Пиклзом и Зуко – персонажами мультфильмов канала «Никелодеон», – а на столе разместился целый взвод солдатиков серии «Джи-Ай Джо» от «Хасбро». Люк с ходу узнал нескольких героев (он и сам не так давно увлекался их коллекционированием). На обоях был совсем детский рисунок – клоуны с воздушными шариками.

– Вот черт! – воскликнул Люк. – Сюда совсем мелочь поселят!

Морин бросила на него смешливый взгляд: мол, да ты и сам не Мафусаил.

– Верно. Мальчика зовут Авери Диксон. У меня тут написано, что ему всего десять лет. Ну, за работу. Ты все схватываешь на лету – небось, с первого раза запомнишь, как делать больничные уголки.

10

Вернувшись к себе, Люк показал веб-камере на ноутбуке один из жетонов. Чувствовал он себя при этом на редкость глупо, однако система тут же загрузилась и показала приветствие: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ДОННА!» Люк нахмурился, потом едва заметно улыбнулся. Раньше, до его прибытия в Институт, этот компьютер принадлежал (или был временно выдан) некоей Донне. Приветствие забыли поменять – значит, кто-то допустил промашку. Пусть крошечную и незначительную, но промашку. А где одна, там, как известно, и другая.

Приветствие сменилось стандартными обоями рабочего стола: безлюдный пляж на фоне рассветного неба. Панель внизу экрана имела привычный вид, с одним разительным (но ожидаемым) отличием: значка электронной почты здесь не было. Зато были иконки двух интернет-провайдеров. Это приятно удивило Люка. Он открыл браузер «Файерфокс» и напечатал: «AOL log-in». Снова появился синий экран, на сей раз с красным пульсирующим кружком посередине. Мягкий компьютерный голос произнес: «Извини, Дейв. Боюсь, я не могу этого сделать».

На секунду Люк решил, что это очередная промашка – сперва кто-то забыл стереть имя Донны, а теперь вот Дейва, – но вскоре до него дошло, что мягкий голос принадлежит бортовому компьютеру ЭАЛ-9000 из «Космической одиссеи 2001 года». Нет, то был не жестокий розыгрыш, а невинная шуточка местных компьютерщиков. Учитывая обстоятельства – ни разу не смешная.

Люк забил в «Гугл» имя «Герберт Эллис» и опять напоролся на ЭАЛа. Подумал с минуту, затем решил погуглить театр «Орфей» на Хеннепин-авеню – не потому, что его интересовала афиша этого заведения (да и любого другого заведения, если уж на то пошло), просто хотелось понять, к какой информации у него есть доступ. Что-то ведь должно быть разрешено, иначе зачем тут вообще Интернет?

Сайт «Орфа», как его называли родители Люка, для «гостей» Института оказался не под запретом. Люк узнал, что «по многочисленным просьбам» они возвращают на сцену постановку «Гамильтона» и в следующем месяце главную роль будет играть Питер Освальд («Вы животики надорвете!»). Сайт Бродерика тоже открылся без проблем. Тогда Люк попробовал загуглить мистера Грира, школьного психолога, – и опять встретил ЭАЛа. Теперь понятно, чего Дейв Боумен в кино так бесился...

Люк уже хотел закрыть крышку ноутбука, но в последний момент передумал и вбил в поисковую строку слова «Полиция штата Мэн». Занес палец над клавишей «ввод», почти нажал ее – и передумал. Извинения ЭАЛа ему ни к чему, только вряд ли дело этим ограничится. Возможно, где-нибудь под землей сработает тревога... Вернее, она *точно* сработает. Пусть сотрудники Института прошляпили имя нового хозяина компьютера, о программе, которая будет уведомлять их о любых попытках связаться с органами, они забыть не могли. Такой

проступок со стороны подопечного не останется безнаказанным, и пощечина – далеко не самое страшное наказание... Словом, от бывшего компьютера Донны толку ноль.

Люк сел и скрестил руки на тощей груди. Подумал про Морин. Она так ласково взъерошила ему волосы... даже этот бесхитростный, почти неосознанный добрый жест (и жетоны, конечно) заметно подсластил Люку пилюлю пощечины. Вроде бы Калиша говорила, что экономка вся в долгах? Задолжала банку сорок тысяч долларов? А скорее, вдвое больше...

То ли потому, что Морин была к нему добра, то ли потому, что Люку хотелось скоротать время, он решил вбить в поиск фразу «увяз в долгах пожалуйста помогите». «Гугл» тотчас предложил ему массу информации на эту тему, включая сайты сомнительных компаний, утверждающих, что избавиться от надоедливых счетов – проще простого: загнанному в угол должнику надо сделать один-единственный телефонный звонок. Люк сомневался, что все так просто, однако многие наверняка верили – и в конечном счете их обдирали как липку.

Морин Алворсон, впрочем, была не из таких простофиль (по крайней мере, если верить Калише). Муж экономки якобы набрал кредитов и сбежал. Может, это правда, а может, нет; в любом случае из этой ситуации должен быть какой-то выход. Выход есть всегда, надо только его найти – для этого и нужно учиться. Может, компьютер не так уж и бесполезен.

Люк стал искать наиболее заслуживающие доверия источники и вскоре с головой зарылся в тему погашения долгов. Им овладела старая добрая жажда *знаний*. Желание выделить и понять важнейшие аспекты. Каждая единица информации вела к еще трем (шести, двенадцати) единицам, и постепенно из них складывалась некая общая картина, своеобразная карта местности. Самым интересным моментом (и ключевым, на котором все держалось) была простая, но ошеломляющая идея: долг есть *продукт*, товар потребления. Его продают и покупают. Это краеугольный камень американской и мировой экономики. Причем на самом деле долга не существует: он не материален в отличие от газа, золота и бриллиантов. Долг есть идея. Обещание возврата средств.

Вдруг раздался звон: Люку пришло сообщение в мессенджере. Он потряс головой, словно его разбудили. Если верить часам на компьютере, было почти пять часов дня. Он кликнул на всплывающее уведомление внизу экрана и прочитал следующее:

Миссис Сигсби: Привет, Люк. Я тут главная. Давай встретимся, познакомимся.

Он подумал с минуту и напечатал:

Люк: А у меня есть выбор?

Ответ последовал сразу же:

Миссис Сигсби: Нет ☺

– Засунь свой смайлик себе в...

В дверь постучали. Он открыл, ожидая увидеть на пороге Глэдис, однако пришел Хадад, парень из лифта.

– Прогуляемся, большой мальчик?

Люк вздохнул.

– Подождите минуту. Мне надо обуться.

– Без проблем.

Хадад провел его к выходу, расположенному сразу за лифтом, и открыл дверь своим ключом-картой. Они вместе пошли к административному корпусу, отмахиваясь от мошкары.

Миссис Сигсби напомнила Люку старшую сестру отца: такая же худощавая и плоская, почти без бедер и груди. Только тетя Рода много улыбалась, у нее даже были морщинки возле губ, и глаза всегда светились теплом. А еще она любила обниматься. Люк сразу понял, что бессмысленно ждать объятий от этой женщины, стоящей рядом с письменным столом в дело-

вом костюме сливового цвета и туфлях на высоком каблуке. Что же до улыбок – может, раз в сто лет она и улыбалась... Сейчас взгляд у миссис Сигсби был внимательный, оценивающий и совершенно равнодушный.

– Спасибо, Хадад, дальше мы сами.

Санитар (Люк предположил, что такова должность Хадада) почтительно кивнул и удалился.

– Давай начнем с азов, – сказала миссис Сигсби. – Мы с тобой одни. Я провожу наедине с каждым новым подопечным порядка десяти минут. Некоторые подопечные – сбитые с толку, растерянные, агрессивные – пытаются на меня напасть. Я не держу на них зла. С чего бы? Самым старшим подопечным Института шестнадцать лет, средний возраст – одиннадцать с половиной. Иными словами, это просто дети. А дети, как известно, плохо умеют справляться с эмоциями и душевными порывами. Я всегда рассматриваю подобную агрессию как хороший повод преподавать ребенку урок. Скажи, Люк, тебе нужен такой урок?

– Вряд ли, – ответил он. Интересно, Ник как раз из тех подопечных, что пытались поднять руку на эту сухую, миниатюрную женщину? Надо будет его расспросить.

– Вот и славно. Садись, пожалуйста.

Люк сел напротив письменного стола, сцепил ладони и спрятал их между колен. Миссис Сигсби тоже села и смерила Люка взглядом строгой директрисы, которая не терпит выкрутасов. На любые выкрутасы она ответит жестко и беспощадно. Люк прежде не встречал беспощадных взрослых... и вот пожалуйста, встретил. То была пугающая мысль, и сперва ему захотелось отогнать ее, счесть нелепой и смешной. Он взял себя в руки. Лучше думать, что ты тепличный ребенок. Лучше – безопаснее – считать миссис Сигсби именно такой, какой он ее и счел (пока – и если – она не докажет обратного). Да, несомненно, он оказался в скверном положении, хуже не придумаешь. Обманывать себя нельзя ни в коем случае – это самая серьезная ошибка из возможных.

– Ты уже завел друзей, Люк. Молодец, хорошее начало! За время, что ты проведешь на Ближней половине, у тебя появится много новых знакомых. Только что поступили двое: мальчик по имени Авери Диксон и девочка, Хелен Симмс. Сейчас они спят, но скоро вы познакомитесь. Хелен, наверное, выйдет из комнаты еще до отбоя, он у нас в десять вечера. Авери, думаю, проспит всю ночь. Он еще совсем ребенок и наверняка будет в расстроенных чувствах, когда проснется. Надеюсь, ты возьмешь его под крыло. Такие же надежды я возлагаю на Калишу, Айрис и Джорджа, а может, и на Ника, хотя его реакцию предсказать невозможно... Если вы хорошо встретите Авери и поможете ему акклиматизироваться, то получите жетоны – а это, как ты понял, основное средство обращения в нашем Институте. Все в твоих руках. Но мы будем за вами присматривать.

Ясное дело, будете, подумал Люк. И подслушивать тоже будете. Только этот фокус не везде проходит (если, конечно, Морин права).

– Друзья поделились с тобой своими представлениями о том, что здесь происходит. В чем-то они правы, в чем-то – глубоко заблуждаются. Я сейчас буду говорить *чистую* правду, поэтому слушай внимательно. – Положив ладони на стол, она подалась вперед и посмотрела ему прямо в глаза. – Ты уяснил, Люк? А то я, как говорится, разжевывать не намерена.

– Да.

– Что «да»? – рявкнула миссис Сигсби с совершенно невозмутимым лицом.

– Я весь внимание.

– Отлично. Ты проведешь на Ближней половине определенное количество времени. Может быть, десять дней, может быть, две недели или даже целый месяц. Впрочем, так надолго новобранцы у нас обычно не задерживаются.

– Новобранцы? Хотите сказать, мы в армии?

Она коротко кивнула:

– Именно. Идет война, и вы все будете служить Родине.

– Но почему? Да, я иногда могу силой мысли сдвинуть стакан или книгу, это же пустя...

– *Заткни рот!* – Ее окрик ошарашил Люка почти так же, как пощечина Тони. – Когда я говорю, ты слушаешь и не перебиваешь. Ясно?

Люк не смог даже пикнуть, только кивнул.

– У нас гонка не вооружений, а *умов*. И если мы проиграем, последствия будут плачевные. Невообразимо ужасные. Да, тебе только двенадцать лет, но ты солдат на необъявленной войне. То же самое относится к Калише и всем остальным. Ты рад? Разумеется, нет. Призывники никогда не рады тому, что их призвали; тем не менее они обязаны исполнять приказы начальства. Им необходимо понять, что за неисполнение приказов следует кара. Насколько я понимаю, один урок на эту тему тебе уже преподали. Если ты действительно так умен, как говорится в досье, ты должен был хорошо его усвоить. Если же нет, тебе преподадут еще один. Здесь не дом и не школа, запомни. Ты не отделаешься *уборкой* или разговором с *директором*, тебя *не задержат после занятий*. Ты будешь наказан. Ясно?

– Да. – Жетоны для хороших мальчиков и девочек, затрещины для плохих. Или что-нибудь похуже затрещин. Концепция пугающая, но очень простая.

– Тебе будут делать уколы. На тебе будут ставить опыты. За твоим психическим и физическим состоянием будут постоянно наблюдать. В конце концов тебя переведут на Дальнюю половину, где ты начнешь исполнять свой долг – выполнять задания. Продолжительность пребывания на Дальней половине составляет в среднем около шести недель, некоторые задерживаются до полугода. Потом тебе сотрут память и отправят домой, к родителям.

– Они живы? Мои родители живы?!

Она засмеялась – на удивление весело.

– Конечно, живы! Мы не убийцы, Люк.

– В таком случае я хочу с ними поговорить. Дайте мне с ними поговорить – и я сделаю все, что вы скажете. – Эти слова вырвались у него прежде, чем он успел понять, какое дает опрометчивое обещание.

– Нет, Люк. Видимо, мы еще не до конца друг друга поняли. – Не убирая ладоней со стола, миссис Сигсби откинулась на спинку кресла. – У нас не переговоры. Ты просто будешь делать то, что тебе говорят, независимо ни от чего. Поверь, это избавит тебя от огромного количества мучений и боли. Никаких контактов с внешним миром, в том числе с родителями. Ты будешь исполнять все наши приказы. Подчиняться всем требованиям и следовать всем протоколам. Время пройдет быстро и незаметно; когда ты нас покинешь, когда одним прекрасным утром проснешься в своей прежней комнате, все произошедшее здесь будет казаться тебе сном. Это даже грустно – на мой взгляд, по крайней мере, – ведь ты забудешь, что имел честь служить Родине.

– Не понимаю, как такое возможно, – сказал Люк скорее себе, чем ей. Он порой так делал, когда что-то – задачка по физике, картина Мане, краткосрочные и долгосрочные долговые обязательства – полностью завладевало его вниманием. – Меня знает столько людей! Одноклассники... коллеги родителей... друзья... нельзя же всем стереть память!

На этот раз миссис Сигсби не засмеялась, но улыбнулась.

– Ты удивишься, на что мы способны. Разговор окончен. – Она встала, обошла стол и протянула ему руку. – Приятно было познакомиться.

Люк тоже встал, однако руки ей не пожал.

– Пожми мне руку, Люк.

Отчасти ему даже хотелось это сделать – привычки давали о себе знать, – но он воздержался.

– Пожми, не то пожалеешь. Повторять я не буду.

Люк понял, что она не шутит, и пожал ей руку. На секунду она удержала его ладонь в своей – не стиснула, но дала понять, что руки у нее сильные, – при этом буравя его взглядом.

– Возможно, мы еще встретимся – в кампусе, так сказать. Очень надеюсь, что это твой последний визит в мой кабинет. Если тебя снова вызовут, гарантирую: наша беседа будет куда менее приятной. Ясно?

– Да.

– Хорошо. Я знаю, тебе сейчас нелегко и кажется, что наступили темные времена. Слушайся нас – и очень скоро ты выйдешь обратно на свет. Можешь мне верить. А теперь ступай.

Люк вышел, снова чувствуя себя как во сне – а точнее, как Алиса в кроличьей норе. Хадад болтал с секретаршей миссис Сигсби (или ассистенткой, или кем там она была).

– Пойдем, провожу тебя в комнату. Только держись поближе ко мне, хорошо? И не вздумай убегать в лес.

Они вышли на улицу и двинулись в сторону общежития. Люку вдруг стало дурно.

– Стойте! Погодите...

Он согнулся пополам и схватил себя за колени. Перед глазами поплыли цветные огоньки.

– В обморок не упадешь? – спросил Хадад. – Ты как?

– Вроде нормально... Дайте мне пару секунд.

– Не вопрос! Тебе сделали укол, да?

– Да.

Хадад кивнул:

– До некоторых не сразу доходит. Отложенное действие.

Люк думал, его спросят про цветные точки или пятна, но Хадад просто стоял, насвистывая и отмахиваясь от роящегося гнуса.

Почему-то Люку вспомнились холодные серые глаза миссис Сигсби и ее молчаливый отказ объяснять, как подобное учреждение может существовать без... какое слово тут подойдет? Чрезвычайная экстрадиция, может быть? Сигсби словно бросала ему вызов: давай, пораскинь мозгами и сделай выводы, ты же умный.

Слушайся нас – и очень скоро ты выйдешь обратно на свет. Можешь мне верить.

Пусть Люку было всего двенадцать и он еще не успел повидать жизнь, в одном он не сомневался: если человек говорит «можешь мне верить», то он почти наверняка врет.

– Полегчало? Идем дальше, сынок?

– Да. – Люк выпрямился. – Только я вам не сын.

Хадад ухмыльнулся, сверкнув золотым зубом.

– На данный момент – сын. Сын Института. На твоём месте я бы смирился и привыкал.

12

Когда они вошли в общежитие, Хадад вызвал лифт, сказал: «Чао-какао!» – и уехал. Люк пошел было в свою комнату, однако увидел Никки Уилхолма: тот сидел на полу напротив машины для льда и ел шоколадную конфету с арахисовым маслом. На стене висел постер с двумя улыбочивыми бурундучками. Бурундук слева говорил: «Живи той жизнью, которую любишь!» – а бурундук справа отвечал: «Люби ту жизнь, которой живешь!» Люк зачарованно уставился на надписи.

– Вот скажи мне, умник, как это назвать? – спросил Никки. – Такой постер в таком месте – это ирония, сарказм или наглое вранье?

– Все сразу, – ответил Люк и сел рядом.

В упаковке было две конфеты, и Никки протянул ему вторую:

– Будешь?

Люк принял угощение. Поблагодарив Ника, он разорвал хрустящий фантик и за один присест слопал его содержимое.

Никки насмешливо наблюдал за ним.

– Тебе первый укол сделали, да? После первого страшно хочется сладкого. Ужинать ты вряд ли станешь, а вот от десерта точно не откажешься. Гарантирую! Точки уже видел?

– Не-а.

Тут Люк вспомнил, как на улице у него закружилась голова.

– Хотя... может быть. А что из себя представляют эти точки?

– Лаборанты называют их Штази-огоньками. Это часть подготовительных процедур. Лично мне уколов почти не делали, странных опытов надо мной тоже не ставили, потому что я ТЛК-положительный. Как и Джордж. А Ша – ТЛП-положительная. Обычным детям достается больше... – Ник задумался. – Впрочем, будь вы обычными, вас бы тут не было... В общем, ты меня понял.

– Они пытаются усилить наши способности?

Никки пожал плечами.

– К чему нас хоть готовят?

– К тому, что происходит на Дальней половине. Этого никто не знает. Как прошла встреча с нашей Сучильдой? Она тебе уже втирала про служение Родине?

– Да. Сказала, что меня призвали на службу. Только, по-моему, не призвали, а принудительно завербовали. Как в семнадцатом-восемнадцатом веках, когда капитанам где-то нужно было брать матросов для кораблей...

– Я знаю, что такое принудительная вербовка, Люкки. Это в школе проходят. И ты во многом прав. – Он встал. – Ну, пошли на площадку. Поучишь меня играть в шахматы.

– Я бы лучше прилег...

– Да, рожа у тебя зеленая. Конфеты помогли? Признайся.

– Помогли, – кивнул Люк. – А за что тебе дали жетон?

– Ни за что. Морин тайком подсунула, когда уходила со смены. Калиша права насчет нее, – сказал Никки, неохотно признавая чужую правоту. – Если в этом вонючем дворце есть хоть один хороший человек, то это Морин.

Они подошли к комнате Люка. Никки протянул ему кулак, и Люк его стукнул.

– Увидимся после звонка, умник. И давай, держи писюн пистолетом!

Морин и Авери

1

Люк погрузился в сон, состоявший из неприятных бессвязных фрагментов, и разбудил его только звонок к ужину. Очень хотелось есть (на этот счет Никки ошибся), а еще больше хотелось общения. Тем не менее перед столовой Люк заглянул в буфет – убедиться, что остальные его не разыгрывали. И действительно, в одном автомате можно было купить вкусняшки, а рядом стоял винтажный, загруженный под завязку автомат с сигаретами. На подсвеченной картинке в верхней его части были изображены мужчина и женщина в вечерних нарядах: они стояли на балконе, курили и весело смеялись. Рядом обнаружился автомат со спиртными напитками, разлитыми в мини-бутылочки (пьющие старшекласники Бродерика называли такие «самолетным выпивоном»). Пачку сигарет можно было приобрести за восемь жетонов, бутылочку ежевичного бренди «Леру» – за пять. Напротив стоял ярко-красный холодильник с кока-колой.

Вдруг кто-то схватил Люка за плечи и поднял в воздух. Люк от неожиданности завопил – и услышал смех Ника.

– Люкки-Пуки съел обед и описался в омлет!

– Отпусти!

Вместо этого Никки принялся трясти его из стороны в сторону.

– Люк-Пердук! Люк-Говнюк! Люк-в-Жопе-Крюк!

Наконец он поставил его на землю, развернул к себе, вскинул руки и принялся плясать под фоновую музыку, лившуюся из колонок под потолком. Калиша и Айрис наблюдали за происходящим с одинаковым выражением лица: *Ох уж эти парни.*

– Ну что, смахнемся? Люк, чего зыришь? В штаны напузыришь!

– Сунь нос мне в зад и задохнись! – со смехом ответил Люк. Ему подумалось, что Никки можно описать одним словом: *живой*. Причем он казался *живым* в любом настроении, плохом и хорошем.

– Неплохо, – заметил Джордж, расталкивая девчонок и подходя поближе к Люку. – Украду?

– Конечно, только не забудь иногда упоминать автора.

Никки прекратил танцевать.

– Ну все, я щас сдохну от голода. Пошли есть.

Люк приподнял крышку автомата с колой.

– Безалкогольные напитки дают бесплатно, как я понимаю? Жетоны нужны только для бухла, сигарет и всяких вкусняшек?

– Ага, сечешь, – кивнула Калиша.

– А это... – Люк показал на автомат с закусками. Большинство товаров можно было приобрести за жетончик, но одно кондитерское изделие стоило целых шесть, – это?..

– Ты пытаешься спросить, содержит ли «Улетный брауни» наркотические вещества? – уточнила Айрис. – Я сама не пробовала, но даже не сомневаюсь, что содержит.

– Ага, – кивнул Джордж. – Меня сперва накрыло, а потом крапивница вылезла. Оказывается, у меня аллергия. Ну все, идем есть.

Они сели за тот же длинный стол. Вместо «НОРМЫ» их теперь обслуживала «ШЕЛЛИ». Люк заказал жареные грибы в кляре, бифштекс с салатом и что-то под названием «Ванильный крем-брюлей». Наверное, в этом зловещем заведении имелись и умные сотрудники – миссис

Сигсби точно не производила впечатления тупицы, – однако составитель меню явно не отличался умом и изобретательностью. Или это было проявлением интеллектуального снобизма с его стороны?

Да какая разница.

Немного поговорили о школах – насколько Люк понял, его новые друзья учились в простых школах, не для одаренных детей, – обсудили любимые ТВ-программы и фильмы. В целом все шло хорошо, пока Люк не заметил, что Айрис то и дело вытирает рукой веснушчатую щеку. Она плакала – тихо и почти незаметно.

– Сегодня мне ничего не кололо, зато в жопе поковырялись, – сказала она.

Увидев озадаченное выражение Люка, Айрис улыбнулась – и по ее щеке скатилась еще одна слеза.

– У них тут ректальные термометры, – пояснила она.

Остальные закивали.

– Понятия не имею почему, – добавил Джордж, – но это унижительно.

– Прошлый век! – воскликнула Калиша. – Наверняка есть какая-то причина, просто... –

Она пожала плечами.

– Кому кофе? – спросил Ник. – Я могу принести...

– Привет.

Все обернулись и увидели в дверях девочку в джинсах и майке. Ее короткие, торчащие во все стороны волосы с одной стороны были выкрашены в зеленый, а с другой – в голубовато-фиолетовый. Несмотря на панковский прикид, она была похожа на заблудившееся в лесу дитя из сказки. Люк подумал, что она примерно его ровесница.

– Где я? Кто-нибудь знает, что это за место?

– Давай к нам, солнце, – ответил Никки и пустил в ход свою ослепительную улыбку. –

Подтаскивай стул и распробуй местную кухню.

– Я не голодна, – ответила девочка. – Ответьте мне на один вопрос: кому надо отсосать, чтобы свалить отсюда?

Так они познакомились с Хелен Симмс.

2

После еды все вышли на площадку (Люк не забыл обмазаться репеллентом с ног до головы) и ввели Хелен в курс дела. Выяснилось, что она ТЛК-положительная, как Джордж и Никки. Чтобы это доказать, она сшибла с доски несколько шахматных фигур, когда Никки их расставил.

– Не просто положительная, а суперположительная! – восхитился Джордж. – Ну-ка, я попробую.

Ему удалось сбить пешку и слегка пошевелить черного короля – только и всего. Потом он сел и выдохнул.

– О'кей, ты победила, Хелен.

– А я думала, мы все проиграли, – ответила та.

Люк спросил Хелен, волнуется ли она за родителей.

– Не особо. Отец у меня алкаш, мама развелась с ним, когда мне было шесть, и вышла – сюрприз-сюрприз! – за такого же алкаша. А потом, видать, подумала, что клин клином вышибают, и тоже начала бухать. Вот по брату я скучаю. Как думаете, с ним все нормально?

– Конечно, – не слишком убедительно ответила Айрис, после чего сразу ушла на батут и начала прыгать. Если бы Люк попытался провернуть такой номер после еды, его бы затошнило.

– Давайте-ка еще раз, – сказала Хелен. – Вы не знаете, зачем нас тут держат; возможно, это имеет какое-то отношение к нашим жалким суперсилам, с которыми даже в «Америка ищет таланты» соваться бесполезно.

– Да что «Америка», нам и детское шоу талантов не светит, – добавил Джордж.

– Над нами ставят опыты. Мы должны увидеть цветные точки, зачем – неизвестно.

– Ага, – кивнула Калиша.

– Потом нас переведут в соседнее здание – на Дальнюю половину, – и вы понятия не имеете, что там происходит.

– Именно, – сказал Никки. – Ты в шахматы умеешь играть – или только фигуры раскидываешь?

Она пропустила его вопрос мимо ушей.

– А когда они с нами закончат, то сотрут нам память, как в каком-нибудь научно-фантастическом фильме, и мы будем жить-поживать да добра наживать.

– Так они говорят, – кивнул Люк.

Хелен задумалась на мгновение и наконец сказала:

– Ад какой-то.

– Видимо, поэтому боженька и дал нам бухло и «Улетные брауни».

Ну все, подумал Люк, еще чуть-чуть – и он снова расплачется. Слезы накатывали, как гроза. Может, для Айрис рыдать при всех и нормально (она же девчонка), а вот парни должны вести себя иначе. У Люка были на этот счет свои представления (устаревшие, но прочно обосновавшиеся где-то в подкорке). Парни должны вести себя – если в двух словах – как Ник.

Он вернулся в комнату, захлопнул дверь, лег на кровать и прикрыл рукой глаза. И вдруг ни с того ни с сего вспомнил Ричи Рокета в серебристом скафандре: так же лихо, как Никки Уилхолм в буфете, тот плясал под «Мамбо номер пять», а дети плясали вместе с ним, хохоча и подпевая. Словно все отлично, словно жизнь всегда будет полна невинных шалостей и смеха.

Слезы, конечно, не заставили себя ждать, ведь Люку было страшно и обидно, а еще он дико скучал по дому. Прежде он не понимал, что значит скучать по дому. Это тебе не летний лагерь и не турпоход, это – ночной кошмар. И Люку хотелось одного: чтобы кошмар поскорее закончился. Хотелось проснуться. А поскольку проснуться было нельзя, он уснул; его тощие плечи и грудь еще долго содрогались от рыданий.

3

Опять дурные сны.

Посреди одного из них (обезглавленная черная псина бежала за ним по Уайлдерсмут-драйв) Люк очнулся и на один чудесный миг подумал, что все это действительно ему приснилось и он наконец-то дома. А потом он посмотрел на новую пижаму и на стену без окна. Сходил в туалет. Спать больше не хотелось. Он включил ноутбук. Тот не потребовал жетонов: видимо, один жетон открывал доступ к компьютеру на двадцать четыре часа. Или (если повезет) на сорок восемь. Часы в верхней части экрана показывали четверть четвертого утра. Значит, до рассвета еще далеко. Вот что бывает, когда поспишь днем, а потом отрубись рано вечером.

Люк подумал было открыть «Ютьюб» и найти там какие-нибудь старые мультики вроде «Моряка Полая», которые всегда поднимали ему настроение (они с Рольфом катались по полу от смеха и орали, как дураки: «Хде мой шпинат?!» и «Ак-ак-ак!»). Но от этого, чего доброго, он затоскует по дому еще сильнее. Что же остается? Лечь и ворочаться в постели до утра? Побродить по пустым коридорам? Заглянуть на площадку? Калиша говорила, что ее никогда не закрывают; в ночи там, наверное, жутко...

– А почему бы тебе просто не подумать, дурачина?

Он сказал это тихо, но все равно подскочил от звука собственного голоса и даже хотел прикрыть рот рукой. Потом встал и принялся нарезать круги по комнате, шлепая босыми ногами и хлопая широкими пижамными брюками. Хороший вопрос. Почему бы ему, в самом деле, не подумать? Разве не это он умеет лучше всего? Лукас Эллис, умница. Умник. Гений. Любит «Моряка Полая», игру «Колл оф дьюти» и бросать мяч на заднем дворе, при этом свободно изъясняется и пишет по-французски (хотя французские фильмы на «Нетфликсе» до сих пор смотрит с субтитрами, потому что они так быстро тараторят – ни фига не разберешь). И эти идиомы безумные... *Voire comme un trou*, например. Почему «пить как дыра», ведь «пить как рыба» гораздо логичнее? Люк может исписать доску математическими уравнениями, перечислить всех президентов США вплоть до Джорджа Вашингтона и научно объяснить, почему движение со сверхсветовой скоростью возможно только в кино.

Так с какой стати он сидит тут сложа руки и жалеет себя?

А что ему остается?

Люк попытался увидеть в этом вопросе пищу для размышлений, а не попытку выразить собственное отчаяние. Побег, скорее всего, невозможен, но вдруг получится что-то разузнать?

Он загуглил «Нью-Йорк таймс» – и, естественно, наткнулся на ЭАЛ-9000; новости для институтских детей были под запретом. Может, получится как-нибудь обойти запрет? Найти лазейку? Мало ли...

Посмотрим, посмотрим. Люк открыл «Файерфокс» и напечатал: #!cloakofGriffin!#.

Гриффином звали человека-невидимку из романа Герберта Уэллса, а сайт, о котором Люк узнал около года назад, помогал детям обойти родительский контроль – конечно, не даркнет, но почти. Люк иногда им пользовался, только не с целью посещать порносайты со школьных компьютеров (хотя Рольф пару раз так делал) или смотреть, как боевики ИГ обезглавливают людей. Просто ему нравилась сама концепция, и он хотел узнать, работает ли она. Дома и в школе работала, а здесь? Надо выяснить. Люк ударил по клавише «ввода».

Институтский вайфай (довольно тормозной) подумал немного и вдруг, когда Люк уже хотел поставить крест на своей затее, открыл «Плащ Гриффина». В верхней части экрана был изображен человек-невидимка Уэллса с забинтованной головой и в крутецких очках-консервах, а под ним – вопрос (и одновременно приглашение): «С КАКОГО ЯЗЫКА ПЕРЕВОДИМ?» Вариантов оказалось очень много, от ассирийского до зулусского. Фишка сайта заключалась в том, что выбор языка не имел никакого значения – главное, что отображалось в истории поиска. Когда-то в «Гугле» была секретная дыра, помогавшая обойти родительский контроль, но мудрецы из города Маунтин-Вью в конце концов ее прикрыли. Так что теперь – только «Плащ Гриффина».

Люк наугад выбрал немецкий язык. Сайт попросил ввести пароль. Воспользовавшись тем, что его папа называл «феноменальной памятью», Люк напечатал: #x49ger194GbL4. Ноут опять немного покряхтел, затем выдал: «ПАРОЛЬ ПРИНЯТ».

Люк снова вбил в строку поиска «Нью-Йорк таймс» и нажал «ввод». На сей раз компьютер думал еще дольше. В конце концов на экране появился свежий выпуск означенной газеты. На английском. А вот в истории веб-поиска с этого момента начали отображаться случайные слова на немецком и их английские эквиваленты. Большая это победа или маленькая – говорить пока рано, да и какая разница? Главное – победа.

Скоро ли похитители сообразят, что он делает? Изменение истории веб-поиска ничего не даст, если они могут в режиме реального времени наблюдать за тем, что происходит на экране. Они сразу увидят газету и прикроют лавочку. Ладно, плевать на «Таймс» с громкими заголовками про Трампа и Северную Корею, надо сперва глянуть миннесотскую «Стар трибьюн» – посмотреть, нет ли там новостей о родителях. Только он собрался это сделать, как из коридора донеслись крики.

– Помогите! На помощь! Помогите! КТО-НИБУДЬ, ПОЖАЛУЙСТА, ПОМОГИТЕ, Я ПОТЕРЯЛСЯ!

4

Орал маленький мальчик в пижаме со «Звездными войнами». Он барабанил по всем дверям без разбора: кулачки ходили вверх-вниз, точно поршни. Десять? На вид Авери Диксону было лет шесть, от силы семь. Одна штанина и область паха на пижамных брюках намокли и липли к телу.

– Помогите, Я ХОЧУ ДОМОЙ!

Люк огляделся по сторонам – наверняка сюда уже спешит какой-нибудь сотрудник Института, а то и несколько, – но в коридоре было пусто. Позже Люк узнал, что оружие в коридоре дети здесь в порядке вещей, а пока ему очень хотелось прекратить как-нибудь эти жуткие вопли. Ребенок впал в истерику и вот-вот довел бы до истерики самого Люка.

Он подошел, присел и взял мальчика за плечи.

– Эй. Эй. Потише, парень.

Этот самый «парень» поднял на него глаза – вокруг них белели круги, – однако взгляд у него был какой-то пустой, невидящий. Волосы слиплись от пота, слезы блестели на щеках, а под носом висела свежая сопля.

– Где мама? Где папа?!

Последнее слово прозвучало не как «папа», а как «ПА-А-А-А-А-АПА» – точно сигнал воздушной тревоги. Мальчишка затопал ногами и обрушил кулаки на Люка. Люк встал, попятился и потрясенно наблюдал, как Авери падает на пол и начинает биться в истерику.

Напротив постера с надписью «ЕЩЕ ОДИН ДЕНЬ В РАЮ» открылась дверь. На пороге возникла Калиша в «вареной» футболке и огромных баскетбольных шортах. Она подошла к Люку, уперлась руками в почти отсутствующие бедра и стала молча наблюдать за новеньким. Потом перевела взгляд на Люка.

– Вообще я немало истерик видала, но эта круче всех.

Открылась еще одна дверь, и в коридор вышла Хелен Симмс в коротенькой полупрозрачной сорочке (Люк решил, что такие называются «неглиже»). Вот у кого точно были бедра... и прочее любопытное оснащение.

– Чего вылупился, Люкки? – спросила Калиша. – Лучше бы помог. Он мне так мозги долбит, что мигрень вот-вот начнется. – Она опустила на колени рядом с дервишем (который уже не пытался говорить, а просто выл) и сразу отшатнулась: он заехал ей кулаком по предплечью. – Господи, да помоги ты мне! Держи ему руки.

Люк тоже встал на колени, с опаской потянулся к новенькому... Наконец, решив, что не хочет выставить себя слабаком и трусом перед прекрасным видением в розовом, схватил мальчишку за локти и прижал ему руки к бокам (сердце у бедняги колотилось раза в три быстрее положенного).

Калиша склонилась над мальчиком, обхватила ладонями его лицо, заглянула в глаза. Тот сразу перестал орать. Слышно было только его учащенное дыхание. Он зачарованно смотрел на Калишу, и Люк вдруг понял, что та имела в виду под долбежкой мозгов.

– Он тоже ТЛП, да? Как ты?

Калиша кивнула.

– Только намного сильнее меня и всех, с кем я успела тут познакомиться. Пойдем, оттащим его в мою комнату.

– Можно мне с вами? – спросила Хелен.

– Конечно, детка, – ответила Калиша. – Люк так точно порадует – вон, глаз от тебя оторвать не может.

Хелен покраснела.

– Пожалуй, я сначала переоденусь.

– Дело твое, – сказала Калиша и повернулась к новенькому. – Тебя как зовут?

– Авери, – осипшим от крика голосом ответил мальчик. – Авери Диксон.

– А я Калиша. Можешь называть меня Ша.

– Только не зови ее Умницей, – добавил Люк.

5

Комната Калиши оказалась куда более девчачьей, чем Люк ожидал (учитывая ее манеру общения). На кровати лежали пухлое розовое одеяло и подушки с рюшами. С письменного стола смотрел Мартин Лютер Кинг в рамочке.

Ша проследила за взглядом Люка и засмеялась.

– Вообще-то они точно повторяют интерьер детской комнаты, но тут, видно, решили, что мое фото на столе – это перебор. И поставили другое.

– А кто был у тебя?

– Элдридж Кливер²¹. Слышал про такого?

– Конечно. «Душа во льду». Я пока не читал, но собираюсь.

Она приподняла брови.

– Ого! Да ты и впрямь крут. Пропадаешь тут зря.

Все еще хлюпая носом, Авери хотел залезть к ней в кровать, однако Калиша его остановила – мягко, но решительно:

– Не-а, в мокрых штанах не пуцу.

Она сделала вид, что хочет их снять, и Авери сразу попятился, стыдливо прикрыв руками пах.

Калиша переглянулась с Люком. Оба пожали плечами.

Она села на корточки рядом с новеньким.

– Ты из какой комнаты?

Авери только потряс головой.

– Дверь открытой оставил?

Кивок.

– Я принесу тебе сухую одежду, – сказал Люк. – А ты побудь здесь с Калишей, хорошо?

Молчание. Ни кивков, ни мотаний головой. Мальчик лишь смотрел на них, растерянно и устало.

– Иди, – велела Калиша. – Я его успокою.

В дверях появилась Хелен, на сей раз в джинсах и свитере.

– Ему лучше?

– Немного, – ответил Люк.

Он увидел на полу в коридоре мокрые следы, ведущие в том направлении, куда они с Морин ходили сегодня менять постельное белье.

– Остальных новеньких пока не слышно, – сказала Хелен. – Наверное, дрыхнут.

– Ага, – сказала Калиша. – Сходи-ка ты с Люком, Новенькая. У нас с Авери тут встреча умов.

---

²¹ Элдридж Кливер (1935–1998) – политический деятель и революционер США, один из основателей Партии черных пантер (леворадикальной организации темнокожих, существовавшей в 1960–1970 гг.), автор книг, посвященных вопросам расового и социального неравенства в современном мире. «Душа во льду» – сборник писем из тюрьмы и очерков, в которых Кливер рассматривает актуальные вопросы культуры, политики, расовой дискриминации и т. д.

6

– Парня зовут Авери Диксон, – сообщил Люк, когда они с Хелен Симмс стояли на пороге комнаты рядом с машиной для льда, которая тихо бормотала о чем-то своем. – Ему десять лет. На вид меньше, правда?

Она вытаращила глаза.

– Ты все-таки ТЛП?!

– Нет, – ответил Люк, разглядывая постер с Томми Пиклзом и коллекцию солдатиков на письменном столе. – Я сюда приходил с Морин, экономкой. Помогал ей застилать постельное белье. Здесь, кроме постели, все уже было готово.

Хелен усмехнулась.

– А, вот ты кто – любимчик учителей!

Люк вспомнил, как Тони влепил ему пощечину, и невольно подумал, что Хелен скоро ждет та же участь.

– Морин не такая, как все. Будь с ней добра – и она будет добра с тобой.

– Давно ты здесь?

– Сегодня прибыл, незадолго до тебя.

– Тогда откуда ты знаешь, кто тут добрый, а кто нет?

– Я только говорю, что Морин хорошая. Ладно, давай искать одежду.

Хелен взяла из комода чистые трусы и штаны (не преминув обшарить все ящики), и они двинулись обратно. По дороге она спросила Люка, ставили над ним уже опыты, которые упоминал Джордж, или еще нет. Люк ответил, что нет, а потом показал чип в ухе.

– Лучше не сопротивляйся. Я вот заартачился – и по роже получил.

Хелен резко остановилась.

– Да ладно?!

Он повернул голову и показал ей ту щеку, на которой синели едва заметные кровоподтеки, оставленные пальцами Тони.

– *Меня* они точно не тронут, – сказала Хелен.

– Не советую проверять эту теорию на практике.

Она взъерошила свои разноцветные волосы.

– У меня уже есть пирсинг, так что плевать.

Калиша сидела на кровати рядом с Авери – она подстелила ему сложенное пополам полотенце – и гладила мальчика по слипшимся волосам. Он смотрел на нее ошалело-мечтательно, словно перед ним была принцесса Тиана во плоти. Хелен бросила Люку одежду. Тот не ожидал такого поворота и уронил на пол трусы с Человеком-Пауком, запечатленным в разных динамичных позах.

– Ладно, мне неинтересно смотреть на его писулек. Пойду спать. Глядишь, проснусь опять в своей комнате – в своей *настоящей* комнате, – и все это окажется сном.

– Удачи, – пожала плечами Калиша.

Хелен ушла. Люк поднял с пола трусы Авери и заодно успел полюбоваться качанием ее бедер в потертых джинсах.

– Конфетка, да? – равнодушным тоном спросила Калиша.

Люк подал ей вещи, чувствуя, как щеки наливаются жаром.

– Типа того. Но по части характера есть над чем поработать.

Он думал, Калиша засмеется – у нее был приятный смех, – однако та помрачнела еще больше.

– Здесь с нее собьют спесь. Оглянуться не успеешь, как ее начнет потряхивать при виде людей в голубых рубашках. Прямо как нас. Авери, давай переодевайся. Мы с Люком не будем смотреть, обещаю.

Они отвернулись – к открытой двери и «райскому» постеру за ней. Пару минут сзади доносилось пыхтение и шмыганье. Наконец Авери сказал:

– Я оделся. Можете смотреть.

Они обернулись.

– Так, а теперь сходи повесь мокрые штаны на край ванны, – велела Калиша.

Авери безропотно поплелся в ванную и тут же вернулся.

– Я все сделал, Ша.

В его голосе не осталось и следа ярости. Он говорил понуро и устало.

– Молодчина. Теперь залезай обратно. Можешь прилечь, если хочешь.

Калиша села, уложила ноги Авери к себе на колени и похлопала по кровати рядом с собой. Люк присел и спросил новенького, все ли у него нормально.

– Наверное, да.

– Не «наверное», а нормально! – воскликнула Калиша и вновь начала гладить мальчишку по волосам. Люк чувствовал – может, он ошибался, а может, и нет, – что между ними что-то происходит. И это что-то доступно только им. Некий внутренний обмен.

– Ну давай. Расскажи ему свой гребаный анекдот, а потом сразу на боковую.

– Ты сказала плохое слово.

– Угу. Валяй.

Авери посмотрел на Люка.

– Охотник гулял по лесу и увидел голубые ели. Присмотревшись, он понял... Что он понял?

Люк хотел сообщить Авери, что анекдоты про голубых в приличном обществе больше не рассказывают... Впрочем, приличным обществом тут и не пахло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.